КУТУЗОВ

Михаил Брагин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Долгое время историки и писатели изучали и описывали, как русский народ, русская армия разгромили непобедимую армию Наполеона. Все эти годы поколения людей всматривались в образ замечательного русского полководца М.И.Кутузова, который в грозный для родины год повел русские войска в тяжкие сражения, к великим победам. Книга М.Брагина – биография М.И.Кутузова. В ней показан полувековой путь великого фельдмаршала, раскрыт его образ, образ той эпохи.

Автор – военный историк и писатель. В своей книге научное описание исторических событий он сочетает с художественным их изображением. Книга иллюстрирована художником В. Носковым.

- Михаил Брагин
  - ○
  - ○ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - ■
    - ■ ГЛАВА I
    - ■ ГЛАВА II
    - ■ ГЛАВА III
    - ■ ГЛАВА IV
    - ■ ГЛАВА V
    - ■ ГЛАВА VI
    - ■ ГЛАВА VII
  - ○ ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - ■
    - ■ ГЛАВА I
    - ■ ГЛАВА II
    - ■ ГЛАВА III
    - ■ ГЛАВА IV
    - ■ ГЛАВА V
    - ■ ГЛАВА VI
    - ■ ГЛАВА VII
  - ○ ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. И. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА
  - ○ КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5

○ 6
○ 7
○ 8
○ 9

Михаил Брагин
Кутузов

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Служил в инженерном корпусе русской армии военный инженер Илларион Матвеевич Голенищев-Кутузов.

Начал он военную службу еще при Петре I, отдал ей тридцать лет своей жизни и, выйдя в отставку с чином генерал-поручика, продолжал работать по гражданскому ведомству в Петербурге.

По его проектам строили в столице каналы, возводили крупные здания. К концу жизни Илларион Матвеевич стал сенатором. Ему поручали заключения по важным государственным делам; к нему шли с жалобами, за советом.

Он был образованным, отзывчивым человеком и за большой ум и знания слыл в народе «Разумной книгой».

5(16) сентября 1745 года в семье Иллариона Матвеевича родился сын, которому суждено было стать великим русским полководцем, его имя – Михаила Илларионовича Кутузова – увековечила история.

И сейчас, спустя 225 лет со дня рождения фельдмаршала Кутузова, его жизнь и полководческая деятельность продолжают интересовать историков, писателей, широкие круги читателей.

Многое о Кутузове написано, немалое осталось еще неизвестным, потому что, живя и действуя в сложной и опасной обстановке, полководец должен был скрывать свои сокровенные тайны даже от своих приближенных.

Многое в истории жизни Михаила Илларионовича было затенено и затемнено наветами его недругов-современников, запутано искажениями монархических историков.

И те и другие силились доказать, что главным действующим лицом в Отечественной войне 1812 года, решавшей судьбу России, был не Кутузов, командовавший ее вооруженными силами, опиравшийся на патриотизм русского народа, а император Александр I.

Еще больше оболгали фельдмаршала Кутузова иностранные историки, принизившие его роль и превознесшие императора Наполеона.

И те, и другие, и третьи не захотели дать честного, ясного ответа на прямые вопросы истории, почему же Наполеона, действительно великого полководца, победил Кутузов и как руководимая им русская армия разгромила, уничтожила великую французскую армию, отстояла независимость России.

Дореволюционные историки почти не исследовали полководческое искусство Кутузова, не проследили, как шел он к победам долгим, трудным воинским путём.

Только советская историография открыла и впервые опубликовала множество документов о деятельности Кутузова, и советские историки, проследив весь жизненный путь полководца, смогли показать причины и основы его успехов.

Первое, что видит исследователь, изучающий жизнь М. И. Кутузова, – жажду знаний, проявленную им с юности, его стремление к образованию.

Трудолюбие, интерес к книгам инженер-генерал Илларион Матвеевич Кутузов привил сыну с детства. Мальчик успешно учился дома русскому и иностранным языкам, арифметике, много читал. Когда Михаилу минуло 14 лет, отец отдал его в артиллерийско-инженерную школу.

Так поступали тогда далеко не все дворяне, хотя были обязаны служить в армии и обучать своих сыновей военному делу.

Петр I издал закон, по которому каждый молодой дворянин должен был начинать военную службу рядовым солдатом, послужить капралом, сержантом и, только пройдя стаж низовой службы в строю, получал право на офицерский чин.

Петр I приказывал: «понеже многие производят сродников своих друзей в офицеры из молодых, которые с Фундамента солдатского дела не знают, ибо не служили в нижних чинах, а которые и служили только для лица по несколько недель или месяцев, того ради на таких требуетца ведомость, сколько и каких чинов есть с 1709 года».

Требовалось «капральские и сержантские лета зачислить тем, которые учились и выучились подлинно…». Без этого «сыновьям Российского государства князей, графов, баронов, знатнейшего дворянства… – предупреждал Петр I, – никому какого ранга не позволяем пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут и за оные характера не получат…» и пояснял, что надо считаться с действительно заслужившими ранги, «дабы оным подать пример к службе и оным честь, а не нахалам и тунеядцам».

Но после смерти Петра I дворяне обошли этот разумный закон. Когда у дворянина рождался сын, его немедленно записывали в службу солдатом и тут же приказом но полку отмечали, что сей солдат находится в домашнем отпуску.

Пока «солдат» мирно спал в колыбели, в списках полка отмечали годы его строевой службы, а затем и право на офицерский чин. Барчук рос малограмотным тунеядцем, тем более что обучали тогда помещичьих детей чаще всего дьячки сельских церквей или иностранцы, наезжавшие в Россию служить лакеями, поварами и бравшиеся за роли гувернеров.

Годы шли, недоросль прибавлялись офицерские чины, и

годам к двадцати он приходил в русскую армию полковником, а кое-когда и генералом.

Румянцев стал генералом в 22 года, Салтыков – в 25 лет. Но если эти генералы были образованными, выдающимися командирами, то основная масса офицеров, не имевших ни образования, ни опыта строевой службы, приносила много бед и несчастий русским войскам.

Они считали, что «наука вся в том состоит, чтобы уметь кричать пали! коли! руби! и быть строгим до чрезвычайности к своим подчиненным, ибо наука да книги умягчают сердце, а от мягкосердечья до трусости один шаг…».

В этих условиях юный Михаил Кутузов, одаренный от природы умом и способностями, очень любознательный, не по летам развитой, подготовленный в домашних условиях к обучению в военной школе, сразу выделился из среды воспитанников артиллерийско-инженерной школы.

Он рос здоровым красивым мальчиком, веселым, казалось, несколько флегматичным, умел подмечать характерные черты своих сверстников и комически незлобиво им подражать.

Товарищи любили Кутузова за веселый нрав, преподаватели ценили его за способности и прилежание.

Учился будущий полководец успешно. Он хорошо освоил инженерное дело и артиллерию, любил военную историю, знал языки: французский, немецкий, латынь, а впоследствии изучил еще и английский, шведский, турецкий и польский.

Особое пристрастие питал Кутузов к инженерному делу и был назначен помогать офицерам в обучении слушателей, о чем 10 декабря 1759 года последовал приказ директора артиллерийской и инженерной школы генерал-фельдцейхмейстера П. И. Шувалова.

«По представлению оной школы каптенармус Михаил Кутузов за его особенную прилежность и в языках и математике знание, а паче что принадлежит до инженера имеет склонность, в поощрение прочим сего числа произведен мною в инженерный корпус первого класса кондуктором; о чем артиллерийская и инженерная школа будучи известна, имеет ему Кутузову сей кондукторский чин объявя, в верности службы привесть к присяге и оставить по-прежнему при школе к вспоможению офицерам для обучения прочих».

Будут идти годы, офицер и генерал Кутузов всегда и всюду будет совершенствоваться в военной науке, будет продолжать поиск знаний, читать русскую, иностранную литературу, древних классиков, овладевать общечеловеческой культурой.

В круг его интересов навсегда войдут литература, искусство,

театр, международная политика. Его дом в Петербурге будет открыт русским и иностранным артистам, писателям.

Кутузов был женат на Екатерине Ильиничне, урожденной Бибиковой, имел пять дочерей – Прасковью, Анну, Елизавету, Екатерину, Дарью; единственный сын Кутузовых умер в младенчестве.

Дочь Елизавета Михайловна стала впоследствии другом Александра Сергеевича Пушкина.

Екатерина Ильинична вела светский образ жизни, была в курсе столичных новостей.

С далеких, глухих театров военных действий генерал Кутузов будет неизменно спрашивать в письмах к жене о дипломатических новостях в столице, о новых пьесах на театре, о гастролях выдающихся артистов европейской сцены; будет писать о новых прочитанных им книгах.

Пройдут десятилетья – и в больших войнах, решая судьбы государств, столкнутся многомиллионные армии, будут бороться умы политиков, стратегов, дипломатов, побеждать будет и сила войск и сила разума полководцев. В этой борьбе будет побеждать Михаил Илларионович Кутузов, один из образованнейших людей своего времени, побеждать будет его могучий интеллект, позволивший ему решать задачи политика, стратега, дипломата.

Но успех принесут не только ум и культура Кутузова. Были и тогда в России сильные умы, образованные люди: достаточно вспомнить, что это было время Михаила Ломоносова, период становления Российской академии наук, затем Московского государственного университета и т. п.

Суть заключалась в том, что высокая культура, образованность стали опорой его военного призвания, стали той основой военного дела, которому Кутузов посвятил все силы своего разума, своей души, всю свою жизнь.

Перед Кутузовым открывалась легкая и безопасная для жизни карьера придворного. Он был к ней хорошо подготовлен.

Знающего иностранные языки, разумного, вежливого в обхождении молодого прапорщика назначили адъютантом к ревельскому генерал-губернатору генерал-фельдмаршалу принцу Гольштейн-Бекскому. Кутузов находился при нем на встречах с титулованными особами и дипломатами, прибывавшими в Россию из-за границы. Но пробыл он в адъютантах недолго.

Сказалось воспитание отца, сказался собственный характер, и молодой офицер выпросился в строй.

Потянулись для него пять долгих десятилетий строевой службы, походов и войн.

Прапорщик Кутузов начал свой воинский путь и рос как

офицер, когда в русской армии стали возрождаться ее боевые традиции времен Петра I.

Он воспитывался с детства под отзвуки славы петровских побед; еще были живы герои Полтавской баталии, и в семье Иллариона Матвеевича чтили память основателя регулярной русской армии.

Но суть заключалась не только в воспитательном значении героических традиций. Анализ полководческого искусства Кутузова явственно показывает то общее, что сближает его с полководческим искусством Петра I.

Кутузова принято считать учеником Румянцева и Суворова, и это безусловно верно: они его прямые учителя, передававшие свои методы вождения войск, свой боевой опыт непосредственно на полях сражения.

В то же время Румянцев и Суворов и сами были учениками Петра I, унаследовали все ценное, что было в его полководческом искусстве, успешно его развивали.

Но в стратегии Кутузова есть и свое, что прямо напоминает стратегию Петра I.

И Петр I и Кутузов вели войны, в которых определялись не только дальнейшие пути России, но решался вопрос о самом ее существовании как независимого государства.

Это определяло масштабы и характер войн, особую ответственность полководцев и, следовательно, характер их стратегических решений.

В сраженьях, которые они вели, нельзя было рисковать судьбами России, нужно было действовать наверняка.

И Петр I и Кутузов имели своими противниками самых выдающихся полководцев тех времен – Карла XII и Наполеона I, – их не имели Румянцев и Суворов.

И Петр I и Кутузов командовали всеми вооруженными силами России и побеждали, уничтожали лучшие, сильнейшие европейские армии – шведскую и французскую; это требовало от русских полководцев невероятных усилий ума, воли, таланта.

И Петр I и Кутузов должны были сочетать оборону с наступленьем, подолгу выжидать, использовать пространство и время, с тем чтобы затем стремительно и решительно атаковать врага. Все это делает черты полководческого искусства Петра I и Кутузова сложными, глубоко интересными.

Надо особо отметить, что Петр I, как император был совершенно независим в своих решениях, Кутузов же был скован решениями императора Александра I, что ставило перед русским фельдмаршалом дополнительные, порой неодолимые трудности.

Чтобы лучше видеть черты полководческого искусства

Кутузова, нужно проследить, что связывало Петра I, Румянцева, Суворова с Кутузовым, проследить путь русской армии, а для этого надо отметить важнейшие этапы военной истории России в XVIII веке.

На этих этапах определялись судьбы страны, а вместе с этим и судьбы, и жизнь, и искусство ее полководцев.

К началу XVIII века в России стали развиваться сельское хозяйство и внутренняя торговля, образовался единый всероссийский рынок, но страна отставала от развитых европейских государств в промышленности, культуре, внешней торговле, организации вооруженных сил и морского флота.

Внешняя политика русского правительства стала все больше нацеливаться на завоевание и укрепление международных позиций государства; дворянство стремилось к захватам новых земель; дворянство и купечество искали выходы к открытым морям для сбыта все увеличивающейся продукции сельского хозяйства.

Это должно было укрепить власть дворянства внутри страны, способствовать обогащенью купечества и росту нарождавшейся русской буржуазии.

И вместе с тем решение этих задач объективно способствовало развитию производительных сил страны и укреплению ее независимости. Без этого отсталая Россия могла стать объектом разделов более развитых, сильных европейских государств, стать их полуколонией.

Россия была отрезана от Балтийского и Черного морей, не допускалась соседями на морские торговые пути. Единственный ее северный порт в Архангельске действовал лишь в короткие летние месяцы.

Это обрекало Россию на экономическую отсталость.

Но главное заключалось в нараставшей опасности вторженья в Россию врагов извне.

Цель соседей России – Швеции и Турции и стоявших за ними в разное время Англии, Франции, Австрии заключалась не только в том, чтобы не допустить русских к Балтийскому и Черному морям, но и в том, главное, чтобы захватить земли России, отбросить русских далеко на восток.

В планах шведского короля Карла XII было удержать за собой прибалтийские земли, некогда отторгнутые от России, не допустить ее к Балтийскому морю, к прямым связям с Европой, захватить Архангельск и тем самым монополизировать русскую внешнюю торговлю и, что самое опасное, захватить Смоленск, овладеть Москвой, лишить Московское государство независимости.

Опасность грозила России и объединившейся с нею Украине со стороны Турции.

Турецкое правительство стремилось не допустить русских к Черному и Средиземному морям, не допустить на мировые торговые пути.

И, что было опять-таки самым опасным, турки и подвластные им крымские татары угрожали Киеву, вторгались в южные русские земли, захватывали и уничтожали села и города, угоняли русских и украинцев в рабство, продавали их на невольничьих рынках.

Борьба за независимость, за выход к морям, за место в Европе составила содержание ее внешней политики на протяжении веков.

Для осуществления этой политики «насильственными средствами» создавалась русская армия и флот, развивалось русское военное искусство, готовились и выдвигались выдающиеся полководцы и флотоводцы.

К началу XVIII века возросло население России, росли ее производительные силы, уже накапливались экономические средства.

Русский народ закалился в тысячелетней борьбе с суровой природой, в тяжелом труде, в боях за свою независимость и существование.

Он пережил вековое татаро-монгольское иго, отразил и разгромил немецких псов-рыцарей, победоносно проявил свои боевые силы на поле Куликовом, изгнал польских интервентов – отстоял свою независимость.

Конечно, войны, которые вела Россия в XVIII веке, преследовали и завоевательные цели, велись прежде всего в интересах русского дворянства и купечества.

Но диалектика истории требует видеть многогранность событий, многозначность исторических явлений.

К. Маркс и Ф. Энгельс глубоко вскрыли антинародную сущность русского царизма, его агрессивность во внешней политике, его крайнюю реакционность в политике внутренней; они показали, что эта политика вела к укреплению власти дворянства, к усилению крепостнического гнета, к расширению абсолютистского государства.

И вместе с тем основоположники научного коммунизма видели также естественную закономерность развития русской нации, историческое значение становления сильного Русского государства.

К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно обращались к этим проблемам истории России и освещали их в разных аспектах.

«Ни одна великая нация не находилась в таком удалении от всех морей, в котором пребывала первоначально империя Петра Великого; никто не мог бы представить великую нацию, оторванную от морских побережий и устьев рек. Россия уже не могла оставить в руках шведов устье Невы, которая являлась естественным выходом для сбыта продукции Северной России, а устья Дона, Днепра и Буга, а также проливов – в руках кочующих разбойничьих татар» (К. Маркс, Секретная дипломатия XVIII века).

Перед Петром I стояла задача возвращения выходов к морям (Черному и Балтийскому), захваченных врагами Русского государства в период его слабости. Удобные морские пути были необходимы для дальнейшего развития России и для успешной борьбы за ее самостоятельность и независимость. Самый факт преобразования Московии в Россию был возможен, подчеркивал Маркс, благодаря ее превращению из континентального государства в морскую державу (К. Маркс, Секретная дипломатия XVIII века).

Ф. Энгельс, касаясь агрессивных действий шведского короля, пишет: «…Карл XII сделал попытку вторгнуться в Россию; этим он погубил Швецию и воочию показал неприступность России».[1]

Таким образом, оценивая исторические события той эпохи, Ф. Энгельс писал о молодой быстро растущей России, о великой подымающейся нации, о Петре I; «действительно великом человеке…».[2]

В этом подходе ключ к правильному пониманию исторического пути государства и роли его армии и ее полководцев в войнах, решавших судьбы России.

Полководческое искусство Петра I раскрылось с наибольшей полнотой в Северной войне, особенно в период Полтавской битвы, и опыт этого периода позволяет видеть, какие черты стратегии этой войны повторились в стратегии Отечественной войны 1812 года; в чем сблизилось полководческое искусство Кутузова и Петра I.

Когда мы говорим о сходстве их полководческого искусства, мы должны видеть также и несходство условий, в которых оно проявилось, ибо известно, что ни один бой непохож на другой, тем более непохожа одна война на другую и тем более несходны войны разных эпох.

– Несходны были Россия и Швеция в начале XVIII века при сравнении с Россией и Францией начала XIX века.

– Несходен во многом ход событий Северной войны и Отечественной войны 1812 года.

– Несходны были армии России и Швеции, России и Франции

в те различные эпохи.

– Несходны Петр I и Кутузов ни положением в государстве, ни возможностями своими, ни характерами.

И все же можно и должно говорить о том, что было сходным, что роднит действия русской армии в те разные эпохи, что сближало искусство ее полководцев и позволяет считать Кутузова прямым последователем Петра I.

Шведскому королю Карлу XII удалось в 1700 году в сражении под Нарвой разбить армию Петра I, затем перенацелить свои удары на союзные с Россией Данию и Польшу; победив последних, развязав себе руки в Европе, сделав Польшу базой своих войск, Карл XII в 1706 году снова вторгся в Россию с запада.

На этот раз шведский завоеватель преследовал далеко идущие цели. Он намеревался разбить русскую армию, прорваться через Смоленск и овладеть Москвой, покорить Русское государство, расчленить его на мелкие, зависимые от Швеции княжества; отделить от России Украину, отдать часть русских земель изменившему России гетману Украины Мазепе и своему ставленнику в Варшаве Станиславу Лещинскому.

Москва, как и всегда, была главной целью агрессоров, и шведский король был настолько уверен в скорой победе, что назначил своего генерала Шпарра губернатором русской столицы.

Шведский историк И. Андерссон писал, что Карл XII «отправился на Восток к центру необъятной русской державы в соответствии с планом, аналогичным плану, которым руководствовался более чем 100 лет спустя Наполеон I». Одинаковы были цели Карла XII с целями Наполеона I, сходны были их стратегические планы, направление наступления армий агрессоров.

И тогда, в Северной войне, как и в Отечественной войне 1812 года, стоял вопрос о самом существовании независимого Русского государства.

Сходно, что в обеих войнах русский народ поднялся на защиту своей родины.

Народ был угнетен крепостниками, изнемогал от рекрутчины и налогов, и тем выше надо ценить его самоотверженность и величие духа, что, не покорившись угнетателям, русским дворянам, он нашел в себе силы вступать в борьбу не на жизнь, а на смерть с иноземными захватчиками, несшими в Россию двойное рабство.

Сходно было то, что русские солдаты в обеих войнах проявили исключительный героизм.

Сходно было, что русская армия, испытавшая за 9 лет до Полтавы поражение под Нарвой, как испытала его за 7 лет до

Бородина под Аустерлицем, не разрушилась, не обессилела, а, наоборот, набрала новые силы, выдвинула целую плеяду замечательных генералов и офицеров, па которых опирались и Петр I и Кутузов.

Сходство условий Северной войны и Отечественной войны 1812 года заключалось в том, что Петр начинал ее 270 лет тому назад в еще отсталой России, а Кутузов 170 лет тому назад, когда царь Александр I не подготовил страну к обороне; и то и это вынудило полководцев отступать в глубь страны, и они, чтобы выиграть время, собраться с силами, вынуждены были отдавать пространство.

Тогда было легче сдавать глухие, не населенные людьми области, но и тогда это несло городам и селам Белоруссии, России, Украины неимоверные бедствия.

Борьба в таких стратегически невыгодных условиях предъявляла исключительные требования к разуму, воле, таланту русских полководцев.

Отлично обученная, хорошо вооруженная, закаленная в боях, привыкшая к победам шведская армия Карла XII изготовилась к вторжению в Россию, как и великая французская армия, с территории Польши.

В тех условиях, имея за плечами страну, судьба которой решалась армией, Петр должен был писать: «Искание генерального боя суть опасно – в единый час все ниспровержено; того для лучше здоровое отступление, нежели безмерный газарт».

В таких же условиях принимал решенья и Кутузов.

На военном совете, собранном Петром I в Жолкове, было решено отступать от западной границы на восток, прятать или жечь запасы провианта, лишать противника возможности питаться за счет населения; ослабить шведов налетами конных отрядов и партизан, нападать на их тылы, привлечь к защите страны население, вести так называемую малую войну.

Населению было указано строить засечную линию от Пскова на Брянск и далее на юг шириной 150–300 шагов; строить преграды на речных переправах и подготовить к обороне Псков, Смоленск, Великие Луки и Москву.

Было приказано жителям пограничной полосы «от Пскова через Смоленск до черкасских городов и на 200 верст поперек объявить, чтобы к весне ни у кого не было явно хлеба, спрятав его в лесах, в ямах и где лучше… того для ежели неприятель похочет обошед войска впасть внутрь, тогда сам не рад будет…»

Перед Петром I была еще и та трудность, что борьба сторон должна была развернуться на громадном театре военных действий от Петербурга до Варшавы и от Западной Украины до

Киева и Полтавы. Еще больший театр войны был перед Кутузовым.

Нужно было решать, где сосредоточить силы, чтобы прикрыть направление и на Москву и на Петербург и отразить нападение сильнейшей в Европе, очень подвижной армии Карла XII.

Петр I расположил сорокапятитысячную группу войск на зиму в районе Гродно, и это было правильным, потому что Карл XII замыслил наступать через Гродно на Псков, Нарву, Петербург, затем на Москву.

Карл XII также расположил армию на зимние квартиры, затем неожиданно начал зимний поход и в январе 1706 года вышел на коммуникации русских.

Над молодой русской армией нависла грозная опасность. С исключительным искусством, настойчивостью и находчивостью выводил Петр I русские войска из-под удара врага.

На коммуникации шведов были брошены конные отряды; к району Гродно были подтянуты резервы; и, наконец, Петр I, улучив момент перед ледоходом на реке Неман, быстро увел свои войска из Гродно, выиграл десять суток, в течение которых начавшийся ледоход не позволял Карлу XII организовать преследование.

100 лет спустя Кутузов будет уводить из-под ударов Наполеона русские войска от Браунау и Цнайму, «положит Дунай» между собой и Наполеоном, и его решения по стилю и характеру напомнят решения Петра I.

Едва позволила обстановка, как Карл XII устремился на восток, с боем форсировал Днепр, овладел Могилевом, пробивая путь на Москву. Он был настойчивым полководцем, рассчитывал на силу, внезапность, быстроту ударов.

Но Петр I навязал ему затяжную борьбу, продолжал атаковать небольшими армейскими отрядами, парализовал снабжение.

Французский посланник при Карле XII писал: «Голод в шведской армии растет с каждым днем… Ах, как тяжела война…»

Через 103 года о том же теми же почти выражениями писалось из французской армии, отрезанной Кутузовым и лишенной снабжения в Москве.

Стратегические планы шведского короля рушились. Отказавшись после неуспеха у Гродно от похода на Петербург, он теперь вынужден был отказаться от наступления на Москву и признался своим приближенным генералам, что у него нет дальнейшего плана войны.

Точно так же в 1812 году Наполеон, осажденный в Москве, спрашивал совета у своих маршалов, как вести войну дальше.

Наконец Карл XII решил идти из Могилева на Украину, там

соединиться с украинским гетманом Мазепой, установить связь с турками, с татарами и поляками и наступать на Москву с юга через Полтаву – Харьков – Курск.

Шведскому корпусу генерала Левенгаупта, расположенному в Прибалтике, Карл XII приказал спешно идти на Украину с обозом боеприпасов, снаряженьем для всей армии.

На широких просторах развернулись острые маневренные действия войск, требовавшие от полководцев предвиденья, гибкости, смелого риска и расчета.

Вслед за ушедшим на Украину Карлом XII Петр I отрядил фельдмаршала Шереметьева, а сам с Преображенским, Семеновским и вновь сформированными полками стал поджидать Левенгаупта.

Близ Старой дороги, ведущей из Варшавы в Москву, Петр с меньшим числом, но отличным корпусом напал на корпус Левенгаупта, перерезал ему коммуникации, нанес охватывающие удары и разгромил его в знаменитом бою у деревни Лесной.

8 тысяч шведов из 16 тысяч спешивших на Украину были убиты и ранены; 7 тысяч повозок обоза с боеприпасами были захвачены русскими войсками.

Вслед уцелевшим Петр I послал погоню, упредил их па переправе через реку Сож и нанес новые потери.

С изнуренными, потерявшими оружие остатками отряда Левенгаупт пришел к Карлу XII, принеся грозную весть о победе русских, потрясшую шведскую армию.

В результате победы у Лесной, которую Петр I назвал матерью Полтавской баталии, у Карла XII к этой баталии оказалось меньше войск, чем в русской армии, и всего четыре пушки.

А Петр I продолжал осуществлять свою маневренную стратегию, которая так характерна для Северной войны и Отечественной войны 1812 года.

Она отличалась от маневренных действий западноевропейских армий, когда достаточно было одной из воюющих сторон создать угрозу на коммуникациях другой, чтобы эта обойденная с тыла армия отступила. Отличалась она и от стратегии, по которой малоподвижные армии подолгу стояли на виду одна у другой, затем, медленно сходясь, решали исход войны прямым столкновением.

В войнах Петра I и Карла XII, как и Кутузова с Наполеоном, применялись широкие маневры на огромном пространстве, столкновения происходили в неясных, сложных, трудных условиях, и сражения велись на разгром и уничтожение противника.

Такая маневренная, решительная стратегия требовала от полководцев ответственности перед страной, предвиденья и настойчивости, расчета и риска, выжидания и стремительности, сочетания обороны с наступленьем, воли, смелости, таланта. Все это и сказалось в стратегии М. И. Кутузова, особенно в 1812 году.

Карл XII просчитался: татары и турки на этот раз не посмели выступить против России; Мазепа не смог поднять украинцев против русских.

Налеты русских летучих отрядов на тылы шведской армии продолжались; она лишилась баз снабжения, на которые так рассчитывал Карл XII, перенося борьбу на Украину; его войска были блокированы.

Сходные условия борьбы создал Кутузов в 1812 году, став у Тарутина, блокировав французов в Москве.

Шведские генералы советовали своему королю уйти с Украины на запад, и так же сто лет спустя французские маршалы советовали Наполеону уходить на запад из Москвы.

И здесь сказался характер агрессоров, не желающих отдавать захваченное: проявился характер Карла XII, схожий с характером Наполеона, – такие полководцы стремятся выходить из трудных положений не отступлениями, а решительными ударами по противнику.

Так Наполеон, покидая Москву, чтобы идти на Калугу, грозил: «Мы пойдем на Запад, и горе тому, кто преградит нам путь», и так же Карл XII, несмотря па превосходство сил Петра I, повел шведскую армию на поле Полтавы.

Виссарион Белинский писал, что у Полтавы разыгралось «не простое сраженье, замечательное по огромности военных сил, по упорству сражающихся и количеству пролитой крови; нет, это была битва за существование целого народа, за будущность целого государства…».

Бородинское сражение по своим непосредственным результатам не было простым повторением Полтавского сражения. Но конечные их результаты были одинаковы.

В обоих одинаково проявились героизм русских войск, военное искусство их командованья; после обоих еще продолжались и Северная и Отечественная войны, но Полтавское сражение завершилось сразу полным разгромом шведской армии у Переволочно, а великая французская армия была полностью разгромлена на Березине через четыре месяца после Бородина.

Карл XII посылал солдат на поле под Полтавой с напутствием: «Идите же завтра туда, куда вас ведет слава…», и Наполеон посылал своих солдат на поле у Бородина со словами: «Воины, вот сраженье, которого вы ждали… да скажут о каждом

из вас: он был в великой битве под Москвой…»

После преследования бегущей к Днепру шведской армии поступило донесение о захоронении тысяч убитых шведов и невозможности учесть всех убитых, трупы которых разбросаны по лесам, полям и дорогам бегства, и в таких же выражениях сообщалось о захоронении и сжигании трупов, оставшихся после бежавшей к Березине французской армии.

Бросив жалкие остатки своей считавшейся непобедимой армии, считавшийся непобедимым Карл XII с полутора десятками всадников бежал в 1709 году из России за кордон в городок Бендеры, и Наполеон I, бросив у городка Сморгони жалкие остатки своей недавно прославленной армии, бежал за кордон с десятком кавалеристов охраны.

Дело не только во внешних, хотя и разительных, сходствах исторических событий, а в их сути.

Русские полководцы Румянцев, Суворов, Кутузов восприняли у Петра I национальную регулярную армию, созданную им вместо ополчений, стрелецкого войска, иноземных полков, которые имела Россия в XVIII веке.

Он организовал и обучал русскую армию для боя, а не для столичных плац-парадов, и требованье учить войска тому, что нужно на войне, стало ведущим для этих полководцев.

Они восприняли не только конкретные примеры стратегии Северной войны, но и уставы Петра I.

Воинским уставом, утвержденным Петром I в 1716 году, пользовались в русской армии до 1826 года – 110 лет, – он переиздавался 15 раз; другие его уставы также применялись с пользой почти столетие.

Уставы охватывали все стороны боевой деятельности и мирной жизни войск. По ним можно было конкретно и деловито обучать пехоту, кавалерию, артиллерию строю, тактике, стрельбе. Экзерцициям в воинском уставе отведено было лишь 5 страниц, а маршу – 23 и полевой службе – 86. Устав требовал от солдат дисциплины, а от офицеров – заботы о подчиненных.

За 50 лет до Фридриха II и за 100 лет до Наполеона I Петр I формировал крупные конные массы, полевую и конную артиллерию; за 100 лет до Наполеона он ввел в боевые порядки частный и общий резерв.

В противоположность уставу Павла I, считавшему, что «солдат есть механизм артикулом предусмотренный», в уставе Петра I записано, что «имя солдат содержит в себе всех людей, которые в войске суть, от вышнего генерала до последнего мушкетера…»

Петр I требовал: «Учить унтер-офицеров, дабы оные знали

командовать, как и обер-офицеры, ибо когда б случилось обер-офицеру отлучиться, також ранену или убиту быть, тогда без всякого указу должен унтер-офицер оное место взять и командовать». В этом уже заключена идея «Всяк воин свой маневр понимает», сформулированная Суворовым.

К тому же требовалось «каждого офицера и унтер-офицера главным генералам искушать… в поле… и ежели который в том неискусен явится, а нижний лучше учинит, то верхнего сводить вниз, а нижнего наверх».

Вводя свой устав, Петр I писал: «Напоследок же объявляю, буде кому в чем не внятно покажется те-б господа офицеры спрашивались хоть у самого генерала…»

Эта доступность высших для низших чинов сочеталась в уставах с требованьем суровой дисциплины и порядка. Петр I требовал от генералов и офицеров «оберегать себя от сребролюбия, понеже оно есть корень всему злу», избегать «похлебства еже есть другое зло, равное вышеписанному». Он пресекал столкновения между офицерами, запретил дуэли и предупреждал: «Ежели же биться начнут и в том бою убиты или ранены будут, то как живые, так и мертвые повешены будут, и никто от того наказания отговориться никак не сможет…»

Особую требовательность предъявлял устав Петра I к офицерам во время боя.

В разделах «Собственноручные для военной битвы правила» и «Учреждение к бою» указывалось: «Капитанам (командирам рот. – М. Б.) свое дело делать, а на майора (командира батальона. – М. Б.) не смотреть… Майорам надлежит подле самой задней шеренги ездить непрестанно… и смотреть, дабы все исправно было…» и разъяснялось: «ежеле он (офицер. – М. Б.) живот свой нерадением дела своего спасти похочет, то после на бесчестной виселице погубит».

И тут же: «…командующим генералам надлежит место свое назначить, где офицерам их в нужном случае сыскать можно…» и «господа генералы смотреть имеют, чтоб ими данные указы… правильно исполняемы были и в том особ своих не жалеть…»

«…Кто же место свое без указу оставит или друга выдаст или бесчестный бег учинит, то оный будет лишен и чести и живота…»

В случае же, если невозможно удержать войска, отступающие без приказа, то «генералам и офицерам оставаться при тех кто устоят…»

«Я приказываю Вам, – писал Петр I, – стрелять во всякого, кто бежать будет и даже убить меня самого если я буду столь малодушен, что стану ретироваться от неприятеля…»

Наряду с требованиями быть стойкими, храбрыми,

дисциплинированными Петр I особое внимание уделял разумности командования.

Устав предусматривал, что чин генерал-квартирмейстера (по-нынешнему – начальника штаба) «требует мудрого, разумного, искусного человека в географии и фортификации», которому «особливо надлежит генерально оную землю знать, в которой свое и неприятельское войско обретается».

Он должен при командующем находиться, всегда все знать о своих войсках и противнике, организовать марш, работу тыла, охрану и «записную книжку или протокол иметь».

Генерал, непосредственно командующий, должен был быть, согласно уставу, «всегда на лошади», то есть среди войск, чтобы лично ими командовать и самому видеть поле боя.

И конечно, особое место отведено в воинском уставе высшему командованию, ибо «командующий генерал-фельдмаршал поход армии повелевает чинить, смотря страну и землям положение…», оценивает противника, руководит всеми боевыми действиями армии, единолично повелевает и за все в ответе. Но и он, облеченный высокой властью, «главные и великие дела… без консилии генералов собственным своим изволением никогда чинити надлежит, а всегда с совету». И даже при внезапном нападении врага «словесный консилиум хотя и на лошадях отправлять должно».

При этом власть безраздельно принадлежит командующему, ибо «командующий высокий генерал душе человеческой в теле уподобляется зане в нем без души ничего не двигается; тако и при армии невольно что главного учинить без повеления и ордера командующего вышнего генерала».

Эти военные идеи Петра I, опыт Северной войны питали военное творчество Румянцева, Суворова, Кутузова, развивавших русское военное искусство в новых и каждый раз своеобразных условиях.

Но к 60-м годам, когда прапорщик Кутузов, закончив обучение в инженерно-артиллерийской школе и сдав адъютантскую должность при генерал-фельдмаршале Гольштейн-Бекском, начал свою службу в строю русской армии, в ней оставалось немного от наследия Петра I.

Преемники Петра не сумели удержать армию на той высоте, на которую она была поднята ее основателем. Они были мелкими, ничтожными, малообразованными людьми, далекими от нужд России. Двор императоров, императриц окружали временщики. Значительная часть дворян, та, что побогаче, обрадовалась возможности не служить в армии, отправилась в свои поместья бездельничать, а те, что продолжали службу,

бездельничали не меньше, обкрадывая к тому же войска.

Основная организационная единица армии – полк был отдан в полное бесконтрольное управление командира полка. Он рассматривал солдат как своих крепостных и вместо обучения их военному делу отправлял в свои поместья на работы. Наиболее предприимчивые посылали солдат на заработки и заработанные ими деньги клали себе в карман. Полки были полны «мертвых душ» – умерших солдат, на которых полковник продолжал получать деньги от казны. Войсковое хозяйство было очень громоздко, обременительно в походах, вокруг него увивались подрядчики, темные дельцы, вкупе с офицерами расхищавшие военное имущество, наживаясь на солдатском хлебе.

Дочь Петра I Елизавета, чтобы снискать доверие армии, объявила себя, вступив на трон, последовательницей отца и повелела «барабанному бою быть, как при Петре». Были переизданы, пересмотрены уставы, но это не исправило положения.

Тактика русской армии устаревала, и, точно в насмешку над воинским уставом Петра I, который главной задачей ставил боевую учебу, кавалерийский устав 1755 года предписывал русским кавалеристам заботиться… об усах. «Каждому кирасиру и драгуну, – гласил устав, – надлежит, как возможно стараться усы отращивать, которые бы всегда в строях и караулах подчесаны и подчернены были, а у гренадеров конных можно усы, как возможно длинно выростя, по щекам заворачивать. У кого же по молодым летам натуральных усов еще нет, то употреблять таким образом накладные». Во всех почти уставах шагистике, экзерциям отводилось первое место.

И все же русская армия в Семилетней войне (1756–1762) победила сильнейшую в Европе прусскую армию Фридриха II. «… Победа сия одержана была… паче отменного храбростью наших войск», – писал участник войны А. Т. Болотов.

И когда «Россия поставила прусское государство на край гибели» (Ф. Меринг), его спас, заключив мир, приверженец Пруссии – царь Петр III. Сын голштинского герцога и дочери Петра I Анны, Петр III стал царем по воле своей тетки – русской царицы Елизаветы, но остался голштинцем на русском троне. Россией он не интересовался. Его кумиром был прусский король Фридрих II, перед которым Петр III преклонялся, заявляя, что прусская шляпа для него дороже русской короны. Он гордился чином генерал-майора и должностью командира прусского полка и клялся, что по велению Фридриха II готов идти за ним на любую войну. В пьяном виде, а пьян он был почти ежедневно, Петр III говорил немецкому послу «такой вздор и нескладицы, –

писал Болотов, – что даже сердце обливается кровью перед иностранцами».

После заключения мира с Фридрихом II русская армия вернулась в Россию, и ее стали обучать на манер прусской армии, которую она только что разбила.

Петр I тоже не считал зазорным учиться военному делу даже у своих противников. Но он воспринимал все лучшее в военном искусстве Запада и, используя все передовое, развивал собственные успехи русской армии. Он привлекал из-за границы на службу специалистов – образованных инженеров, артиллеристов, действительно полезных офицеров и генералов.

Совсем иначе шло дело при наследниках Петра. Иностранцев приглашали потому, во-первых, что русские дворяне старались пораньше уйти в отставку и надо было заполнять свободные вакансии в войсках; и, во-вторых, потому, что иноземные наемники ограждали от народа царский трон и душили русский народ еще сильней и беспощадней, чем «свои» угнетатели-помещики. Этим наемникам были чужды интересы России, иные из них были ей прямо враждебны, почти все они имели главной целью свою карьеру, стяжательство, обогащенье. (С одним из подобных наемников – бароном Леонтием Беннигсеном придется вести тяжелую борьбу М. И. Кутузову в 1812 году.)

Но в 60-х годах XVIII века обстановка, сложившаяся в России, способствовала тому, что русскую армию стали поворачивать на путь, по которому она шла при Петре I.

Мир с Пруссией и война с Данией, которую затевал Петр III, не считаясь с интересами России, недовольство дворян и гвардии, интересы которых он игнорировал и ущемлял, привели к заговору. Заговорщики свергли Петра III, вскоре он был умерщвлен, и возвели на трон участвовавшую в заговоре его жену Екатерину.

Дворянская Россия при Екатерине II поставила перед собой большие цели. Петр I вывел Россию к Балтийскому морю, но к черноморским берегам ее по-прежнему не допускала Оттоманская империя.

Для больших войн нужна была большая, хорошо вооруженная, обученная армия; крепнувшая промышленность страны позволяла ее вооружить, и во второй половине XVIII века войска России увеличились в девять раз.

В русской армии снова стали ценить боевой опыт, улучшали обучение войск, трезво оценивали опыт иностранных армий, отказывались от ненужных экзерциций и сковывающих солдата форм одежды.

Потемкин в своем приказе писал: «В Россию вошли офицеры

иностранные с педантством того времени, а наши, не зная прямой цели вещам военного снаряда, почли все священным и как будто таинственным. Им казалось, что регулярство состоит в косах, шляпах, обшлагах, ружейных приемах и прочем. Занимая же себя таковой дрянью, и до сего времени не знают еще самых важных вещей. Словом, одежда войск наших и амуниция такова, что придумать нельзя лучше к угнетению солдата. Тем паче, что он, взят будучи из крестьян (в 30 почти лет), узнает уже узкие сапоги, множество подвязок, тесное нижнее платье и пропасть вещей век сокрушающих. Красота одежды военной состоит в равенстве вещей их употреблению. Всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно плод роскоши, иждивенья и слуг, чего у солдата быть не может… Костюм солдата должен быть таков: как встал, так и готов».

Достаточно сказать, что у кавалеристов вес одежды и снаряженья был уменьшен на 1 пуд 39 фунтов (!) – легко себе представить, каков же он был до этого!

Была создана воинская комиссия по разработке новых инструкций и уставов, в которых учитывался опыт войн. В инструкции пехотного полка полковнику указывалось, что солдат надо обучать разумно и не наказывать их без вины.

Это не значит, что стал гуманней строй крепостников и подобрели дворяне-офицеры. Наоборот, при Екатерине II гнет крепостничества становился все более невыносимым. Крестьянство, составлявшее 96 % населения, было измучено войнами, требовавшими сотен тысяч рекрутов, хлеба, скота. Две трети государственного дохода уходило на армию, а новые налоги непосильной тяжестью ложились на плечи народа.

Крестьянство ответило восстанием Пугачева, из года в год, из века в век бунтовало, не мирясь с помещиками.

Царскому правительству был необходим солдат для армии, осуществлявшей завоевательные планы, а беспощадно наказуемый рекрут не мог стать обученным военному делу солдатом; армия нужна была как сила и для подавления народа, и нужен был готовый на это солдат.

Потому именно новые инструкции рекомендовали учить солдата «с терпением» и внушать ему, что, дав присягу царю и став солдатом, он перестает быть крестьянином.

Были в русской армии офицеры, генералы, полководцы, верой и правдой служившие царям и не за страх, а за совесть осуществлявшие планы своего класса – дворянства.

И в то же время они превыше всего дорожили национальными интересами России, судьбами родины, и они же по-настоящему гуманно относились к русскому солдату, были подлинно близки к

нему.

Таким полководцем был Александр Васильевич Суворов. В 1762 году, будучи полковником, он командовал Астраханским пехотным полком, и к нему на должность командира роты прибыл юный прапорщик Михаил Кутузов.

Невиданные для того времени картины боевой учебы и войскового быта увидел Кутузов в Астраханском полку. Солдат не били, не издевались над ними. Они были одеты, обуты, накормлены.

Полк часто поднимали по тревоге, и командир полка вел его вначале по дорогам, потом покидал «битый путь» и шел целиной, сквозь леса, переправлялся по любой местности, в любую погоду, в любое время суток и года. Суворов обучал солдат штыковым атакам. Во главе своей роты Кутузов бросался в штыки на другие роты и стремился прорваться сквозь их строй, зная, что и они не отступят, не пропустят. При ударе в штыки Суворов не позволял наступающим ни на секунду задерживаться, но, как бы ни был удар силен, он не позволял отражающим этот удар обойти и только в последнее мгновение разрешал поднять вверх штыки, чтобы солдаты не поранили друг друга в начинавшейся отчаянной схватке. На роты пехоты «в полный карьер на саблях» скакала кавалерия, и опять, чтобы научить пехоту выдерживать этот натиск, и то только в самое последнее мгновение, пехотинцам разрешалось разомкнуться и пропустить сквозь свои ряды кавалеристов. Учились не только люди. Позади строя пехоты Суворов приказывал ставить лукошки с овсом, и лошади привыкали прорываться сквозь строй, зная, что за ним их ждет поощрение.

Полковник водил полк в труднодоступные места, строил там укрепления, и солдаты обучались штурму крепостей. Кутузов хорошо усвоил суворовское правило: «Тяжело в учении – легко в бою», от которого ни на шаг не отступал полковник.

Кончались ученья и маневры. Кутузов видел, что Суворов, подстелив плащ, отдыхает вместе с солдатами у бивачного костра, беседует с солдатами об их горестях и скромных радостях, шутит, сыплет прибаутками.

Когда полк возвращался на квартиры, опять куда-то торопился полковник, и под мышкой у него видел Кутузов две книжечки. Оказывается, Суворов построил школу для солдатских детей, сам написал для них букварь и задачник и сам обучал солдатских детишек грамоте.

Понял молодой Кутузов, за что так любят солдаты Суворова, почему так верят ему, почему готовы идти за ним в огонь и в воду, и понял, что они способны сокрушить любого врага, потому

что выучка, которую они проходят, не имеет себе равной ни в русской, ни в иностранных армиях.

Суворов заметил способного офицера, приблизил его к себе. Он рассказывал Кутузову о том, как девять лет назад служил простым солдатом, унтер-офицером, рассказывал о боях в Пруссии во время Семилетней войны.

Суворов объяснял Кутузову, что сила русской армии в солдате. Надо только учить солдата, ибо «солдат, – приговаривал при этом полковник, – ученье любит, было бы с толком», а толк заключается не в шагистике и муштре, а в том, чтобы учить тому, что потребует война, чтобы солдат чувствовал, что он и в мирное время на войне…

Так учил и воспитывал свой полк Суворов, так учил он Кутузова.

На этот раз они недолго служили вместе. Но через десятилетия боев и походов, через всю свою жизнь бережно пронес и осуществил Кутузов наставления своего наставника.

Изображая Кутузова, порой пишут так, точно он сразу пришел к руководству армиями и повел их к победам. Но, оценивая Кутузова, надо всегда учитывать, что он почти сорок лет провел в боях и походах, и, прежде чем получить в командование армию, Кутузов командовал ротой, батальоном, отрядом, полком, корпусом. Это закалило Кутузова, обогатило служебным и боевым опытом. Он стал профессионалом военного дела.

Он постигал природу боя и войны, сущность полководческого искусства в действиях полководцев Румянцева и Суворова. На этой основе рос и развернулся его полководческий талант.

ГЛАВА II

В 1764 году, когда войска двинулись в Польшу, капитан Кутузов добился перевода в действующую армию. За годы 1764, 1765, 1769-й он участвовал в ряде небольших боев (крупных операций там не велось), втянулся в походную жизнь, но, как сам впоследствии признавал, «войны еще не понимал».

В 1770 году Кутузова перевели в армию Румянцева, действовавшую против турецких войск в Молдавии и Валахии. Молодому офицеру повезло: он поступил в распоряжение выдающегося полководца.

Петр Александрович Румянцев (родился в 1725 году) к русско-турецкой войне (1768–1774) был генерал-аншефом; его талант уже блистал в Семилетней войне, где он накопил большой боевой опыт. Образованный генерал написал свой «Обряд службы» – инструкцию, основанную на этом опыте, предназначенную для полевой выучки войск, для войны.

Трудная стратегическая задача стояла перед Румянцевым в Дунайской кампании.

Оттоманская империя по-прежнему не допускала Россию на земли северного Причерноморья, принадлежавшие русским с незапамятных времен; не допускала к Черному морю, издавна названному Русским морем, по которому некогда плавали суда русских.

Турция располагала многочисленной сильной армией, готовилась к вторжению в русские земли, не шла на компромиссы, первая разорвала дипломатические отношения с Россией, и только разгром турецких войск мог обеспечить успех русской политике.

Две армии – 1-я генерала Румянцева и 2-я генерала Панина и четыре отдельных корпуса действовали на Дунае, против Крыма, на Кавказе, и наибольшие усилия пришлось сделать армии Румянцева.

Она наступала к Дунаю против сильнейших группировок турецких и татарских войск. Театр военных действий был очень далек от России, коммуникации непомерно растянуты и открыты ударам врага; край глухой, бездорожный, население редкое, поражаемое вспышками чумы; впереди лежала местность, изрезанная реками, с приречными болотами, озерами, встречались гористые районы, затруднявшие наступление, и равнины, где преимущество было на стороне более многочисленной турецко-татарской конницы. Общее численное преимущество все время было на стороне противника.

Было где и в чем проявиться боевым качествам русских войск, талантам их полководца; было чему у него поучиться молодому офицеру генерального штаба Кутузову. Ему повезло и с назначением в корпус опытного, боевого генерала Баура, выполнявшего наиболее ответственные задания в сражениях, затем на должность оберквартирмейстера армии.

Кутузов оказался в трудных, сложных условиях маневренных действий, в сфере огня ожесточенных сражений в урочище Рябая Могила, на реке Ларге, близ озера и реки Кагул, вошедших в историю русской армии.

Армия Румянцева двигалась с берегов Днестра – от Хотина на юг, через Яссы, вдоль берегов Прута и Серета к Дунаю.

В урочище Рябая Могила, южнее Ясс, сосредоточилась армия молдавского визиря. Против ее 72 тысяч солдат с 44 орудиями Румянцев имел 39 тысяч солдат и 115 орудий, однако решил атаковать турецкий лагерь.

Румянцев отказался от линейной тактики, по которой войска располагаются равномерно по всему фронту в единую линию и в таком громоздком, малоподвижном боевом порядке ведут бой. Линейная тактика позволяла генералам обозревать все свои войска, казалось, облегчала, а верней, упрощала управление ими, считалась менее рискованной, давно была апробирована на Западе и в России.

Но эта тактика привязывала войска к местности, лишала их маневра, подвижности, не давала инициативы начальникам, не требовала от главнокомандующих смелых творческих решений и не вела к решительным победам; зато при неудаче на одном участке влекла катастрофу и на другие.

Румянцев вводил и утверждал в военном искусстве свою тактику.

Он разделил свои войска на отряды: Баура – 4 тысячи солдат, Потемкина – 4 тысячи, Репнина – 8 тысяч и главные силы – 23 тысячи, сосредоточил последние в своих руках. Каждому отряду была поставлена самостоятельная задача: они должны были «врозь итти – вместе бить» по врагу с разных направлений; движение к полю сражения совершалось ночью с переправой через реку Прут. Главные силы Румянцева были готовы нанести решающий удар там, где откроется необходимость. Артиллерия двигалась в боевых порядках пехоты, готовая своим огнем начать сражение.

В ночь на 28 июня 1770 года русские войска подошли к турецкому лагерю. Сокрушительный удар с фронта, с тыла и флангов, неукротимый натиск «на штыках», впечатление полного окружения сломили волю противника, привели к разгрому

лагеря.

Румянцев доносил в Петербург, что генерал Баур «весьма похваляет» своих командиров, которые «не боялись ни опасности, ни трудов и шли охотно ударить на неприятеля». Среди лучших офицеров был назван капитан Кутузов.

Армия Румянцева продолжала наступление; ее разведка донесла, что восьмидесятитысячная армия противника вновь сосредоточилась на берегу реки Ларги, при ее впадении в реку Прут. 15 тысяч турецкой пехоты заняли оборону в сильно укрепленном лагере, и 65 тысяч татарской конницы готовились нанести встречные удары. К Ларге из-за Дуная перебрасывались на трехстах судах войска великого визиря. Несмотря на двойное численное превосходство противника, Румянцев решил атаковать лагерь при Ларге до подхода к нему резервов. Румянцев говорил, что «слава и достоинство наше не терпит, чтоб сносить присутствие неприятеля, стоящего на виду у нас, не наступая на него». Это можно бы посчитать самонадеянным бахвальством или уверенностью в слабости противника, а не было ни тем, ни другим.

Турецкие войска были многочисленны и сильны в боях: пехота в обороне, конница, имеющая отличных наездников, в бешеной атаке; русский генерал хорошо знал силу и слабости противника и знал силу своих войск, верил в свое искусство.

Румянцев снова разделил армию на четыре группы, каждой поставил задачу, предоставил генералам инициативу действий, всем приказал стремиться к единой для всей армии цели.

Сближение отрядов было назначено на ночь. Чтобы в короткую июльскую ночь выйти одновременно к цели по разным маршрутам, преодолевая реки, войскам требовалась железная дисциплина, организованность, командирам – искусное, твердое управление, Румянцев должен был предвидеть ход операции, проявить смелость, расчет и пойти на риск.

Шестидесятипятитысячная масса конницы могла обрушиться на тылы наступающих войск, и казалось целесообразным прикрыть их большими силами. Румянцев принял иное решение: выделил в прикрытие одну бригаду. Он всегда считал, что быстрый разгром противника снимает и опасность, угрожающую своим тылам. «Оборона, – говорил он, – сильна не рогатками, а своим огнем и мечом».

В ночь на 18 июля татарские разъезды обнаружили русские отряды, подходившие к лагерю. Десятитысячная масса конницы напала на их тылы. Румянцев приказал пехотной бригаде отразить неприятеля и продолжал наступление.

Новые и новые десятки тысяч всадников буквально затопили

местность вокруг русских каре, но остановить их не могли. Эти каре были новшеством, вводимым Румянцевым в тактику. Издавна был известен строй каре, по которому войска строились в огромный четырехугольник, прикрываемый рогатками для обороны и малопригодный для наступления. Да и в обороне достаточно было атакующему проломить одну сторону каре, как рушился весь строй.

Румянцевым вводились в тактику русской армии небольшие каре от дивизии до батальона, способные к обороне и наступлению, имеющие свои пушки, прикрываемые на флангах своей кавалерией, поддерживающие друг друга «крестным» (перекрестным, фланговым) огнем. Они успешно отражали огнем и штыками налеты конницы и продолжали наступление.

Первый, самый опасный удар десятков тысяч всадников был отбит, бешеный порыв не организованных в регулярные части конников противника сменился неуверенностью, контратака каре отогнала их к лагерю.

Турецкая пехота держалась за укреплениями лагеря дольше, но и она не могла отразить штыковые атаки, теряла самообладание, видя неотвратимость наступления русских с фронта, с тыла и флангов.

В четыре часа утра началось сражение, к двенадцати часам дня лагерь при Ларге был взят, уцелевшие его защитники бежали на юг к Дунаю.

В день, когда был разгромлен лагерь при Ларге, великий визирь закончил переброску своих войск с южного берега Дуная на северный. Вместе с войсками, бежавшими от Ларги и подошедшими от Измаила, у великого визиря собиралось 50 тысяч пехоты и 100 тысяч конницы. С такими силами визирь решил разбить Румянцева, тем более что ему стала известна численность русских.

Турецко-татарские войска двинулись в наступление, стягиваясь к озеру Кагул.

У Румянцева была возможность отойти. Это сочли бы целесообразным: силы были слишком неравны, коммуникации русских войск еще больше растянулись, не могли быть прикрыты от налетов конных отрядов, подвоз был затруднен, провианта осталось на три дня.

Румянцев решил атаковать. «Я того мнения был и буду, – говорил полководец, – что нападающий до самого конца все думает выиграть, а обороняющийся оставляет в себе страх соразмерно сделанному на него стремлению. Не полагаю я отнюдь быть и правилом, чтобы всегда надобно равное противу равного употреблять оружие, а держусь того, чтоб своим

превозмогать над противником».

Суть заключалась не только в таких общих верных положениях Румянцева, а в том также, что полководец строил свои практические планы, руководствуясь этими принципами и учитывая конкретную обстановку борьбы. Как ни велик бывал размах сражений, проведенных Румянцевым, как ни талантлив был генерал, он решал свои тактические и стратегические задачи на основе неустанного всестороннего и детального изучения обстановки.

Перед сражением у Кагула Румянцев не слезал с коня, лично вел рекогносцировки (известно, что он даже на учениях изматывал по две смены сопровождавших его офицеров, а сам не покидал седла).

Установив, что армия визиря превосходит его армию в четыре-пять раз, Румянцев старался обмануть противника. «Стараюсь, – писал он, – в неприятеля вложить больше мыслей, чем суть прямые мои силы, и прикрывать недостаток оных видом наступательных действий».

Опытный полководец обнаружил невыгодные стороны позиции великого визиря, слабое место его боевого порядка и против него сосредоточивал свои главные силы.

Учитывая огромный перевес противника в коннице, Румянцев выделяет на этот раз 11 тысяч солдат на прикрытие своего тыла, с 8 тысячами сковывает правый фланг турок и 19 тысяч сам ведет на их левый фланг.

В пять часов утра 2 августа 1770 года завязалось Кагульское сражение. Великий визирь бросил на тылы русских татарскую конницу, которую с трудом сдерживали войска, посланные Румянцевым. Турецкий лагерь встретил подходившие русские каре огнем ста пятидесяти орудий. В восемь часов утра из лагеря перешли в атаку 10 тысяч янычар (отборной турецкой пехоты); они смяли одно каре, стали теснить другое.

«Теперь настало наше дело», – спокойно сказал Румянцев, помчался к отступающим войскам, остановил их, построил в каре, повернул им на помощь соседние каре, бросил в атаку резервы и выдвинул орудия.

Удары пушечных ядер в сплошные толпы янычар, по плотным массам конницы наносили им страшный урон; взаимодействие артиллерии с пехотой и кавалерией, атаки каре «на штыках», натиск регулярных, твердо управляемых войск были эффективней отчаянных порывов противника. К полудню огромный лагерь великого визиря был разгромлен, были захвачены сто сорок орудий, весь обоз.

«…Не ушла ни одна нога, – писалось о результатах сражения

в журнале военных действий, – …великая часть их (турок), избегнув наших рук, потопилась в Дунае, когда визирь прибежал в торопливости и страхе. Бегущие воины, угнетая и рубя друг дружку, одни садились на суда, другие хватались за канаты и доски, погружая самые судны неумеренною тягостью ко дну вместе с собою. Словом, гибель тут была туркам наивеличайшая…»

Все пространство между Днестром, Прутом и Дунаем было занято русскими войсками. Румянцев был произведен в фельдмаршалы.

Для М. И. Кутузова эти сражения стали незабываемой школой военного искусства. Корпус генерала Баура всегда наступал на главных участках. Кутузов, как офицер генерального штаба, сам вел разведку, производил рекогносцировку, разбирался в сложных передвижениях своих войск и противника, бросался с резервами туда, где назревала опасность, а ночами составлял планы действий корпуса. Он близко видел действия Румянцева в сражениях, где тот добивался высших успехов и славы.

Кутузов постигал стратегию сокрушения Румянцева, считавшего, что «никто не берет города, не разделавшись с войсками, его защищавшими». И здесь же видел Кутузов, что стратегия Румянцева заключается не только и не всегда в наступлении. Когда Румянцева после одержанных побед стали из Петербурга понуждать перейти Дунай, он категорически отказался: «Стою непременно на том правиле, что, не обеспечивши надежно оставляемого за собой, большими шагами нельзя ступать вперед».

Наступит время, и Кутузов осуществит основную идею стратегии и тактики Румянцева: не раз добьется разгрома и полного уничтожения армии противника; применит, как и Румянцев, охват армии противника и удары по ней с фронта, с тыла, с флангов, в каждом бою будет творить, как и Румянцев, но при иных условиях, в борьбе с иным противником, иначе, чем Румянцев. Да и Румянцев, имея перед собой не 150 тысяч турок и татар, а великую французскую армию во главе с Наполеоном, вряд ли атаковал бы ее сразу силами 40 тысяч солдат, имея позади Москву и страну, независимость которой зависела от данного сражения.

До той поры, когда Кутузов применит замечательный опыт и уроки Румянцева, пройдет еще сорок лет.

А пока служба Кутузова в армии Румянцева неожиданно и нелепо прекратилась. Кто-то из «друзей» Кутузова донес Румянцеву, что в часы досуга под веселый смех товарищей капитан Кутузов копировал походку и манеры

главнокомандующего. А фельдмаршал был очень обидчив; несмотря на чины и славу, его обходили в Петербурге, при дворе уязвляли самолюбие, потому крут и резок был Петр Александрович в обращенье даже с вышестоящими.

Безупречная служба и боевые заслуги спасли молодого офицера от гнева главнокомандующего, он удовлетворился переводом насмешника в Крымскую армию.

Это событие оставило на всю жизнь глубокий след в характере Михаила Илларионовича. Он стал скрытным, недоверчивым, замкнутым. Внешне это был тот же Кутузов, веселый, общительный, но близко знавшие его люди говорили, что «сердца людей открыты Кутузову, но его сердце закрыто для них».

В Крымской армии Кутузов продолжал трудный и опасный путь боевого командира. То, командуя казаками, он дерется в стычках с татарскими наездниками, то ведет разведку, затем командует батальоном, во главе которого участвует в отражении турецкого десанта на крымское побережье, в штурме укрепления, который едва не стал для М. И. Кутузова роковым.

Об этом бое и ранении Кутузова под Алуштой (где ныне стоит памятник) доносил Екатерине II генерал-аншеф В. М. Долгоруков.

«…На отражение неприятеля, выгрузившего флот и поставившего лагерь свой при местечке Алушта, – писал он образным слогом того времени, – поспешал я туда… со всевозможною скоростью… 22 числа (22.7–3.8. 1774 г. – М. Б.) прибыл я… в самую внутренность гор, откуда лежащая к морю страшною ущелиною дорога окружена горами и лесом, а в иных местах такими пропастьми, что с трудом два только человека в ряд пройти могут, одни только войска… на собственных раменах открыли там путь единорогам.

Между тем турки, отделясь от главного своего при Алуште лагеря… тысячах в семи или осьми, заняли твердую позицию в четырех верстах от моря, пред деревнею Шумою, на весьма выгодном месте, с обеих сторон которого были крутые каменные стремнины укреплены ретраншаментами.

Неприятель, пользуясь удобностью места и превосходством сил, защищался более двух часов, когда каре, подаваясь вперед непроходимыми стезями, приобретали каждый шаг кровью, не умолкала с обеих сторон производимая из пушек и ружей наисильнейшая пальба».

Было приказано: «приняв неприятеля в штыки, продраться в ретраншамент, что и исполнено… где сильнейшее было сопротивленье Московскому легиону.

…Турки… бросились стремглав к Алуште, оставя свои батареи, будучи гонимы к обширному лагерю своему на берегу стоящему.

…Число побитого неприятеля наверно знать не можно, поелику в пропастях и между каменьями повержены тела их.

…Из числа раненых… Московского легиона подполковник Голенищев-Кутузов, приведший свой батальон, из новых молодых людей состоящий, до такого совершенства, что в деле с неприятелем превосходил оный старых солдат.

Сей штаб-офицер получил рану пулею, которая, ударивши его между глазу и виска, вышла напролет в том же месте на другой стороне лица…»

Пуля пробила голову, не задев мозга. Кутузов выжил и отправился за границу лечиться.

Михаил Илларионович много путешествовал по Европе, долго жил в Лейдене – тогдашнем центре науки, встречался с учеными, передовыми людьми Европы и европейскими полководцами того времени – Фридрихом II и Лаудоном.

Вернувшись в Россию, Кутузов немедленно направился в армию и опять попал к Суворову, командовавшему войсками в Крыму.

Снова встретились ученик и учитель и на этот раз не расставались шесть лет. Это были сравнительно мирные годы. Крым в результате войн с Турцией был объявлен независимым, борьба с Турцией за влияние на крымских татар продолжалась, но эту борьбу Суворов вел то демонстрацией против турецких кораблей, заходивших в порты Крыма, то дипломатическим путем, поручая Кутузову дела наиболее сложные, требующие благоразумия и большого такта.

В эти годы Кутузов снова проходил суворовскую школу обучения и воспитания войск. То, что зародилось в Астраханском полку двадцать лет назад, теперь окрепло и превращалось в суворовскую «Науку побеждать». Кутузов постигал важнейшие правила «Науки побеждать»! «глазомер, быстрота, натиск», требовавшие от командира правильной оценки обстановки: «как в лагере стать, как идти, где атаковать, гнать и бить, примерного суждения о силах неприятельских для узнания его предприятий».

Кутузов постигал суворовское построение колонн для похода, организацию марша, отдыха, стремление к быстроте, ибо «победа зависит от ног, а руки ее довершают». «По сей быстроте и люди не устали. Неприятель нас не чает, считает за 100 верст, а коли издалека, то за 200, 300 и больше. Вдруг мы на него, как снег на голову. Закружится у него голова. Атакуй, с чем пришел… Конница, начинай руби, коли, отрезывай, не упускай, ура! Чудеса

творят братцы». И наконец, натиск. Могучий суворовский натиск. «У неприятеля те же руки, да русского штыка не знает», – учил Суворов, развивший искусство владения штыком до совершенства и оставивший это наследие русской армии. И ни одна армия в мире не выдерживала штыкового удара русских солдат.

«Пуля – дура, штык – молодец», – учила «Наука побеждать», потому что пуля тогда летела на 60– 100 шагов.

Но это же правило дополнял он правилом: «огни открывают победы» и начинал свои сражения огнем, особенно артиллерии и егерей, завершал все тем же массированным штыковым ударом построенных в колонны русских солдат.

Этим правилам давало смысл и силу суворовское «всяк воин свой маневр понимает». Это было переворотом в обучении и воспитании войск. Русскому солдату не позволялось иметь свое суждение, и на вопрос офицера он отвечал чаще всего «так точно», «никак нет» или «не могу знать».

«„Немогузнайка“, – возмущался Суворов, – хуже противника и может погубить всю армию». В эпоху, когда господствовала линейная тактика, в основе которой было именно это неверие в разум солдата, построенного в линии для того, чтобы офицеры могли постоянно наблюдать, руководить каждым движением солдат, Суворов развивал инициативу русских солдат и поощрял самодеятельность егерей. Это были солдаты, в разум, боевую смекалку и смелость которых верили и эти качества развивали.

Инструкция егерям поучает:

«Относиться с ружьем и держать его в чистоте, не простирая сие до полированья железа, вредного оружию и умножающего труды, бесполезные солдату… Обучать заряжать проворно, по исправно, целить верно и стрелять правильно, скоро… Приучать к проворному беганью, подпалзывать скрытыми местами, скрываться в ямах и во впадинах, прятаться за камни, кусты, возвышения и, укрывшись, стрелять и, ложась на спину, заряжать ружье. Показать им хитрости егерские для обмана и скрытия их места, как-то: ставить каску в стороне от себя, дабы давать неприятелю через то пустую цель и тем спасать себя, прикидываться убитым и приближающегося неприятеля убивать. Учить также стрелять из пистолета, показав им меру выстрела, дабы понапрасну не стреляли на дистанции, куда пистолет не доносит…»

Это были новые явления в военном искусстве, они распространялись благодаря Суворову, у него и у Румянцева Кутузов в эти годы воспринял наступательную стратегию, тактику и новые методы воспитания и обучения войск.

За эти годы Кутузов завоевал у Суворова большую любовь и

доверие. По ходатайству Суворова его произвели в бригадиры, и он окончил службу в Крыму генерал-майором. Гениальный новатор, Суворов воспитал лучшую в Европе армию, лучшими ее солдатами стали егеря, и, когда сформировались их первые корпуса, командовать Бугским егерским корпусом назначили лучшего суворовского ученика – Кутузова.

В 1788 году вспыхнула новая война с Турцией. Кутузов прикрывал своим корпусом границы России по Бугу, затем войска Кутузова были включены в состав действующей Екатеринославской армии. Командующий Екатеринославской армией Потемкин решил взять черноморскую турецкую крепость Очаков. Русские войска, в том числе и корпус Кутузова, осадили Очаков. Осада крепости длилась долго, русские войска гибли от болезней и терпели лишения больше, чем хорошо подготовленные к осаде турки. Однако Потемкин медлил и не решался на штурм. Военные действия ограничивались мелкими столкновениями.

Во время одной из вылазок турки атаковали прикрытие егерей Бугского корпуса. Завязалось серьезное сражение. Кутузов повел войска в атаку и был тяжело ранен. Пуля пробила голову навылет почти в том же месте, что и при первом ранении. Врачи приговорили его к смерти, считая, что он не доживет до утра. Но Кутузов выжил, только правый глаз его начал слепнуть.

«Если бы, – писали врачи, – такой случай передала нам история, мы бы сочли это басней. Но мы видели чудо, свершившееся с генералом Кутузовым».

Едва оправившись от раны, Кутузов принял участие в боях на Днестре и на Буге, в штурме замка Хаджибей, на месте нынешней Одессы. И всюду: то с батальонами егерей, то во главе казацких отрядов при взятии крепостей Бендеры и Аккерман и в полевом бою – Кутузов всегда, по свидетельству современников, «одерживал поверхность».

Шел 1790 год. Война затягивалась. Ряд удачных военных операций не принес, однако, желаемых для России результатов. Русское правительство решило добиться крупной победы, чтобы возможно скорее вынудить турок заключить выгодный мир. Екатерина II требовала от Потемкина активных действий. Быстро и сравнительно легко взяв несколько крепостей, русская армия подступила к сильной крепости Измаил. Расположенная на Дунае, она имела исключительно важное стратегическое значение. К ней сходились важнейшие пути из Хотина, Килии, и тот, кто владел Измаилом, владел Дунаем. «Он (Измаил) вяжет руки для предприятий дальних», – писал Потемкин Суворову. Все добытые раньше успехи русских войск зависели от исхода борьбы за

Измаил.

Зная, что дальнейшие действия русских стеснены, русские войска измучены и уступают в количестве, что наступает дождливая осень, турки не шли ни на какие уступки. Запершись в крепости, на предложение сдаться они отвечали отказом. У них были для этого все основания.

Измаильская крепость высилась на крутом берегу, турки укрепили ее под руководством лучших французских и немецких инженеров. Она была обнесена высокими стенами с бастионами, окружена широким глубоким рвом, наполненным водой. Двойная пушечная оборона (верхний и нижний ряды) прикрывала все доступы к ней.

Гарнизон состоял из 35 тысяч лучших солдат турецкой армии, был усилен войсками из других крепостей. Султан, обозленный капитуляцией крепостей Аккерман и Бендеры, повелел предупредить гарнизон, что, если сдадут Измаил, он казнит всех оставшихся в живых. Обороной руководил поседевший в боях Айдозли-Мехмет-паша. Боевых припасов и продовольствия у турок было достаточно.

Руководившие штурмом русские генералы действовали вяло, нерешительно. Они вели долгую и изнурительную больше для себя, чем для турок, осаду, безрезультатно обстреливали крепостные стены.

Потемкин понял, что взятие Измаила не по плечу ни одному из находившихся там генералов, и, не рискуя взять руководство осадой на себя, срочно написал Суворову:

«…Моя надежда на бога и Вашу храбрость, милостивый друг мой. Предоставляю Вашему сиятельству поступить по Вашему усмотрению продолжением предприятий на Измаил или оставлением оного. Ваше сиятельство, будучи на месте и имея руки развязанные, не упустите, конечно, ничего того, что только к пользе службы и славе оружия может способствовать».

Получив письмо Потемкина, Суворов немедленно собрал и направил к Измаилу все свободные войска, маркитантов, провиант, фашины, лестницы. Он приказал вернуть все отошедшие от крепости части, написал Кутузову, чтобы и тот готовился к штурму, и с конвоем из сорока казаков выехал к Измаилу.

Весть о прибытии Суворова мгновенно облетела русские войска. Все ожило. «Быть штурму», – говорили солдаты.

Суворов лично разведал все подступы к крепости с реки и суши и убедился, что ему предстоит операция еще более трудная, чем он предполагал. «Крепость без слабых мест», – донес он Потемкину. Из 30 тысяч русских солдат 15 тысяч было

нерегулярных, плохо вооруженных. Наступили холода. Однако чем больше возникало трудностей, тем деятельнее Суворов руководил подготовкой штурма. Он собирал сведения о противнике, заготовлял материалы, обучал войска. В стороне от крепости Суворов приказал вырыть ров и насыпать валы, подобно измаильским. Сюда по ночам, чтобы не привлечь внимания турок, он высылал войска и лично показывал, как бросать фашины, ставить лестницы, действовать штыком.

Всем войскам читали инструкцию Суворова «Штурм»: «Ломи через засек, бросай плетни через волчьи ямы, быстро беги, прыгай через палисады, бросай фашины, спускайся в ров, ставь лестницы. Стрелки, стреляй по головам. Колонны, лети через стены на вал, скалывай на валу, выравнивай линию, ставь караул к пороховым погребам, отворяй ворота коннице, неприятель бежит в город, его пушки обороти по нем, стреляй сильно в улицы, бомбардируй живо, недосуг за ним ходить.

Приказ – спускайся в город, режь неприятеля на улицах, конница, руби, в домы не ходи, бей на площадях, штурмуй, где неприятель засел, занимай площадь, ставь гауптвахт, расставляй вмиг пикеты к воротам, погребам, магазинам. Неприятель сдался – пощада».

Когда подготовка подошла к концу, Суворов отправил в Измаил письмо Потемкина с требованием сдать крепость и от себя приписал:

«…Сераскиру, старшинам и всему обществу. Я с войсками сюда прибыл. 24 часа на размышления для сдачи – и воля; первые мои выстрелы – уже неволя; штурм – смерть. Чего оставляю вам на рассмотрение. Суворов». Турки отказались капитулировать.

9 декабря Суворов собрал военный совет и объяснил командирам свой план штурма, заявив, что об отходе от крепости не может быть разговоров.

– Я решил овладеть этою крепостью либо погибнуть под ее стенами, – закончил он свою речь.

Было решено, разделив войска на шесть колонн, атаковать крепость одновременно с реки и с суши. Штурм должен начаться в конце ночи 11 декабря, чтобы ворваться в крепость и вести уличный бой уже при свете дня.

Перед штурмом войскам дали отдых. «Чтоб не удручать медлениями», Суворов запретил подымать солдат раньше времени. Были даны подробные наставления о том, как в каждой колонне одна часть войск должна преодолевать рвы, а другая прикрывать ее огнем, третья бросать фашины и ставить лестницы, которые понесут специальные рабочие, четвертая должна находиться в резерве. Было указано, что надо делать, когда

ворвутся внутрь крепости, как отыскать пороховые погреба и сохранить их от взрыва.

К начальникам штурмующих колонн с последними указаниями Суворова были посланы офицеры для связи, причем он объяснил офицерам, что «одному надо будет приказать, другому растолковать, Рибасу намекнуть, а Кутузову и говорить нет нужды – он сам все поймет…»

Победы Суворова часто описывают так, точно он достигал их только тем, что напоминал солдатам о России, звал их вперед, и они с криком «ура» побеждали. Измаил, как и все операции и Румянцева и Суворова, а в дальнейшем и Кутузова, свидетельствует, что в основе победы лежала огромная материальная подготовка операции, предельная конкретность заданий. Только после этого Суворов обращался с призывом к солдатам, требуя от них напряжения и жертв.

Так было и под Измаилом. Когда все подготовили, рассчитали, предусмотрели, тогда, в ночь штурма, войскам читали приказ Суворова:

«Храбрые воины! Приведите себе в сей день на память все наши победы и докажите, что ничего не может противиться силе оружия российского. Нам предлежит не сражение, которое б воле нашей состояло отложить, но непременное взятие места знаменитого, которое решит судьбу кампании и которое почитают гордые турки неприступным. Два раза осаждала Измаил русская армия и два раза отступала. Нам остается в третий раз или победить, или умереть со славою».

В эту ночь мало кто спал в русском лагере. Не смыкал глаз и Суворов.

Он ходил у бивачных огней, беседовал с солдатами. Рассказывал им о предстоящем штурме, вспоминал с ними минувшие походы и победы.

– Славные люди, храбрые солдаты! – восклицал он. – Тогда они сделали чудеса, а сегодня превзойдут самих себя… – И русские солдаты, проведшие восемь месяцев в тяжелых боях, обносившиеся, недоедавшие, действительно превзошли самих себя.

В три часа ночи 11 декабря 1790 года взвилась первая сигнальная ракета. Войска пошли на штурм Измаила. На левом фланге шестую колонну вел Михаил Илларионович Кутузов.

В предутренней холодной мгле раздавались залпы орудий. Кутузов повел колонну к Килийским воротам, достиг рва, но сильный орудийный и ружейный огонь остановил ее. Тогда личным примером он увлек солдат в ров и повел их на штурм вала и бастиона. Заранее предупрежденные шпионами об атаке на

Килийские ворота, турки подготовились к отпору и прочно удерживали позиции. Осаждавших осыпали картечью, смельчаков, забравшихся на стену крепости, сбрасывали вниз. Русские несли большие потери.

Современники говорили, что Кутузов обратился к Суворову за поддержкой, но получил ответ, что в Россию уже послано донесение о взятии Измаила и Кутузов назначен его комендантом.

В этот трудный момент Кутузов, собрав гренадер Херсонского полка и егерей Бугского корпуса, повел их на бастион. Войска, штыками проложив себе дорогу, ворвались в крепость. Позднее, встретившись с Кутузовым на площади Измаила, Суворов сказал, что «Суворов знает Кутузова, а Кутузов Суворова; если б крепость не взяли – Суворов умер бы под ее стенами и Кутузов также…»

Бой шел на крепостных стенах и у всех четырех ворот, потом завязался жестокий уличный бой. Русские войска, окружив турок, теснили их к центру. Турки отступали. Дрались они отчаянно, в узких улицах окружили вооруженных пиками казаков и саблями перерубали древки пик. Началась резня, грозившая казакам полным истреблением. На помощь казакам прорвались егеря Кутузова. Русские войска овладели центральной площадью. Гарнизон Измаила был почти полностью истреблен, немногие уцелевшие взяты в плен.

Дорого обошлась русским эта победа. Тысячи убитых и раненых лежали во рву, на улицах.

12 декабря 1790 года М. И. Кутузов писал своей жене:

«Измаил.

Любезный друг мой Катерина Ильинишна. Я, слава богу, здоров и вчерась тебе писал… что я не ранен и бог знает как.

Век не увижу такого дела. Волосы дыбом становятся. Вчерашний день до вечера был я очень весел, видя себя живого и такой страшный город в наших руках, а ввечеру приехал домой как в пустыню… кого в лагере ни спрошу, либо умер, либо умирает. Сердце у меня облилось кровью и залился слезами.

Целой вечор был один; к тому же столько хлопот… надобно в порядок привести город, в котором однех турецких тел больше 15 000…

Корпуса собрать не могу, живых офицеров почти не осталось».

«Не было крепче крепости, обороны – отчаянней, чем Измаил, – сказал Суворов, – только раз в жизни можно пускаться на такой штурм…»

Донося о победе, Суворов просил наградить Кутузова, «который оказал новые опыты искусства и храбрости своей.

Преодолев под сильным огнем неприятеля все трудности, взлез на вал, овладел бастионом, и, когда превосходный неприятель принудил его остановиться, он, служа примером мужества, удержал место, превозмог сильного неприятеля, утвердился в крепости и продолжал потом поражать врагов… Он шел на левом фланге, но был моей правой рукой…»

Кутузов остался комендантом Измаила и начальником войск, расположенных между Днестром и Прутом.

Взятие Измаила предрешило исход войны, но борьба за переправы на Дунае, за города Мачин, Бабадаг, Исакчи и за побережье Черного моря продолжалась. Кутузов вел ее в сложных условиях гористой местности против подвижных и многочисленных отрядов турок. Кроме присущих ему спокойствия и предусмотрительности, он проявил замечательное искусство маневра на фланги и тыл противника, величайшее упорство и решительность в атаке.

«Расторопность и решительность генерала Голенищева-Кутузова превосходит всякую мою похвалу», – доносил о нем главнокомандующий Репнин.

В 1791 году в городе Яссах был заключен мир, по которому Турция уступила России земли между реками Южным Бугом и Днестром и согласилась признать присоединение Крыма к России.

Этим была закончена вековая борьба за доступ к Черному морю, необходимый для экономического развития России.

С 1793 года в жизни Кутузова начался новый этап: он становится дипломатом – посланником России в Константинополе. Посольство в Турции считалось труднейшим, ибо там был узел противоречий России не только с Турцией, но и с рядом европейских государств. Дошедшие до нас описания дипломатической деятельности Кутузова говорят о том, что и здесь он оказался талантливым.

Окруженный русскими офицерами, советниками, шталмейстерами, музыкантами, камердинерами, конным и пешим конвоем, Кутузов торжественно вступил в Константинополь и на цветистые восточные приветствия ответил изысканной речью. Он поражает пышностью приемов и церемониалов, вежливостью манер. Своими рассказами Михаил Илларионович заставлял смеяться сурового пашу, давшего обет не улыбаться, очаровывал своим обхождением турецких придворных и военачальников, не веривших, что перед ними тот самый страшный Кутузов, который так жестоко громил их в битвах.

Кутузов немедля начал борьбу за право русских судов

плавать в Черном море, за изгнание из его портов иностранных судов, за свободный выход судов России из Черного моря, за вовлечение Турции в орбиту влияния России.

Победил в этой борьбе Кутузов.

Он пробыл в Турции недолго – до осени 1794 года. Суворов, командовавший русскими войсками в Финляндии, был послан в Польшу, а на смену ему в 1795 году в Финляндию прибыл Кутузов. Затем его назначили директором кадетского корпуса, где он читал лекции по истории и впервые в корпусе ввел преподавание тактики.

Уходил в прошлое XVIII век. Русские войска вновь завоевали былую славу непобедимой армии. Прогремела суворовская победа на берегах Рымника, уже послы Англии, Австрии, Франции сообщили в свои столицы ошеломляющую весть о штурме Измаила. Впереди армию Суворова ждала легендарная слава Итальянского и Альпийского походов. Возрожденное и обогащенное новым боевым опытом, русское военное искусство привело Россию к победам на побережьях Балтики и Черного моря, на берегах Дуная. Россия активизировала свою политику на международной арене.

Но в это же последнее десятилетие XVIII века победившая во Франции буржуазная революция наносила тяжелые удары феодализму в Европе. Во Франции родилась новая сильная армия, появились новые талантливые генералы, маршалы, полководцы. Вскоре начались наполеоновские войны, которые потрясли весь Европейский континент.

«Гроза двенадцатого года еще спала», когда Суворов увидел ее опасность.

– Далеко шагает, пора унять молодца, – говорил он, правильно оценивая силу Наполеона. Позади русского полководца стояла им обученная, закаленная в сражениях русская армия, стояла плеяда его учеников – русских генералов, одаренных, опытных, усвоивших стратегию и тактику гениального полководца. Армия России готова была к любым боям и победам. Но русскую армию, русское военное искусство снова свергли с пути, по которому она победоносно шла за Петром I, Румянцевым и Суворовым, и снова отбросили на целые десятилетия назад.

ГЛАВА III

В ноябре 1796 года умерла Екатерина II. В ночь ее смерти из Гатчины в Петербург примчался ее сын Павел, и к утру гвардия уже присягала новому царю. В то же утро в Петербург вступали прибывшие из Гатчины войска Павла. Народ и солдаты петербургского гарнизона с изумлением смотрели на странную одежду этих словно иноземных солдат, на их необычную маршировку и невиданные ружейные приемы. Это были русские солдаты, одетые и обученные на прусский манер.

В тот же день курьеры по всей стране разнесли указы нового императора. Ими русская армия была повернута на путь, по которому шла битая ею и отсталая в то время армия Пруссии.

Началось с небольших перемен, а окончилось поражениями русской армии. Началось с формы одежды. Солдат одели в такие мундиры, в которых не только воевать, но и дышать было трудно. Мало того, на голову надевали парик с косой, и, чтобы она держалась прямо, внутрь косы всовывался железный прут. Парик смазывали клеем и пудрили мелом. Чтобы выровнять фигуру солдата, его иногда зажимали в специальный станок, а чтобы он на параде не гнул ноги, под колени подвязывали лубки. Целыми днями солдат гоняли по плацу, муштруя их к парадам, а ночи не хватало, чтобы начистить до блеска оружие, пуговицы, бляхи, набелить ремни, напудрить парик. Даже выдалбливались приклады ружей и внутрь насыпали побрякушки, чтобы они гремели при исполнении ружейных приемов.

Достаточно было измученному муштрой солдату допустить малейшую ошибку – да часто и без ошибки, – как офицеры избивали его палками, которыми их специально вооружал Павел I, или прогоняли сквозь строй, засекая шпицрутенами. Многие не выдерживали экзекуции и умирали на этой страшной «зеленой улице».

«Вот тебе трех мужиков, сделай из них одного солдата» – стало основным правилом для офицеров, которым пример подавали любимец царя Аракчеев, вырывавший усы у старых гренадер, и сам царь, скомандовавший полку за плохую маршировку: «Дирекция прямо, в Сибирь марш!»

Главной целью обучения войск стала не война, а вахтпарад и развод караула. Для этой цели ученики Суворова не годились, и вскоре их вызвали во дворец, и один из приближенных Павла объявил «господам генералам, штаб– и обер-офицерам, что государь император, хотя знает, как многие из вас ознаменовали себя отличными услугами, однако ж службою вашей весьма

недоволен и приказал мне вам сказать, что за малейшую ошибку по службе в строю каждый из вас будет разжалован вечно в рядовые солдаты. Тот, кто с честью служил, с честью службу может оставить, словом, государь изволил сказать: „Ищите себе место“».

Суворовцы, не ожидая «разжалования вечно в рядовые», подавали в отставку; их заменяли гатчинцами. Но были такие, кто поднялся из унтер-офицеров, вышел из небогатых дворянских семей, им некуда было уйти, да и не хотели они покидать армию, которой посвятили жизнь. Таких суворовцев ждали издевательства, ссылки, тюрьмы. Некоторые, не выдержав издевательств, кончали жизнь самоубийством, а те немногие, кто уцелел, «шли на службу с большим трепетом, чем на штурм Измаила».

Только непримиримый Суворов продолжал отстаивать свои порядки и систему воспитания войск. В Тульчине, окруженные заботой, по-прежнему учились настоящему боевому искусству суворовские полки. Там, в Тульчине, Суворов завершил свою гениальную «Науку побеждать». Он не признал устава Павла I, о котором сказал, что это «немороссийский перевод рукописи, изъеденной мышами и найденной двадцать лет тому назад».

Неравная борьба с императором кончилась изгнанием Суворова из армии и ссылкой в деревушку Кончанское.

Павел I поручил надзор за сосланным Суворовым тупому негодяю чиновнику Николаеву, и тот, полностью выполняя указания императора, превратил жизнь полководца в сплошную пытку. К нему никого не допускали, его лишили права переписки, травили судебными делами, изводили мелкими придирками. Силы покидали Суворова. «Левая сторона, – писал он, – более изувеченная, уже пять дней немеет, а больше месяца назад был без движения во всем корпусе…»

Перед смертью еще раз вспыхнула слава Суворова, и дела его снова прогремели на весь мир.

Влияние революционной Франции было опасно реакционному русскому дворянству, царю Павлу. Павел I принял участие в организованной Англией коалиции против Франции. По требованию английского и австрийского правительств, убедившихся, что ни один из хваленых европейских генералов не способен воевать с обновленной революцией французской армией, Павел назначил Суворова главнокомандующим союзными войсками. Это было признанием краха гатчинцев, бездарности гатчинских генералов, но другого выхода не было. К Суворову примчался гонец императора с просьбой немедленно прибыть в Петербург.

«Граф Александр Васильевич, – заискивая, писал Павел, – теперь нам не время рассчитываться. Виноватого бог простит. Римский император требует Вас в начальники своей армии и вручает Вам судьбу Австрии и Италии. Мое дело на то согласиться, а Ваше – спасти их. Поспешите приездом сюда и не отнимайте у славы Вашей времени, а у меня удовольствия Вас видеть…»

Ожил Суворов. Давно уже следил он за походами Наполеона, за его успехами в Италии, и он мечтал, как о счастье, сразиться с молодым французским полководцем.

Одолжив у старосты Фомки на дорогу 250 рублей, отправился Суворов в путь. Теперь уже Павел не рискнул мешать ему. В этой войне решались судьбы феодальной Европы, и ему пришлось смириться.

– Веди войну по-своему, как умеешь, – сказал он, отпуская Суворова.

Суворов повел союзную русско-австрийскую армию против французской армии, руководимой лучшими ее генералами. (С Наполеоном ему встретиться не пришлось – тот в это время был в Египте.)

Прогремели бои на Адде, Треббии, при Нови.

«…Орлы русские облетели орлов римских. Русский штык прорвался сквозь Альпы», – писал Суворов после невиданного перехода русской армии через альпийские вершины. «Этот переход был самым выдающимся из всех совершенных до того времени альпийских переходов» (Ф. Энгельс).[3] Но сам Суворов изнемогал в борьбе не столько с противником и суровой альпийской природой, сколько в бесконечной борьбе с «союзным» австрийским гофкригсратом, мешавшим ему руководить операциями.

Отозванный Павлом из Италии, возвращался Суворов на родину, овеянный мировой славой и всеобщим признанием. Знаменитый английский адмирал Нельсон писал Суворову: «В Европе нет человека, который бы любил Вас так, как я…»

«Приятно быть русским», – писал современник, находившийся в эти дни в Европе. Но в России Суворова ждали новая опала и мучительная смерть. Павел боялся славы Суворова, боялся любви к нему народа. Усиление влияния Суворова не входило в интересы Павла. И царь нанес коварный удар. Он запретил все готовившиеся Суворову почести, запретил ему даже въезд при народе.

Больного, измученного полководца почти тайком довезли до квартиры родственника на Крюковом канале Петербурга. У него отняли адъютантов. Боясь царского гнева, к нему почти никто не

заходил. Только перед смертью к изолированному Павлом Суворову прорвался Багратион да Кутузов в каждом письме из-за границы запрашивал о своем учителе и друге. Суворов, достигший всесветной славы, умирал одиноким.

Плакали русские солдаты – герои беспримерных суворовских походов, плакали выпестованные им офицеры, В безмолвной скорби проводил в могилу великого генералиссимуса русский народ.

В чем причины того, что Суворов сумел осуществить свои идеи военного искусства при императрице Екатерине и не смог осуществить их при ее сыне – Павле I?

Причины в том, что Павел I довел идеи монархической власти до их абсурдного, но, с точки зрения царя, вполне логического конца. Это не значит, что Екатерина была непоследовательна в осуществлении монархии. Наоборот, именно при ней укрепилась власть дворянства и гнет крестьян был доведен до невиданных размеров, вызвав в ответ Пугачевское восстание и протест Радищева против крепостничества.

Павел полностью осуществил политику своей матери в отношении крестьянства. Когда крестьяне, надеясь, что их участь будет облегчена новым царем, обратились к нему, Павел подверг зачинщиков жестокой порке, а когда крестьяне стали добиваться своих прав силой, Павел подавил восстание пушками, села восставших были преданы огню. Всем было объявлено, что крестьяне «за их упорственное сопротивление войскам его императорского величества наказаны силой оружия и преданы, яко изверги, злодеи и преступники, огню и мечу, что тела их, справедливо погибших от их богопротивного преступления, не достойные погребения общего с верными подданными, зарыты в особую яму с надписью: „Тут лежат преступники против бога, государя и помещика, справедливо наказанные огнем и мечом по закону божию и государеву…“»

Преемственность между Екатериной II и Павлом I в отношении к народу была полная. Но была разница в методах управления страной, в системе подготовки армии. Еще только готовясь стать царем и размышляя о положении России, Павел правильно подверг критике беспорядки и казнокрадство, существовавшие при Екатерине II. Но вместе с этим Павел писал: «Надо предписать всем – от фельдмаршала до солдата, что делать им должно». Таким образом, он отказывал в инициативе не только солдату, но и фельдмаршалу. С трона в петербургском дворце Павел хотел один управлять государством, и так, чтобы помимо его воли ничто не двигалось в огромной стране. И хотя Павел помышлял о благоденствии России и силился, став царем,

бороться с беспорядками, существовавшими при Екатерине II, его стремление к единовластию было тягостно для страны и превращало жизнь русского народа в пытку. В централизации власти видел царь спасение от революции.

Когда же во Франции вспыхнула революция и Павел почувствовал, что оттуда, с запада, надвигается угроза для русской монархии, его деспотизм не знал границ. Царствование Павла было одним из мрачнейших в истории России. И не случайно его потомок Николай II за год до своего свержения хотел причислить своего достойного предка к лику святых.

При Екатерине II к управлению страной пришло немало опытных, разумных людей из дворянства. Они понимали, что для осуществления больших завоевательных целей нужна сильная армия, нужен и Суворов с его замечательной школой воспитания войск, нужно доверие к подчиненным и предоставление им некоторой инициативы. Понимая роль дворянства, Екатерина II не желала вступать с ним в конфликт и поэтому допускала некоторые уступки и послабления. Павел не мог примириться с такими взглядами. Это вызвало еще большее охлаждение между матерью и сыном, которых никогда не связывали особенно теплые отношения, и дальнейшие события привели Павла в Гатчину.

Дело в том, что Павел, будучи наследником, узнал, что его отец, Петр III, был свергнут с трона и умерщвлен при содействии Екатерины II, участвовавшей в заговоре. Поэтому Павел решил, и нашлись люди, укреплявшие его в этом решении, что царем должен быть он, а не мать. Екатерина узнала об этом, отстранила сына от государственных дел. Он поселился в Гатчине, где ему разрешили иметь несколько рот солдат.

Там, в Гатчине, из этих рот и создал себе Павел образец той армии, которую он хотел видеть в России, когда будет царем. На берегах Кагула и у Ларги гремят победы Румянцева, под Очаковом, на Рымнике, под Измаилом творит чудеса Суворов, там в сражениях создается русское военное искусство, но Павел не идет на выучку к Румянцеву и Суворову. «Любивший все военное и боявшийся войны», он едет за границу к кумиру своего отца Петра III – к прусскому королю Фридриху II. Там Павел нашел то, что искал. Он увидел полное единовластие короля Фридриха II, мановению которого подчинялась прусская армия, увидел мишуру, блеск парадов, муштру солдат, которые «боятся палки капрала больше, чем пули противника». Ослепленный блеском парадов, он забыл, да и не хотел помнить, что эту же армию, в которой процветали отсталые тактические формы, русские войска били в Семилетней войне. Он не хотел учитывать, что русская армия, однообразная по своему национальному составу,

пополняемая рекрутским набором, имеет преимущество перед прусской наемной армией, набранной из людей разных национальностей, религий, нравов. Такой наемной армии нужна палочная дисциплина, которая держит этот сброд в повиновении. Если Суворов мог у себя осуществить правило «всяк воин свой маневр понимает», потому что верил русскому солдату, то в прусской армии солдатам не верили, их окружали на ночь караулом, чтобы они не разбегались.

Павел, как и отец его Петр III, воспринял целиком прусскую «доктрину». В этом сказывалось его неверие в силы своей страны, ненависть и боязнь своего народа, презрение к его творческим силам, стремление отгородиться от него иностранными наемниками.

Восхищенный прусской армией, Павел вернулся из Потсдама в Гатчину. Туда устремились и приглашенные им прусские офицеры, там переводились уставы Фридриха II. Деятельно готовился Павел к преобразованию русской армии на прусский манер. Ежедневно муштровал Павел своих солдат, и неизменно справа от него, помогая отцу равнять в шеренгах носки и репетировать парады, находился сын его Александр, с детства впитавший прусские идеи и любовь к муштре. С ним, будущим царем, Кутузову придется вести борьбу все последнее десятилетие своей жизни.

Прошло тридцать лет, прежде чем дождался Павел заветной минуты восшествия на русский престол. Но долго царствовать Павлу не пришлось. Когда его самодурство дошло до того, что даже придворные утром не знали, пойдут ли они в ссылку или получат повышение в чине, когда и над наследником Александром нависла опасность опалы, когда политика Павла, заключившего союз с Наполеоном против Англии, задела интересы дворян, царь был умерщвлен в собственном дворце своими же придворными с ведома своего сына.

В темную мартовскую ночь 1801 года Александр вышел из спальни, где лежал его задушенный отец, и дрожащим голосом сказал караулу солдат Семеновского полка:

– Батюшка скончался апоплексическим ударом. Все при мне будет, как при бабушке…

Для солдат дело было, конечно, не «в бабушке», а в том, что при Екатерине II жил и действовал Суворов, были иные порядки в армии.

Александр лгал, обещая солдатам порядки «как при бабушке», ибо ему самому были чужды все суворовское и сами суворовцы. Перед ним были образ задушенного отца, призрак задушенного деда, и Александр готов был солгать что угодно. Он

вырос между бабкой и отцом, хитря и лицемеря, и ложью начал свое царствование.

Зная, что страна, армия ждут от него отмены жутких порядков, насажденных Павлом, что все ждут от него реформ, он их обещал. Но началась не эпоха преобразований, а, как писали историки, «эпоха колебаний». Александр начал свое царствование в условиях дальнейших успехов промышленной революции в Европе и разложения крепостного строя в России. Влияние прогрессивных идей французской буржуазной революции все сильнее проникало в Россию, и потому колебалась политика царя. Он делал вид, что является сторонником прогресса, и даже пригласил в комиссию по преобразованиям Радищева, который при Екатерине был сослан за выступление против крепостного права и деспотизма царей. Но Радищев скоро убедился, что Александр обманывает Россию, комиссия не вносит улучшений в жизнь народа, и, больной, измученный ссылкой, покончил жизнь самоубийством.

То подобие реформ в армии, которое предложила созданная Александром комиссия, коснулось только пенсий и отчасти хозяйства, оставив обучение и боевую подготовку войск на прежних, павловских, основах. Суворовцы были еще не у дел, вне армии находился и Михаил Илларионович Кутузов.

Около года Михаил Илларионович был генерал-губернатором Петербурга, но Александр остался им недоволен «за неисправности в полицейской службе».

В августе 1802 года его «уволили по прошению», а по существу, просто удалили из Петербурга. Кутузов уехал в свою деревню Горошки Волынской губернии.

Письма Кутузова к жене в первый же год жизни в деревне говорят о том, что он жил уединенно, занимался сельским хозяйством, стараясь его сделать культурным и прибыльным, изыскивая способы достать денег, которых у него, по-видимому, было немного.

«Об деньгах очень забочусь, – пишет он. – Слышал я, что продается какая-то книга в Петербурге об водяных коммуникациях. Сделай милость – пришли мне, здесь очень нужно для того, что думаю весьма о коммерции».

Кутузов приобретает селитряный завод, занимается продажей пеньки, поташа; его сильно занимают масличные семена, которые «сеются в Индии и Египте».

«Мужики русские, – читаем в его письме, – подали на управителя превеликую жалобу, что их утесняет управитель и все русские мужики желают иметь управителем Теленкова, который раньше управлял на дальней даче, и он, сказывают,

действительно добрый человек».

Бездействие и недостаток средств тяжело отражались па Кутузове. В 1804 году в его письмах к жене уже сквозит отчаяние:

«Посылаю, мой друг, тысячу рублей и еще, сколько могу, посылать буду до отъезда своего. Скучно работать и поправлять экономию, когда вижу, что состояние так расстроено; иногда, ей-богу, из отчаянья хочется все бросить и отдаться на волю божию.

Видя же себя в таких летах и здоровьи, что другого именья не наживу, боюсь проводить дни старости в бедности и нужде, а все труды и опасности молодых лет и раны видеть потерянными; и эта скучная мысль отвлекает меня от всего и делает неспособным…»

…Ноют старые раны. Ноги, согнутые ревматизмом, с трудом носят тучное тело. И каждое утро, просыпаясь, ощущал Кутузов, как все более тусклым кажутся ему окружающие предметы и глаз, близ которого прошла турецкая пуля, погас совсем.

Кутузова охватывала тоска обреченного на бездеятельность человека, которого ждет бедность и полное забвение. Он вспоминал Суворова, который и славой, и званием, и богатством своим был значительнее его. Но, отстраненный от службы и сосланный в маленькую новгородскую деревушку Кончанское, так же вот, как и он, Кутузов, тосковал, метался, порывался что-то делать и в бессилии утихал. Кутузов вспоминал, как умер его друг и учитель, великий русский человек, – в одиночестве, всеми брошенный, в тяжких мучениях.

ГЛАВА IV

У Кутузова и Суворова одна судьба. Их травили, преследовали, подвергали опале, о них забывали, когда не было войны. О них вспоминали, когда нависала опасность, отвратить которую не в силах были ни монархи, ни их любимые приспешники.

Шел 1805 год. К этому времени Наполеон успел дважды разгромить коалиции феодальных государств, и на этот раз опасность нависла не только над феодальной Россией, но и над Австрией, и в первую очередь над Англией. На берегу Ла-Манша были сосредоточены дивизии Наполеона. Он заявил, что в ближайшие ночи французская армия высадится на Британских островах, чтобы сокрушить английское могущество. Угроза стала настолько реальной, что Англия поспешила создать новую коалицию, в которую вошли Англия, Россия и Австрия.

По плану коалиции собранная на Дунае объединенная русско-австрийская армия должна была двинуться во Францию.

Кто мог повести русские войска в этой новой войне? Гатчинцы неспособны, иностранные генералы уже биты французами. И так же, как пять лет назад Павел I был вынужден просить Суворова, так теперь Александр I обратился к Кутузову.

Кутузов вступил в командование собранной на Волыни пятидесятитысячной армией, чтобы повести ее в глубь Европы, навстречу французским войскам.

Армия Кутузова составляла только часть стовосьмидесятитысячной русской армии, которую обязался выставить Александр I на стороне коалиции. Но именно ей и пришлось выдержать основную тяжесть борьбы. Суворову не удалось встретиться с Наполеоном. Он умер в 1800 году, когда над Европой прошумела битва при Маренго, еще выше поднявшая славу Бонапарта, и теперь навстречу ему русские полки повел лучший суворовский ученик – Михаил Илларионович Кутузов.

Впервые русской армии предстояло сразиться с прославленной французской армией, лично руководимой Наполеоном.

Многие с надеждой, но большинство с тревогой ждали этой встречи. «Разве Кутузову устоять против Бонапарта?» – говорили они. Ведь он не покорял стран, не одерживал великих побед, а если и бил противника на берегах Дуная и Черного моря, так то были турки, татары – войска, которые ни в какой степени нельзя сравнить с французскими.

Европа уже знала Наполеона как героя Тулона, руководителя

Итальянского и Египетского походов, полководца, разбившего войска двух коалиций европейских государств. Полководческий талант и личная храбрость Бонапарта уже проявились у египетских пирамид и в битвах при Лоди, Риволи, на Аркольском мосту, под Маренго.

Полководческое же дарование Кутузова тогда еще не развернулось, слава ждала его впереди. И пока только близкие и верившие в него люди знали, что шестидесятилетний русский генерал – лучший ученик Суворова, политик и дипломат, что стоит он во главе полков, прошедших, как и он, школу боевых походов Суворова.

За годы консульства и особенно империи Наполеона французская армия окончательно стала армией, оторванной от народа, осуществляющей под руководством императора захватнические цели крупной французской буржуазии. Солдатам этой армии еще казалось, что они защищают Францию от других европейских государств.

К тому же многолетние войны давно выбили их из колеи мирной жизни, сделали профессионалами войны.

Солдаты Наполеона знали, что прусского и австрийского солдата офицеры все еще бьют палками. Ему же, французскому солдату, Наполеон сказал, что в солдатском ранце лежит маршальский жезл, и солдат знал, что этот жезл уже получили сын простого конюха гусар Ланн, сын бочара Ней и другие маршалы, отличившиеся храбростью и умением воевать. Готовя войну, Наполеон обучил свою армию в специально созданных лагерях.

В то время как французский император был единственным полновластным руководителем своих войск, Кутузов вел свою армию в Европу, чтобы стать под командование австрийского императора. И с первых дней похода Кутузова нагоняли гонцы из России с царскими приказами, лишавшими его самостоятельности.

Наполеон с берегов Ла-Манша, Кутузов с берегов Вислы направлялись к Ульму. Наполеон образцово организовал марш. 500 километров французская армия прошла в двадцать восемь дней и развернулась для наступления по берегам Майна и Рейна.

Кутузова торопили. Он вел русские войска через всю Европу, совершая переходы по 50–60 километров в сутки. За весь более чем тысячекилометровый путь было сделано всего четыре дневки. В этом тяжелом походе Кутузов обеспечил солдатам возможность ехать по очереди на перекладных подводах, нагруженных солдатскими ранцами. Обозы двигались отдельно, кухня высылалась вперед, с тем чтобы, придя на ночлег, солдат мог

сразу поесть и лечь отдыхать.

Сам Кутузов выехал вперед и прибыл в Вену. Союзное австрийское правительство обещало принять на себя все заботы о снабжении русской армии и торопило Кутузова как можно скорее соединиться в Ульме с армией австрийского генерала Макка. В Вене предсказывали спокойный путь до Ульма и собирались уже праздновать победу над Наполеоном, так как Макк доносил, что «никогда никакая армия не находилась в столь выгодном положении, как наша, для одержания победы над неприятелем. Сожалею об одном, что нет здесь императора и его величество не может быть личным свидетелем торжества своих войск…»

Кутузов прибыл в свою армию, подходившую к Браунау. Опрошенные по пути австрийские чиновники не знали, что творится на фронте, и все, казалось, обстоит благополучно.

Кутузов насторожился. Он принадлежал к числу тех полководцев, которые благодаря своему опыту, пониманию природы войны знают, что за видимым спокойствием, за картиной внешнего благополучия, за тишиной, царящей на фронте, нередко таятся грозные силы врага, которые обрушиваются как гром среди ясного неба.

Золотое правило, диктующее полководцу всегда учитывать, кто стоит во главе неприятельской армии, приводило Кутузова к убеждению, что в войне с Наполеоном надо быть вдвойне осмотрительным. И Кутузов, и без того предусмотрительный, разослал во все стороны лазутчиков, бросил в поиск кавалерийские разъезды, широко организовал разведку. Через несколько дней он получил из Ульма письмо.

«…У меня под ружьем 70 тысяч солдат, – писал австрийский главнокомандующий, излагая свои планы. – Я уничтожу все замыслы Наполеона, и мы приготовим неприятелю участь, которую он заслуживает…»

Полученные от разведки данные говорили о другом, и самоуверенное письмо австрийского генерала повергло русского главнокомандующего в еще большее сомнение. Он приказал генералу Багратиону следовать в авангарде армии, выдвинув передовые части на реку Инн.

Как всегда, спокойный и скромный Кутузов продолжал являться в простом теплом сюртуке на развод, беседовал с солдатами, расспрашивал их о семье, о личных нуждах, вспоминал с офицерами города, которые они вместе брали, рассказывал о странах, где ему приходилось бывать, разрешил устраивать балы. В такие часы казалось, что опасность действительно очень далека. Но мало кто знал, что русский главнокомандующий в эти дни спешно подтягивал следовавшие

сзади колонны, затребовал к себе в штаб для связи от всех полков лучших офицеров, чтобы по тревоге быстро оповестить все части армии. Мало кто знал, что, собрав к себе приближенных генералов, он подолгу разбирал с ними возможные движения французской армии.

Вскоре из Ульма было получено новое письмо. Макк сообщил о своей победе над Наполеоном и приглашал Кутузова поспешить к Ульму, чтобы участвовать в полном разгроме французов.

Кутузов вежливо поздравил Макка с победой, но в Ульм не пошел и стал готовиться к решающему сражению. Кое-кто нашептывал, что, промедлив соединиться с Макком, Кутузов лишает русскую армию участия в дележе добычи, который последует после разгрома французов. Кутузов ответил, что не он должен идти к Ульму на соединение с Макком, а Макк должен отходить от Ульма к Браунау навстречу русской армии.

Что же произошло в эти дни под Ульмом?

Совершая марш из Булони, Наполеон решил уничтожить армию Макка до подхода к ней русских сил. Макк ждал французов, занимая действительно очень выгодную позицию. Он был настолько уверен в ее неприступности, что движение Наполеона, угрожавшее правому флангу, расценил как простую демонстрацию. Макк полагал, что Наполеон хочет этой угрозой вынудить его покинуть Ульм. На самом же деле Наполеон больше всего не хотел, чтобы Макк покинул Ульм, пока французские корпуса не завершат обход его правого фланга. С этой целью он бросил со стороны Шварцвальда только одну дивизию, делая вид, что атакует с фронта, а с главными силами стал обходить фланг.

Обход фланга все же не привел бы к разгрому австрийской армии, если бы ее командиры были способны организовать сопротивление. Но в первом же бою корпус Кинмайера, прикрывавший правый фланг, потеряв 5 тысяч солдат, отошел и покинул переправы на Дунае. Посланный ему на помощь шеститысячный отряд генерала Ауффенберга шел без мер охранения, был разбит и полностью попал в плен. Восьмитысячный отряд генерала д'Эспре, прикрывавший мосты на Дунае, беспечно стоял, ожидая противника. Маршал Ней атаковал его и также взял в плен. Вскоре сдался без выстрела и гарнизон Мимингена под командованием генерала Шпангена.

Макк в создавшемся положении должен был бы немедленно отходить к русской армии, как и говорил Кутузов. Это спасло бы австрийцев от окружения и нарушило бы все планы Наполеона. Макк предпочел остаться в Ульме. Когда последовали тяжелые удары французов, он сначала заколебался. Но тут двадцати пяти тысячам австрийцев удалось потеснить шеститысячную дивизию

Дюпона, и это окончательно погубило Макка. Решив, что он одержал крупную победу и теперь разобьет Наполеона, Макк остался в Ульме, сообщив в Вену и Кутузову о поражении французов.

Новые удары Наполеона и явная угроза обхода опять поколебали Макка, он решил было отходить, но тут появился шпион Наполеона Карл Шульмейстер. Он сообщил Макку, что англичане высадились на булонском побережье, в Париже восстание и Наполеон возвращается во Францию, а следовательно, нужно не только не уходить из Ульма, но готовиться к преследованию французской армии. Шульмейстер показал номер парижской газеты, в которой описывались ужасы восстания и бегство Наполеона. Эта газета была отпечатана по приказанию Наполеона в походной типографии специально для Макка. Макк поверил наполеоновскому шпиону и остался в Ульме.

Французы окружили Ульм. Катастрофа стала явной.

Ночью в Ульме собрался военный совет. Эрцгерцог Фердинанд и некоторые генералы требовали немедленно бросить Ульм и прорываться из окружения.

Макк отказался. Разыгралась дикая сцена, столь характерная для положения, созданного австрийским правительством, и показывающая, что австрийцы были готовы па все, лишь бы не допустить русских, и особенно Кутузова, к руководству войной.

Дело в том, что главнокомандующим армии против Наполеона на дунайском направлении австрийское правительство предназначило Макка. Но появление Кутузова, как старшего в чине, отдавало бы ему общее руководство действиями. Этого австрийцы не хотели допустить и назначили главкомом эрцгерцога Фердинанда, которому Кутузов должен был подчиняться, как брату австрийского императора. Макка оставили начальником штаба армии и дали ему секретные инструкции, по которым главкомом фактически остался он. В самый критический момент окружения, когда особенно было необходимо единое твердое управление, на категорический приказ Фердинанда прорываться Макк ответил отказом и показал инструкции.

Фердинанд им не подчинился и решил сам уводить армию. Макк пригрозил эрцгерцогу судом, но Фердинанд, боявшийся плена больше, чем суда, все же увел часть армии. Далеко ей идти не пришлось. Наткнувшись на французов, командовавший пехотой генерал Верпех сдался, и его восемнадцатитысячный корпус без боя положил оружие. Фердинанд спасся лишь с несколькими эскадронами.

Макк, оставшись в Ульме, метался, как в мышеловке, и после первой угрозы штурма сам отправился к Наполеону и сдался со всеми своими войсками. Семидесятитысячная австрийская армия окончательно перестала существовать. Ульм в истории войн стал синонимом позорной капитуляции.

Прав оказался Кутузов, ученик Суворова, а не Макк, образцовейший ученик прусской военной школы. Вскоре Макк приехал в штаб Кутузова и слезливо доложил:

– Вы видите перед собой несчастного Макка… Внимательно посмотрел старик Кутузов на жалкого австрийского генерала, потерявшего свою армию, отпущенного Наполеоном на свободу, и понял, что начинается предательство союзников-австрийцев.

Ночью в штаб вызвали ординарцев и офицеров для связи с полками.

Кутузов вышел к ним гневный, но, как всегда, сдержанный и сказал:

– Австрийцы не сумели удержаться. Они разбиты, немногие бегут к нам. Трусы положили оружие к ногам неприятеля.

Ординарцы поскакали, неся тревожную весть в штабы русской армии.

ГЛАВА V

Против двухсоттысячной армии Наполеона осталась только русская армия – 50 тысяч солдат, изнуренных тысячеверстным походом, обносившихся, даже босых. На помощь союзников-австрийцев нечего было и рассчитывать. Страх обуял австрийского императора и его приближенных. Никто ничего не знал и не понимал в сложившейся обстановке.

«…Расстройство и беспорядок таковы, – доносил русский посол из Вены, – что здесь даже нет описания действий, предшествовавших капитуляции и побудивших заключить ее. Все донесения неполные, противоречащие, носят на себе признаки смятения, знаменовавшего последние дни существования Макковой армии…»

Австрийский император Франц взмолился к Кутузову о спасении.

«…Полагаюсь на Вас, – писал он, – а Вы положитесь на вечную мою благодарность…»

Перетрусившему монарху Кутузов достойно ответил, что «неудача армии Вашего величества под Ульмом весьма чувствительна, однако ж не в такой степени, чтобы нельзя было загладить ее твердостью и мужеством…»

Сам он спокойно и невозмутимо глядел в лицо опасности, хотя только ему одному были до конца ясны ее размеры и неотвратимость. Ему было ясно, что Наполеон сделает все возможное для уничтожения русской армии – единственной противостоящей ему реальной силы. К Кутузову направлялись резервы из России, должны были подойти австрийские войска, находившиеся в Италии, могла подойти и армия Пруссии, которая в те дни решала, вступать ли ей в войну.

Но, пока не подошли резервы и обещанные австрийские части, с такими неравными силами вступать в бой было бессмысленно. Оставалось только умело уклоняться от боя, который, безусловно, будет навязывать Наполеон.

Кутузов был прав. Наполеон решил уничтожить русскую армию до подхода к ней сорокапятитысячной армии Буксгевдена.

Французские корпуса стремительно двинулись вперед, охватывая фланги, угрожая отрезать русским войскам пути отхода.

Чтобы с честью выйти из создавшегося положения, требовались величайшая выдержка и умение. Положение и для Кутузова, несмотря на его огромный военный талант, было затруднительным. В этот тяжелый момент началась борьба между

Кутузовым и царем.

В одном и том же письме царь требовал от Кутузова и сохранения русской армии и писал: «Я тогда только останусь спокойным, когда узнаю, что вы решились принять на самого себя высокую ответственность защищать Вену. Вы имеете к себе доверенность мою, армии и союзников. Докажите неприятелю, сколь справедливо возлагается на вас общая доверенность…»

За этим письмом следовал приказ Франца: «…Избегать поражений, сохранять войска целыми и невредимыми, не вступать в сражение с Наполеоном, но удерживать его на каждом шагу».

Военная безграмотность обоих императоров очевидна. Кутузов вынужден давать им азбучный урок тактики и стратегии.

«…Если мне оспаривать у неприятеля каждый шаг, – писал он в ответ на приказ, – я должен буду выдерживать его нападения, а когда часть войск вступает в дело, случается необходимость их подкреплять, отчего может завязаться большое сражение и последовать неудача…»

До последнего момента ни множество окружавших Кутузова австрийских советников, требовавших, чтобы он дал сражение Наполеону, ни даже в русской армии не знали, что Кутузов намерен делать. Когда армию выстроили у Браунау, все полагали, что Кутузов подчинился и пойдет к Ульму. Ждали его приказа. Наконец приказ был дан – русская армия двинулась в… обратном направлении, начав свой беспримерный марш-отход Браунау – Цнайм. Она уходила от грозившего ей окружения и гибели, взрывая за собой мосты, не теряя ни оружия, ни обозов. Когда кавалерийский авангард Наполеона ворвался в Браунау, Кутузова и след простыл.

На пути отхода русской армии было много речных рубежей. Они давали возможность, обороняя переправы, успешно задерживать наседавшего противника, тем более что по пути к русской армии присоединились разрозненные остатки австрийских частей. Но при первой же попытке задержаться французы атаковали австрийский отряд под командованием Мерфельда, и тот, бросив переправу, стал отступать, обнажив фланг русской армии. Австрийские войска теряли остатки боеспособности. Но даже и этим частям Франц приказал покинуть Кутузова и спешить на защиту Вены. В пути их перехватил французский маршал Даву, и «защитники» Вены, как всегда, сложили оружие.

Русская армия была лишена помощи. Ни подвод, ни снарядов, ни провианта, ни одежды – ничего, что обещали союзники, Кутузов не получил. Русские солдаты шли в осеннюю

непогоду по размытым дорогам раздетые и голодные. «…Мы идем по ночам, мы почернели… офицеры и солдаты, босиком, без хлеба, – писал Дохтуров жене. – Какое несчастье быть в союзе с такими негодяями, но что делать!..»

Австрийское правительство не могло мобилизовать силы, ибо велика была экономическая отсталость Австрии, да и боялось оно вооружить многонациональное население страны. «Победоносному врагу я зажму рот одной провинцией, но народ вооружить – значит трон низвергнуть», – заявил за несколько лет до этого один австрийский министр, и теперь вся политика австрийского правительства была направлена к тому, чтобы добиться победы руками русских солдат.

В этой катастрофической обстановке, когда Кутузов прилагал все усилия, чтобы оторваться от французов, Франц продолжал присылать издалека свои планы. Он писал Кутузову, что «…не допускает ни малейшего сомненья, что Вы в чем-либо отступите от точного исполнения этого плана…». Однако Кутузов продолжал выполнять свой план. Тогда Франц сам приехал в русскую армию и, собрав военный совет, потребовал защищать Вену. Его опять поддерживал Александр I, требовавший от Кутузова «сохранить доброе согласие с австрийскими генералами…».

Кутузов отказался защищать Вену. В тех условиях это было не по силам русской армии. Первую свою задачу великий полководец видел в том, чтобы сохранить русские войска. Решениям и планам царей он противопоставил свой план отхода на левый берег Дуная и сдачи Вены французам. Австрийцы вынуждены были согласиться.

Чтобы осуществить этот правильный план, требовались еще неимоверные усилия и жертвы.

Авангард противника уже вступил в бой с арьергардами русской армии.

Наконец на поле боя французские солдаты, от которых без оглядки бежали австрийцы, итальянцы, пруссаки, столкнулись с русскими солдатами – ветеранами походов Суворова, героями Измаила и Альп. С одной стороны – знаменитые маршалы, победоносно водившие французские войска, начальники авангардов Ней, Ланн и Мюрат, с другой стороны – сподвижники Суворова, его ученики – Багратион, Дохтуров, Милорадович, прикрывавшие армию своими арьергардами.

И впервые французские солдаты, маршалы и сам Наполеон поняли, что перед ними не австрийцы, не пруссаки и не итальянцы. После первых же выстрелов русские не побежали, а перешли в штыковую контратаку и, отбросив французов,

сдерживали их до тех пор, пока не получили приказ отойти.

К переправе через реку Энс одновременно подошли арьергард Багратиона и авангард Мюрата. Бой приняли павлоградские гусары. Они сдерживали французов, пока арьергард под картечным огнем перешел Энс и затем сжег мост. Последовавший за рекой новый бой был еще более ожесточенным. На помощь Багратиону Кутузов направил резерв арьергарда под командованием Милорадовича. Милорадович напомнил солдатам славные суворовские бои и повел их в атаку.

Апшеронский и Смоленский полки, гренадеры Малороссийского полка атаковали гренадер Удино, мариупольские гусары бились с гусарами Мюрата. В трудную минуту боя, когда казалось, что поражение неизбежно, к Кутузову обратились с вопросом: «Что делать?» Он ответил: «Вы русские. Так и поступайте, как подобает русским».

Французов отбросили. Впервые слава об их непобедимости заколебалась.

Так, отбиваясь арьергардами Багратиона, ценой «мастерских движений…», как писал об этом Ф. Энгельс,[4] уводил Кутузов русскую армию. Он стремился перейти Дунай. Взорвав мосты, армия будет там в безопасности. За Дунаем она отдохнет, к ней подойдет из России армия Буксгевдена.

Но Наполеон уже готовил новый удар. Он тоже понимал значение отхода за Дунай, где Кутузов будет в полной безопасности, а все усилия французской армии окажутся напрасными. Наполеон решил скрытно перебросить через Дунай сводный корпус Мортье и, захватив мост, задержать русских у Кремса.

Когда лазутчики, которых всегда имел Кутузов, донесли о появлении французов на левом берегу Дуная, он понял, что может попасть в ловушку – на левый берег его не пустит Мортье, а на правом – Наполеон главными силами прижмет к Дунаю. Оставалось погибнуть или ценой сверхчеловеческих усилий достигнуть левого берега у Кремса раньше, чем туда подойдет корпус Мортье. Эту возможность и решил использовать Кутузов. Он ускорил марш частей и опередил Мортье.

Император Франц требовал, чтобы Кутузов остался на правом берегу и защищал предмостные укрепления и мост через Дунай. «Я вполне уверен, – писал он, – что Вы Вашим рвением поддержите славу армии государя императора, Вашего монарха…» Но Кутузов покинул правый берег Дуная и… извинился перед Францем за невыполнение приказа. Не без язвительности писал он, что защищать предмостные укрепления было невозможно, потому что он их не нашел. Очевидно,

австрийские саперы их не построили, несмотря на приказания императора.

Едва арьергард русской армии успел достичь левого берега, как французские конные егеря были уже на мосту. Но поздно. Взорванный мост рухнул в Дунай.

Наполеона охватила тревога. Он не только упустил Кутузова, но и оставил против него Мортье, лишенного теперь всякой поддержки главных сил.

Тревожился Наполеон не зря. Мортье, перейдя Дунай, двигался к Кремсу вдоль берега по дефиле – узкому проходу между рекой и лесистыми горами. Кутузов в это время распространил слухи, что он, не задерживаясь у Кремса, отходит в Моравию. Для ложной демонстрации он приказал авангарду Милорадовича отходить, не задерживая Мортье. Хитрость Кутузова удалась. Мортье заторопился к Кремсу, втягиваясь все дальше и дальше в дефиле.

С часу на час ждал Кутузов удара Дохтурова, отряд которого послал через горы, чтобы ударить во фланг французского корпуса. Но этого удара не последовало. Отряд Дохтурова двигался темной ночью под проливным дождем, вели его проводники австрийского генерала Шмидта без карт. Они сбились с пути, и Дохтуров был заведен в непроходимую гористую местность. Конницу и артиллерию пришлось оставить. Дохтуров повел отряд сам, преодолевая горные реки и пропасти, втаскивая солдат по одному с обрыва на обрыв. Наконец послышался шум боя: это Милорадович, не дождавшись удара Дохтурова, атаковал Мортье с фронта. Солдаты Дохтурова устремились на выстрелы, атаковали у Дюрренштейна противника с фланга, и начался разгром корпуса Мортье.

Темная ночь, опоздание Дохтурова, героизм французских солдат и личное мужество спасли Мортье от плена. Он успел бежать, уведя с собой остатки разбитого корпуса и очистив левый берег Дуная.

План Наполеона рухнул, усилия его армии оказались напрасными. На всем пути от Браунау до Кремса Кутузов точно дразнил его, то останавливаясь для арьергардного боя, то уходя, и, наконец, перед всем миром оставил его в дураках, уйдя на левый берег Дуная и разгромив на глазах у французского императора корпус Мортье.

Измученные, но гордые победой, не только отбившие, но, впервые в истории наполеоновской армии, погнавшие ее дивизии, возвращались русские войска в Кремс.

– Честь вам и слава!.. Молодцы!.. – кричал Кутузов в ответ на приветствия своих солдат.

«Кремское побоище», как называл Наполеон разгром Мортье, завершило марш от Браунау к Кремсу. Русские войска показали, что пора дешевых побед для французской армии миновала. Это замечательный результат марша, успех, имевший значение огромной моральной победы. План Наполеона рухнул. Армия Кутузова ушла от угрозы окружения, и это было стратегической победой. Казалось, что наконец-то можно расположить на отдых измученные войска, но это только казалось.

Новый замечательный маневр предпринял Наполеон, новое ротозейство, вернее предательство, совершили так называемые «союзники» – австрийцы.

У Вены сохранился единственный Таборский мост через Дунай. От него дорога вела прямо к Цнайму, через который должен был идти Кутузов на соединение с армией Буксгевдена, шедшей из России.

Наполеон поставил своим маршалам задачу занять Вену, любой ценой захватить мост, выйти к Цнайму раньше Кутузова, опять отрезать его от резервов и одновременно обрушиться на русскую армию.

Мюрат, Ланн и Сульт выполнили задачу. Они овладели Веной, а посланный австрийским императором гофмаршал граф Вобна отправился в Шенбрунн, где во дворце австрийских монархов расположился Наполеон, и выразил готовность выполнять его волю.

Легко удалось захватить и Таборский мост. Помогли хитрость французов и предательская беспечность австрийцев. Мост охранялся сильным австрийским отрядом князя Ауэрсберга и должен был быть взорван при первой попытке французов его атаковать.

Маршалы подъехали к мосту и, размахивая белым флагом, вызвали Ауэрсберга. Они объявили ему, что Наполеон заключил мир с австрийцами, а войну ведет только с русскими. Этого заявления оказалось достаточно, чтобы Ауэрсберг пустился в переговоры. Спрятанные на берегу французские гренадеры по знаку Мюрата взбежали на мост. Стоявший вблизи австрийский унтер-офицер закричал Ауэрсбергу, что их предают и надо взорвать мост. Но маршалы выразили изумление недисциплинированностью унтер-офицера, который осмелился указывать своему начальнику, и Ауэрсберг приказал немедленно наказать его. В течение нескольких минут, пока длилась эта комедия, французы без выстрела захватили мост.

Авангарды Наполеона устремились к Цнайму. Главным силам он приказал обрушиться на русскую армию на левом берегу с фронта, а корпусу Бернадота перейти Дунай у Кремса и атаковать

с тыла.

Гибель русской армии казалась неминуемой. Ничего не подозревая, она располагалась у Кремса. Впервые за долгий поход солдаты стали варить себе пищу, впервые спокойно улеглись отдыхать.

Щедро оплаченные лазутчики успели донести Кутузову о движении Наполеона к Цнайму. Но это не спасало. Путь от Вены к Цнайму, по которому шли корпуса Наполеона, был лучше, чем путь к Цнайму от Кремса, по которому предстояло идти армии Кутузова. Она была обречена, но ее опять спасли героизм русских солдат, талант и самоотверженность Кутузова и Багратиона.

Багратион был замечательным учеником Суворова, лучшим соратником Кутузова, его ближайшим другом. Багратион дрался под стенами Очакова и Праги, был начальником авангарда Суворова в Итальянском походе и в легендарном переходе через Альпы. Ему и доверил Кутузов командование шеститысячным отрядом, которому приказал двигаться днем и ночью наперерез французским авангардам и задерживать всю французскую армию до тех пор, пока русская армия достигнет Цнайма. Кутузов посылал Багратиона и весь отряд на верную смерть, но только в этом он видел спасение всей своей армии.

В бурную осеннюю ночь повел Багратион отряд. Пройдя по бездорожью, по звериным тропам через леса, овраги и горы трудный путь, он к утру опередил маршалов Наполеона и у Голлабруна вышел им навстречу. А Кутузов тем временем поднял свою армию. Голодные солдаты выбросили из котлов недоваренную кашу и, напрягая последние силы, двинулись к Цнайму навстречу идущим из России резервам.

На позиции у Шенграбена, где Багратион ждал французов, он получил два донесения: одно – о приближении французов, – он ждал их и к встрече с ними подготовился; во втором донесении сообщалось, что находившийся с отрядом впереди австрийский граф Ностиц вступил в переговоры с французами и открыл фронт. Предательство Ностица нарушило план обороны и ставило отряд Багратиона в очень тяжелое положение.

Багратион тщетно пытался убедить Ностица продолжать борьбу. Мюрат обманул Ностица так же, как Ауэрсберга, и так же, как Ауэрсбергу, Ностицу достаточно было заверения Мюрата, что война идет только с русскими, и он отступил, предав Багратиона.

Французы, развертываясь для атаки, устремились к Шенграбену. Но, узнав, что неподалеку от позиции Багратиона проходит вся русская армия, Мюрат заколебался. Он боялся атаковать армию Кутузова. Он решил обмануть Кутузова так же, как обманул Ауэрсберга и Ностица, и отправил к нему

парламентера, предлагая следующее:

Он, Мюрат, прекращает военные действия, а Кутузов подпишет договор, по которому русская армия покинет Австрию и вернется в Россию. До ратификации договора Наполеоном Кутузов приостанавливает марш к Цнайму.

Кутузов немедленно принял все предложения Мюрата.

Мюрат предполагал, что, вынудив Кутузова покинуть Австрию, выиграет войну с коалицией и по меньшей мере заставит Кутузова стоять на месте, пока Наполеон утвердит договор или подойдет со своей армией, и тогда Кутузов со своей армией все равно погибнет.

Но Кутузов был не князь Ауэрсберг и не граф Ностиц. О Кутузове и Суворов говаривал: «Умен, умен, никто его не обманет…» В ловушку, которую расставил Кутузову французский маршал, Кутузов заманил его самого.

Сделав вид, что он, конечно, верит Мюрату и согласен со всеми статьями договора, Кутузов послал к Мюрату своего представителя, чтобы подписать договор и прислать ему на утверждение, а сам… «нимало не думал, – писал он царю, – принять условия. Я удержался ответом 20 часов, а между тем продолжал отступать и успел отойти от французов два марша».

Он оставил Мюрата пожинать лавры своих дипломатических «успехов» и ожидать похвал Наполеона. Мюрат не дождался императорских похвал. Наполеон пришел в неописуемое бешенство. Он увидел, как второй раз его замечательный план, хитрый маневр, приводивший к полному окружению и неизбежной гибели русскую армию, рушится и «старая лисица севера», Кутузов, за которым он гнался сотни верст, второй раз на глазах у всего мира одурачил его и ушел, сближаясь с идущим из России Буксгевденом.

Обрушив на голову любимого начальника кавалерии и незадачливого дипломата Мюрата весь свой гнев, Наполеон приказал ему немедленно атаковать русских. Не доверяя больше своим маршалам, он покинул Вену, загоняя коней, сам помчался к Шенграбену.

Авангарды французской армии бросились на восьмитысячный отряд Багратиона. Отряд «целый день и половину ночи сражался со всей французской армией», писал Ф. Энгельс об этом несравненном арьергардном сражении. Даже враги называли отряд «дружиной героев». Кажется непостижимым, как мог этот отряд сдержать сначала удары тридцатитысячного авангарда. Мюрат и другие маршалы поняли, какую ошибку они совершили, упустив Кутузова, и теперь стремились как можно скорее покончить с Багратионом, чтобы догнать всю русскую армию.

В центре в наступление бросил своих солдат Мюрат. Но они были остановлены огнем артиллерии и пожаром Шенграбена, подожженного русскими артиллеристами.

Маршал Сульт повел конных гренадер в обход фланга. Их атаку отбили драгуны Черниговского, гренадеры Киевского и стрелки егерских полков.

Маршал Ланн, обойдя другой фланг, окружил Подольский и Азовский полки, отрезал Павлоградский. Но они пробились сквозь окружение и вышли к своим.

Охватив фланги, французы все сильней и сильней атаковывали центр. Уверенные в победе, маршалы предлагали Багратиону сдаться, чтобы не губить весь отряд, Багратион не отвечал.

Упорно обороняясь и часто переходя в контратаки, его отряд отходил к Гутенсдорфу. У Гутенсдорфа Багратион поставил свой резерв, приказал пропустить отходившие полки и опять задержал французов.

День клонился к концу, а бой продолжался. Он продолжался и ночью. Солдаты ходили в атаки, вступая в рукопашную схватку с численно превосходившим противником. У Багратиона осталось пол-отряда, но свою задачу он продолжал выполнять.

А в это время русская армия уходила все дальше и дальше, все глуше и глуше доносилась до нее канонада у Шенграбена, где в неравной борьбе сражалась «дружина героев», закрывавшая дорогу к Цнайму, по которой уходили их товарищи.

Глубокой ночью Наполеон, убедившись, что дальнейшие атаки бесплодны, приказал прекратить огонь. Багратион отбросил окружавшие его французские полки, пробился штыковым ударом и догнал далеко ушедшего Кутузова. Багратион вернулся к Кутузову, который уже не надеялся видеть его живым, – а он вернулся с трофейным знаменем, приведя с собой 50 пленных солдат и 2 офицеров.

Цель Кутузова была достигнута – русская армия беспрепятственно двигалась к Цнайму.

В истории войн Шенграбенское сражение осталось как изумительный пример арьергардного боя, пример исключительного мужества и героизма русских солдат, о которые разбились все усилия армии Наполеона.

С законной гордостью солдаты полков, участвовавших в бою под Шенграбеном, носили особый знак, на котором было выгравировано: «5 против 30» – 5 русских солдат арьергарда Багратиона сдерживали 30 солдат французского авангарда. В этот момент все тот же «союзный» император Франц, успевший проиграть Ульм, отдать Наполеону Вену и половину своей

страны, потребовал от Кутузова остановиться и дать Наполеону сражение. Кутузов отказался, как всегда, вежливо, но твердо.

«Одной преданности моей к Вашему величеству, – писал Кутузов, – было бы достаточно для точного исполнения повеления Вашего, если бы даже не понуждал меня к тому священный долг повиноваться воле Вашей. Не смею, однако ж, скрыть от. Вас, государь, сколь много представил бы случаю доверить участь войны одному сражению, тем труднее отваживаться мне на битву, что войска хотя исполнены усердием и пламенным желанием отличиться, но лишены сил. Утомленные усиленными маршами и беспрестанными биваками, они едва влекутся, проводя иногда по суткам без пищи, потому что, когда начинают варить ее, бывают настигаемы неприятелем и выбрасывают пищу из котлов. Полагаю необходимым отступить, доколе не соединюсь с графом Буксгевденом и разными австрийскими отрядами.

Подкрепясь сими войсками, мы удержим неприятеля в почтении к нам и заставим его дать нам несколько дней отдыха, после чего можно будет действовать наступательно…»

Кутузов ушел дальше, соединился с подошедшей из России армией Буксгевдена и занял выгодную позицию у Ольмюца. Сейчас у него было 86 тысяч солдат, к нему могли подойти из Италии 80 тысяч австрийцев. Русская армия была в безопасности. Ее спас от полного разгрома Кутузов.

Через несколько недель славные боевые полки повел на гибель сам русский царь Александр I.

ГЛАВА VI

«…Аустерлиц справедливо считается одной из величайших побед Наполеона и самым сильным доказательством его несравненного военного гения; ибо, хотя первопричиной поражения, несомненно, были ошибки союзников, однако coup d'oeil (проницательность), с которой он открыл их промах, терпеливое ожидание его завершения, решительность в нанесении сокрушающего удара и молниеносная быстрота в завершении катастрофы – все это стоит выше всякой похвалы и достойно всяческого восхищения.

Аустерлиц представляет чудо стратегии, он не будет забыт до тех пор, пока существуют войны», – так писал Ф. Энгельс в статье «Аустерлиц».

Какова была роль Кутузова в этом сражении? Почему Кутузов, несмотря на гениальность Наполеона, своим маршем от Браунау к Цнайму добился стратегического успеха, а, будучи главнокомандующим союзной армии под Аустерлицем, понес непоправимое поражение? Что это за первопричина поражения, о которой писал Энгельс?

Дело в том, что, несмотря на победу под Ульмом, занятие Вены и половины всей Австрии, марш-отход Кутузова поставил Наполеона в крайне невыгодное стратегическое положение. Французская армия оказалась разбросанной на нескольких направлениях. Она охраняла базы, длинную коммуникацию, занятые города. Свободными у Наполеона оставались всего 50 тысяч солдат, а решающее сражение было еще впереди.

Русские сохранили свои силы и могли их удвоить. Возможность победы союзной армии была налицо.

Александр вначале колебался. Он впервые участвовал в войне. Ему очень хотелось видеть себя в лаврах победителя Наполеона, но в то же время он его смертельно боялся. Мысль стать во главе армии возникла у Александра еще в Петербурге. Не надеясь своим умом решить этот вопрос, он еще в Петербурге обратился к юродивому старцу-«предсказателю», проживавшему у Измайловских казарм. Но тот совсем напугал царя, прямо сказав: «Рано тебе, побьет тебя супостат…» Зато придворные льстецы восторгались тем, что впервые за восемьдесят лет со времен Петра I русский император лично решил выехать на войну, и заранее преклонялись перед его «военными талантами», предсказывая блестящие победы. Прибыв на театр войны, Александр I, возомнивший себя Петром Великим, выехал к войскам.

Современник писал, что все были поражены встречей царя с русской армией. Царь проезжал перед строем, ожидая криков «ура» и приветствий, а солдаты, разутые, ободранные, голодные, ответили гробовым молчанием.

Александр струсил перед лицом такого противника, как Наполеон. Он побоялся стать во главе русской и союзной армий и принял излюбленное двойственное решение. Он назначил главнокомандующим Кутузова, а фактически стал руководить сам, с помощью бестолкового, неоднократно битого Наполеоном австрийского генерала Вейротера.

Расчет Александра был прост. В случае победы над Наполеоном героем победы будет он, русский царь, а в случае поражения ответит Кутузов.

С этого момента Кутузова фактически отстранили от управления армией, вынудили оставаться свидетелем подготовлявшейся аустерлицкой катастрофы, свидетелем, бессильным помешать бездарной деятельности русского и австрийского монархов, их свиты и в первую очередь Вейротера.

Вейротеру и австрийцам Александр доверял больше, чем Кутузову. Те же придворные льстецы, сравнивавшие Александра с Петром I, говорили ему, что и Петр принимал советы иностранцев.

Но советы советам рознь. Что могли посоветовать Александру австрийцы, если, несмотря на все тяжелые уроки, которые дал им Наполеон, они все же не научились воевать и их армия терпела поражение за поражением? Хуже того, австрийцы, тот же Вейротер, несмотря на то, что находились в своей стране, были плохо знакомы с местностью.

Немногому могли научить Александра и русские советники. Долгоруков ничего не смыслил в стратегии. Аракчеев никогда ни в одной войне не участвовал, и когда ему предложили командовать в бою колонной, он, побледнев от страха, отказался, ответив, что не может видеть человеческой крови. Дело было, конечно, не в человеческой крови, ее Аракчеев достаточно пролил в царских застенках – он был трусом.

Александр созвал военный совет, на котором предложил атаковать армию Наполеона. Его поддержали Долгоруков и ему подобные. Решено было наступать. Только один Кутузов высказался против наступления. Кутузов предлагал не давать Наполеону решающего сражения и продолжать отход в районы, обеспеченные продовольствием. Он был прав, говоря: «Надо отходить дальше, и там, в Галиции, я погребу кости французов…»

Кутузов понимал, что, несмотря на то, что у Наполеона сейчас меньше сил, чем у союзников, его разбросанные корпуса

могут подойти к нему раньше, чем подойдут австрийские, и тогда русская армия, покинув выгодную ольмюцкую позицию, опять попадет в тяжелое положение. Нужно было отходить и выиграть две-три недели, чтобы подошла восьмидесятитысячная австрийская армия из Италии, а возможно и прусская армия. Это усилило бы союзников, а Наполеон, вынужденный их преследовать, окончательно ослабил бы свою армию и еще больше растянул бы свои коммуникации. Выигрыш времени был равносилен выигрышу сражения.

Были у Кутузова и другие серьезные соображения, которые он не высказывал на военном совете. Еще после Ульма, слушая оправдания и слезливую болтовню Макка, разгадал Кутузов, что Наполеон отпустил австрийского генерала не по доброте душевной, не из рыцарских побуждений, а поручил Макку за спиной у русских предложить австрийскому императору мир.

Догадка Кутузова о тайных сношениях Наполеона и Франца отчасти подтвердилась, когда ему удалось перехватить письмо французского маршала Бертье к австрийскому генералу. Правда, содержание письма полностью раскрыть не удалось, но, во всяком случае, оно давало повод предполагать, что австрийское правительство вело нечестную игру. Кутузова убеждало в этом и еще одно обстоятельство. На второстепенный театр военных действий, в Италию, где находились отнятые Наполеоном австрийские владения, было брошено больше войск, чем к Ульму на дунайское направление, которое вело навстречу главным силам Наполеона. В предстоящем сражении под Аустерлицем австрийцы собирались выставить всего 16 тысяч солдат – в пять раз меньше того, что выставили русские. Но даже и эти 16 тысяч не могли выдержать никакого сравнения с таким же количеством русских солдат. Русский солдат знал времена Суворова, шел в бой за суворовскими учениками – Кутузовым, Багратионом, Дохтуровым, которые заботились о солдате. Русский солдат видел, что союзники бегут при первой же атаке французов, и понимал, что нужно драться, иначе русских ждет гибель или позор, и он дрался, проявляя изумительные боевые качества, воспитанные в нем Суворовым и его соратниками.

Австрийские солдаты этими боевыми качествами не отличались. У Макка, Вейротера и других австрийских генералов их тоже никогда не было, и поэтому они не могли привить их солдату, о котором вообще мало заботились.

Не верил Кутузов и в помощь Пруссии. В начале войны Пруссия не только не хотела вступать в коалицию, но даже не разрешала пройти русской армии через ее территорию. Она боялась Наполеона. Русское правительство предложило Пруссии

изобразить движение русской армии через ее территорию как насильственное вторжение, но Пруссия долго тянула с ответом, и, только когда уж очень выгодными показались ей условия, она согласилась вступить в коалицию.

Прусский король и русский царь над гробом Фридриха II дали трогательную клятву о нерушимом союзе. Но Кутузов и этой клятве не поверил. Он отлично знал, что никогда не бывает так архилжива и архипродажна и без того лживая и продажная дипломатия, как во время войны.

Решение Александра о наступлении чрезвычайно обрадовало Наполеона. Он понимал, что в случае отступления противника он вынужден будет его преследовать и еще больше ослабит свою армию. Наполеону нужно было сражение. Он хотел разбить союзную армию, пока к ней не подошли резервы. Но для этого ему нужно было выиграть несколько дней, чтобы подтянуть свои корпуса. И Наполеон повел дипломатическую игру, в которой был таким мастером и к которой прибегал всегда, когда решению стратегических задач требовалась помощь дипломата. Он решил отойти назад, навстречу подходящим к нему корпусам.

Когда союзная армия двинулась вперед, Наполеон приказал своим арьергардам не упорствовать.

Колонны союзной армии ползли медленно – по 10–12 километров в день, увязали в осенней грязи, на привалах разбредались в поисках пищи и, наконец, через трое суток подошли к Аустерлицу.

Многочисленные шпионы и разведчики сообщали Наполеону о намерениях союзного командования. Все дни после выступления союзной армии из Ольмюца он провел в рекогносцировках, наблюдая движение ее колонн, и план союзников стал ему окончательно ясен. Союзники хотели обойти правый фланг его армии и отрезать ее от Вены, через которую проходила главная коммуникация. По всем данным, сражение должно было произойти 2 декабря на Аустерлицком поле, и Наполеон заранее отвел свою армию за линию находящихся на нем озер и рек.

Поле Аустерлица примечательно тем, что в его юго-западной части находится целая система озер и рыбных прудов, образующих вместе с речкой Литавой ряд дефиле, где и разыгралась трагедия русской армии. В центре, возвышаясь над всем полем, находятся Праценские высоты, на которых решалась участь сражения.

«…Если только задержать противника, – говорил Наполеон своим маршалам, – надо занять Праценские высоты, но это будет обыкновенным сражением…» Наполеон же стремился не к

«обыкновенному» сражению, не к простому отражению удара, что очень легко было сделать, заняв высоты. Наполеону нужен был полный разгром союзной армии, решающий всю войну, иначе он, потеряв силы, попадал в еще более трудное положение. Маршалы с тревогой указывали ему на это, но Наполеон отвечал, что все решит бой.

Для того чтобы добиться разгрома союзников, Наполеон оттянул свой правый фланг. Он знал, что сюда будет нанесен главный удар, которым союзники намеревались отрезать его от Вены, и все же оставил здесь минимум сил, приказав обороняться до последнего человека. Он поступил так смело потому, что оборону этого участка поручил самому стойкому из своих маршалов – Даву, потому, что эта позиция была прикрыта ручьем и озерами, укреплена и защищена батареей, а главное, потому, что коммуникация на Вену уже не играла никакой роли. Наполеон все предусмотрел и организовал новую коммуникацию по линии Брюнн – Иглау – Пассау. На своем левом фланге он также оставил незначительную часть сил под командованием лучшего маршала Ланна и приказал ему прикрывать направление на Брюнн.

Зато в центре, против Праценских высот, на фронте 2.5–3 километров, Наполеон сосредоточил главную массу сил. Обороняясь на флангах, он решил наступать на Праценские высоты и фронтальным ударом прорвать и разгромить центр союзной армии. «…Если русские покинут Праценские высоты для обхода справа, они погибнут безвозвратно…» – говорил Наполеон своим маршалам. Погибнут потому, что, спустившись вниз, в район озер, они сосредоточатся против его фланга, оголив свой центр и фланг.

Единственно, что тревожило Наполеона, это мысль о русских солдатах. В арьергардных боях их штыковые атаки слишком дорого обошлись французам. Он требует от маршалов построить свои дивизии против русских в специальный боевой порядок, который «…даст возможность действовать против неприятеля огнем и встретить его сомкнутые колонны таковыми же…».

Когда все было подготовлено, Наполеон отдал маршалам приказ на сражение, а сам, объезжая войска, объяснял солдатам задачу боя.

Так Наполеон в трудных для него условиях скрыл свои намерения, выиграл время, подтянул силы и обеспечил тыл; он узнал от шпионов планы союзников, занял выгодное исходное положение, довел задачи боя до войск, указал тот пункт на поле предстоящего боя, где решится успех, и к этому пункту сосредоточил главные силы, чтобы в нужный момент нанести

удар.

Этот момент наступил через несколько часов. Пока Наполеон готовился к сражению, определились ошибки союзников, о которых писал Ф. Энгельс как о первопричине поражения.[5]

Александр отнял руководство сражением у Кутузова и передал Вейротеру потому, что Кутузов повел бы дело по-своему, не считаясь с царем, а Александр, обученный и воспитанный в духе прусской военной школы, был ее приверженцем, носителем «павловщины». Вейротер был ближе ему, чем Кутузов, и Вейротер стал у руководства, хотя Кутузов и числился главнокомандующим. Однако ни Вейротер, ни другие австрийские генералы не могли рассчитывать на успех в борьбе с Наполеоном.

Они являлись типичными представителями отжившей прусско-австрийской военной школы, последователями военной системы Фридриха II, и весь их генеральский путь отмечен поражениями, разгромом армий, гибелью солдат, которыми они командовали.

Мы уже видели на примере поражения австрийцев под Ульмом, что прусско-австрийская система ведения операций не допускала ни малейшего творчества и отклонения от стратегических рецептов, выработанных в кабинетах. Приверженцы этой системы губили не только солдат. Следуя ей, они в 1806 году в течение нескольких дней привели к полному разгрому прусское государство.

Вейротер, «осененный идеей» отрезать Наполеона от Вены, поставил задачу армии обойти правый фланг Наполеона. Обход этот Наполеону ничем не грозил. Для успеха нужен был огромный перевес сил, а союзная армия численностью не превышала французскую, двигалась она медленно, даже без боя делая не более 10–12 километров в сутки, а путь лежал через дефиле, обороняемые противником. Задуманный Вейротером обход был даже выгоден Наполеону. Союзная армия, покидая выгодные Праценские высоты, сама подставляла под удар свой фланг.

Для представителей прусско-австрийской военной школы, каким являлся Вейротер, характерна предвзятость решения. Вейротер исходил не из действительной обстановки, которую не изучал, не из поведения противника, которого не разведывал, а из вымышленной, созданной им самим, в своем воображении, обстановки, которая соответствовала его оперативному замыслу.

Исходя из предвзятой идеи сражения, Вейротер и написал свою диспозицию на Аустерлицкое сражение, по которой «… союзники атаковали армию, которую они не видали, полагали ее

на позиции, которую она не занимала, рассчитывали, что она будет неподвижна, как пограничный столб…», а французская армия сама перешла в наступление.

Эту диспозицию немедленно утвердили и Александр I и австрийский император Франц, только через полгода спросивший, в чем же заключалась ее сущность.

С утвержденной двумя императорами диспозицией Вейротер приехал в штаб Кутузова, где был собран военный совет, и долго и нудно читал ее собравшимся командирам. Закончив чтение, Вейротер заявил, что все предусмотрено и гибель Наполеона неминуема, тем более что на этом же поле австрийская армия проводила маневры. Австрийский граф Бубна предостерег Вейротера: «…не наделайте только опять таких же ошибок, как в прошлом году на маневрах, не запутайтесь, как и тогда, на этой местности». Оставив без внимания это замечание, Вейротер на вопрос, что делать, если Наполеон сам перейдет в наступление, ответил: «Это не предвидится…»

Большинство собравшихся понимало, что диспозиция никуда не годится, но, во-первых, она была уже утверждена, а во-вторых, другой быть уже не могло: до начала сражения оставалось несколько часов.

Кутузов во время чтения диспозиции безучастно слушал Вейротера, молчал, а потом посоветовал всем перед боем выспаться.

Почему он молчал на военном совете? Ведь он, как никто в армии союзников, понимал создавшееся положение. Люди, ненавидевшие и не понимавшие Кутузова, постоянные посетители великосветских петербургских салонов, говорили о нем как о лживом царедворце, готовом ради личной карьеры пожертвовать интересами русской армии; в качестве примера они указывали на его поведение под Аустерлицем. Способствовал распространению этих разговоров в первую очередь и сам царь, главный виновник Аустерлица. Он сказал: «Я был молод, неопытен, и Кутузов должен был удержать меня от сражения».

Да, слаб оказался Кутузов. Не нашел в себе сил, чтобы решительно противопоставить свое мнение мнениям двух императоров, их свите, венскому двору и австрийскому генералитету. Но в этой слабости проявились не карьеризм и лживость, а величайшая драма Кутузова.

Это была драма и Суворова, и всех передовых людей России, видевших не раз, как цари губят страну, народ, армию, и бессильных помешать этому. Указывали, что Кутузов любил со всеми соглашаться, уступил австрийцам руководство, и в этом его вина и причина поражения, а вот Суворов не любил соглашаться

даже с царем Павлом I, и тем более с австрийцами. За шесть лет до Кутузова Суворов командовал союзной русско-австрийской армией. Он не только не подчинялся, но издевался над бездарными распоряжениями австрийского гофкригсрата. В австрийскую армию он послал русских офицеров обучать ее военному делу, с подчиненными ему тупыми австрийскими генералами он не церемонился, ругал их, грозил судом. Сначала он отвергал приказы гофкригсрата, затем жаловался царю Павлу, писал русскому послу в Австрию, отругивался, наконец болезненный стон «ради спасителя, не мешайте мне…» вырвался у великого полководца, изнемогавшего в борьбе с предательским вмешательством «союзников»-австрийцев.

Но авторитет Кутузова, до 1805 года не командовавшего армиями в сражениях, был несравним с авторитетом Суворова, имевшего за плечами к 1799 году Рымник, Измаил и Прагу. Суворову было легче. Он не имел в Итальянском походе рядом с собой двух императоров, два двора, перед ним не было Наполеона, подчинившего волю Александра и Франца, как имел Кутузов перед Аустерлицем.

Кутузов видел, как тяжко расплатился Суворов за попытки противопоставить себя Потемкину, видел, как погибал затравленный Суворов, видел, что не спасли Суворова ни слава, ни непримиримость его, ни чудачества, которыми он прикрывался. И Кутузов понял, что «плетью обуха не перешибешь». И так же как Суворов прикрывался чудачеством, так Кутузов усвоил себе манеру во всем соглашаться, но в интересах России и русской армии все делать по-своему.

Ради этих интересов находил он в себе мужество принимать тяжелые решения, грозящие ему опалой. В дни Ульма он согласился, что надо оборонять Вену, но ради интересов русской армии сдал ее. Ради интересов России он в 1811 году сдал крепость Рущук, хотя знал, что это вызовет гнев Александра.

В 1812 году ради интересов России Кутузов, вопреки воле царя, сдал Наполеону Москву.

Но под Аустерлицем Кутузов был бессилен. Он твердо высказался против наступления. Его не послушали.

Лев Толстой описывает, как Кутузов обратился к гофмаршалу Александра, чтобы тот помог убедить царя не давать сражения, но гофмаршал ответил: «Мое дело заниматься рисом и котлетами, а ваше, Михаил Илларионович, – военными делами». Сам же Кутузов не в состоянии был отменить сражение, изменить весь план войны, а только это могло изменить судьбу русской армии. Все остальное: сопротивление императорским приказам, споры с австрийскими генералами и даже уход в отставку – не спасло бы

его от ненависти царя, а русскую армию от разгрома.

Через несколько лет, попав опять в тяжелое положение, преследуемый самодуром фельдмаршалом Прозоровским, Кутузов писал жене: «…хотя в Петербурге многое говорят, а с фельдмаршалом очень уж тяжело служить, но неповинен я, и надо терпеть и работать».

«Надо терпеть и работать» – в этом весь Кутузов, все объяснение его поведения и действия под Аустерлицем. Сопротивление Александру привело бы в лучшем случае к отставке и опале, но ни Кутузову, ни русской армии было бы от этого не легче. Его, героя Измаила, в аустерлицком «опыте» Александра обвиняли в трусости, говорили, что он помешан на отступлениях. И Кутузов решил терпеть и работать. На кровавом Аустерлицком поле русская армия, спасенная недавно Кутузовым от разгрома, расплатилась за навязанную ей систему «павловщины», которая слепо скопировала отжившую прусскую военную систему. Против слаженных, органически слитых из трех родов оружия корпусов и дивизий Наполеона стояли колонны случайно сведенных частей.

Русская армия расплачивалась за отсталую, заимствованную у Пруссии военную систему, которая устами ее поборника – Александра I – требовала, чтобы солдаты шли по полю сражения в ногу.

У Кутузова оставалась только надежда на беспримерную храбрость русских солдат, на то, что в ходе боя правильным решением он сумеет спасти положение.

И Кутузов пошел вместе с солдатами под пули французов.

Над полем Аустерлица, в далекой Моравии, глубокая ночь. Русским солдатам запрещено покидать строй, и каждый лег там, где стоял.

Иногда со стороны противника доносились крики и шум, это Наполеон объезжал лагерь. Он праздновал годовщину своей коронации. Солдатам читали его приказ. Французские солдаты верили своему полководцу, верили в победу и готовились к ней.

Русские солдаты в глубоком молчании ждали утра. Они не знали, какая гроза собралась над ними, и тоже верили своим полководцам.

В осеннее утро по рядам окоченевших солдат пронеслась протяжная команда «вставай!». Армию подняли и повели в бой. Кутузов ехал впереди четвертой колонны, которой командовал австрийский генерал Коловрат, и эта колонна оказалась единственной, действиями которой Кутузов имел возможность руководить.

Четвертая колонна заняла Праценские высоты. По

диспозиции она должна была следовать дальше, но Кутузов ее задержал. «Он верно оценил значение Праценской высоты и считал, что ее не следует легкомысленно оставлять. По меньшей мере русским главнокомандующим руководил в этом случае счастливый инстинкт, но, вероятно, что-либо и лучшее», – писал об этом прусский военный историк Юстров. Кутузовым руководило особое чутье местности, которым одарен подлинный полководец, понимание природы сражения и тактики врага.

Слева в болотистую долину ушла уже половина армии под командованием Буксгевдена, но там был и Дохтуров.

Справа от Кутузова, вдоль Брюннского шоссе, наступал Багратион.

Вейротер все время требовал, чтобы четвертая колонна ушла с высот, так как оба императора и австрийский генералитет считали, что, испуганный якобы неожиданным ударом, Наполеон будет обороняться на месте или позорно покинет поле боя. Кутузов все же не покинул Праценские высоты и стал готовиться к сражению.

На другом конце Аустерлицкого поля, окруженный маршалами, стоял Наполеон. Его знака ждали корпуса Мюрата, Сульта и Бернадота – около 50 тысяч солдат из 70 тысяч, которыми он располагал. Маршалы рвались в бой. Наполеон медлил. Он ждал, пока освободятся Праценские высоты, не решаясь на трудный во всех условиях боя фронтальный удар.

Маршал Сульт просил разрешения атаковать высоты.

– Сколько вам надо времени, чтобы их атаковать? – спросил Наполеон.

– Четверть часа.

– Подождем еще.

То ли шпионы передали Наполеону план союзного командования, о чем имеются некоторые данные, то ли он действительно разгадал диспозицию Вейротера, но он упорно ждал, пока русские уйдут с высот.

Так они стояли в это туманное утро, два великих полководца, не видя, но отлично понимая друг друга, зная, что значит война.

Неизвестно, как бы развернулось сражение, как провели бы бой молодой, поднимающийся к зениту своей славы полководец, собравший в кулак всю свою армию, и старый, умудренный боевым опытом, замечательный русский генерал, если бы он был подлинным главнокомандующим союзной армии. Но события у Праценских высот окончательно показали, что Кутузов не был главкомом своих войск.

Недовольный Кутузовым, Александр I прискакал на Праценские высоты, и свита услышала трагический для

Аустерлица диалог, переданный Волконским.

Александр: Михайло Ларионович! Почему не идете вперед?

Кутузов: Я поджидаю, чтобы все колонны пособрались.

Александр: Ведь мы не на Царицыном лугу, где не начинают парада, пока не придут все полки!

Кутузов: Государь! Потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыном лугу. Впрочем, если прикажете…

Император приказал. Он толкнул с высот четвертую колонну, а с ней и всю русскую армию на гибель.

– Теперь пора, – просили Наполеона маршалы.

– Господа, – ответил Наполеон, – когда неприятель делает ошибку, мы никоим образом не должны прерывать его. Подождем еще двадцать минут.

Но вот уже стало ясно, что русские войска идут вниз, освобождая высоты. Момент, который выжидал Наполеон, наступил.

– Солдаты! – закричал он. – Враг подставил себя под ваши удары, мы покончим с войной одним ударом грома…

Передовые части четвертой колонны были смяты и раздавлены. Она сдерживала атаку с фронта, но была атакована с фланга. Французы заняли Праценские высоты. Русские войска стремились отбить их.

Кутузов лично участвовал в бою; Милорадович, Каменский один за другим водили полки и бригады в контратаки. «Знамена вперед!.. Знамена вперед!..» – раздавалась команда, и пехота, и лейб-уланы, конная гвардия, кавалергарды, казаки в течение двух часов, сменяя *друг* друга, устремлялись в бой, но все напрасно. Силы были неравны, удар противника внезапен.

Спасти положение мог только сильный резерв, но Кутузов его не имел, он не был предусмотрен диспозицией Вейротера. Помочь мог Буксгевден, и Дохтуров указывал ему, что обстановка в корне изменилась, решающий бой идет в центре, там гибнут русские войска, но что и Сульт также подставил свой фланг, по которому выгодно бить.

Но все было тщетно.

Фридрих Вильгельм Буксгевден был непоколебим. Он точно выполнял параграф диспозиции. Сдерживаемый Даву, отказав в помощи гибнувшим частям центра, он медленно продвигался вперед, все больше подставляя свой фланг и тыл.

Центр был прорван. Все попытки Кутузова остановить войска оказались безуспешными. Сам он был ранен, рядом с ним убили мужа его дочери Тизенгаузена, бросившегося со знаменем вперед. Кутузов медленно отходил с одной бригадой, пытаясь все же выйти из-под удара и перейти к обороне.

Справа еще дрался Багратион, героически сдерживая атаки корпуса Ланна, сражаясь до последней возможности. Слева находилась главная масса войск – колонны Буксгевдена. Кутузов послал ему приказ немедленно отходить.

Выполнение этого приказа, сохранив большую часть русской армии, могло изменить результат сражения. Тупое самомнение и полное непонимание обстановки мешали Буксгевдену подчиниться приказу Кутузова. Он продолжал бессмысленное, гибельное наступление.

Наполеон, прорвав центр и бросив на одиннадцатитысячный отряд Багратиона восемнадцатитысячный корпус Ланна, все свои силы обрушил на тыл колонн, заведенных Буксгевденом в озерные дефиле. Только теперь понял Буксгевден, что надо отходить. Но было уже поздно.

Началась аустерлицкая катастрофа. Войска, прорываясь из окружения, устремились через мельничную плотину, но мельница загорелась от артиллерийского огня, путь оказался отрезанным. Войска переправлялись через реку Литаву по мосту, но мост рухнул, – был отрезан и этот путь. Солдаты бросились на лед, едва покрывавший пруды и озера. Лед подломился, люди тонули.

С высоты в упор по запертым в дефиле, по гибнущим в воде людям били десятки французских орудий.

Это была бойня.

Буксгевден бежал, бросив войска. Из окружения их выводил Дохтуров; ему обязаны спасением те, кто уцелел в аустерлицком аду.

Над полем спустилась ночь. Наполеон не преследовал. Победа и без того была полная.

Где же были оба императора, Вейротер, Долгоруков, Аракчеев, вся свита, все «герои», жаждавшие сражения?

Они бежали. Постыдно бежали их свиты, генералы и попы в полном облачении, явившиеся было благодарить бога за победу. По дорогам мчались обозные фуры и коляски придворных. Этот позорный кортеж открывала царская карета, в которой уносил ноги гофмаршал Толстой.

Разнесся слух, что Кутузов убит, царь ранен и все погибло… Но Александр был жив и невредим.

В ночь, когда раненный в лицо Кутузов, Дохтуров и Багратион собирали измученных и раненых солдат, чтобы отразить новые удары врага, вся свита русского императора сбилась с ног в поисках… вина.

У Александра разболелся живот, и нужно было вино, чтобы развести лекарство для успокоения расслабленного императорского желудка. Кинулись к союзникам, но австрийский

гофмаршал вина не дал. Он ответил, что австрийский император спит, а без него дать бутылку вина русскому царю он не может. Выручили казаки, у которых в походных флягах оказалось вино. Александр ночь спокойно почивал, а утром купил у местного еврея лисий тулуп – все царское обмундирование было растеряно – и благополучно отбыл из Австрии.

В то же утро в избушке австрийского крестьянина рыдал старик Кутузов. Друзья пытались успокоить его, напоминали, что в самые страшные минуты боя, раненный, видя смерть Тизенгаузена, он оставался спокоен.

– Вчера я был полководцем, – сдерживая рыдания, отвечал Кутузов, – сегодня я отец…

Кутузов оплакивал не только смерть родного человека, и не своя рана вызвала у него слезы.

– Рана здесь, – указывал он на бегущих по Аустерлицкому полю солдат, когда ему кричали, что он ранен в щеку.

Долго еще носил эту рану в своем сердце старый полководец. Долго мучили Кутузова укоры и обвинения в аустерлицком поражении, и только через семь лет, когда русские герои-солдаты под руководством Кутузова гнали Наполеона из России, стала заживать глубокая рана.

Тысячи русских солдат, погибших под Аустерлицем, в болотах и озерах, тысячи героев, сражавшихся в окружении, расстреливаемых в упор, продолжавших борьбу, так же как и Кутузов, были неповинны в поражении русской армии.

Даже в «Описании войны 1805 года», сделанном по повелению Николая I, автор вынужден был признать героизм русских воинов. Он описал, как нижние чины одной батарейной роты, невзирая на отлучку офицеров, оставшись без прикрытия, остановились и открыли пальбу. Окруженные французами, они все же прорвались и через четыре дня под командой фейерверкера пришли в свою часть.

В Азовском полку раненый унтер-офицер Старичков, видя гибель полка, сорвал с древка полковое знамя и спрятал у себя на груди.

Умирая в плену, он передал боевое знамя товарищу, который сберег его и принес после войны в Россию.

Нарвского мушкетерского полка рядовой Нестеренко, тоже попав в плен, спас знамя полка, бежал из плена и принес знамя Кутузову.

Русская армия возвращалась на родину после Пресбургского мира в 1806 году. Долго еще к ее колоннам присоединялись бежавшие из плена храбрецы, прошедшие через Силезию, через леса и горы Богемии и разными путями пробивавшиеся к своим

после страшного боя, в котором они потеряли двадцать пять тысяч товарищей, посланных на гибель русским царем.

Когда всем стало известно, что виновник аустерлицкого поражения сам русский император, а не Кутузов, Александр I еще больше возненавидел Кутузова и, удалив его из армии, назначил генерал-губернатором Киева.

Современники писали, что Михаил Илларионович был очень доступен населению, вникал в его нужды, заботился о благоустройстве города.

Оттуда, издалека, наблюдал Кутузов, как в 1806 году в войне между Пруссией и Францией под ударами армии Наполеона затрещала прусская военная доктрина и рухнуло призрачное военное могущество Пруссии, как перестала существовать прусская армия, обреченная на гибель своими же руководителями, разгромленная под Иеной и Ауэрштедтом.

Характерно, что передовые военные деятели Пруссии – Шарнгорст, Гнейзенау, Клаузевиц – понимали, что военная система Фридриха II отжила свой век.

Гнейзенау писал: «Как патриот я скорблю душой. В мирное время мы упустили самое важное: погрязнув в мелочах, мы потакали пристрастью публики к парадам и пренебрегали войной, а война – дело нешуточное…» За представление королю меморандума, критикующего промахи прусского высшего командования, Гнейзенау был сослан в захолустный польский городок… А один из самых глубоких писателей по военным вопросам, как называл его В. И. Ленин, – Клаузевиц – писал: «Как позорно и плохо было все, что я видел за время нашего похода…»

Так сразу же после Аустерлица Иена и Ауэрштедт подтвердили крах прусской военной доктрины. Так увенчанные коронами немецкий юнкер и русский помещик из-за своей приверженности к отжившим идеям привели свои страны к поражению.

Одержав победы под Иеной и Ауэрштедтом, Наполеон прошел всю Пруссию и, став хозяином в этой стране, издал в Берлине свой знаменитый декрет о континентальной блокаде Британских островов. Наполеон для осуществления континентальной блокады должен был подчинить всю Европу и в первую очередь Россию.

Французская армия двинулась к русским границам, и началась новая война – 1806–1807 годов.

Долго искал Александр главнокомандующего для русской армии, но имени Кутузова он и слышать не мог. Потребовались новые поражения в войнах, чтобы заставить Александра вернуть в армию великого полководца. Но пока он готов был назначить

кого угодно, только не Кутузова, которого ненавидел. Называл Татищева, Кнорринга, ряд других посредственных генералов, хотел выписать из Америки жившего там в эмиграции французского генерала Моро, наконец вспомнил, что в Орловской губернии живет екатерининский генерал М. Ф. Каменский. То, что Каменскому семьдесят лет и он уже доживал свой век, царя не смущало. Ведь и Суворову было столько же, когда он совершил непревзойденные Итальянский и Швейцарский походы.

Каменского вызвали в Петербург, дали неограниченные полномочия. После напутствий и молебствий Каменский двинулся на войну, обещая привезти в Петербург Бонапарта в клетке.

Ехал старик медленно, с удобствами, но когда приблизился к армии, пересел в простую тележку и, подражая Суворову, лихо подкатил к войскам. Дальше этого подражание Суворову не пошло. И Кутузов, наблюдавший издалека за событиями, писал жене:

«Не могу надивиться чудесам Каменского. Ежели все правда, что мне из армии пишут, надобно быть сумасшедшему…»

Кутузов был прав. Каменский выжил из ума. Приняв командование, Каменский с первых же дней стал производить такие невиданные маневры и путаные движения, что Наполеон первый раз в жизни не смог разобраться в них и серьезно встревожился, не кроется ли за ними какой-то особенный подвох.

Запутавшись сам, в трудную минуту Каменский совсем потерял рассудок. Под Пултуском он появился перед войсками в тулупе, обвязав голову тряпкой, и объявил солдатам, что всюду измена и они преданы. Главнокомандующий звал их бежать скорее в Россию, обещая встать впереди бегущих. Солдаты недоумевали, а сам Каменский, бросив армию, уехал и взмолился к царю, чтобы тот отпустил его в деревню умирать.

Но и на этот раз Александр остался верен себе и не вызвал Кутузова. Вместо Каменского командовать русскими войсками он назначил генералов Буксгевдена, позорно действовавшего под Аустерлицем, и Беннигсена, вскоре обнаружившего бездарность в сражении под Фридландом. Согласовывать их действия должен был генерал Толстой, но они ему не подчинялись.

Все же, несмотря на такой разлад в командовании, русские войска, имевшие таких командиров, как Дохтуров, Багратион, Ермолов, добились под Пултуском больших успехов. Эти успехи были приписаны Беннигсену, и он в конце концов был назначен главнокомандующим.

Русская армия ненавидела и презирала Беннигсена. В истории войн того времени, в жизни Кутузова Беннигсен играл

предательскую роль.

Выходец из Ганновера, воевавший против России, затем перешедший на русскую службу и при этом написавший, что он «в российском подданстве быть не желает и на то присягою не обязан», типичный наемник и казнокрад, он привел русские войска в 1806–1807 годах к голоду.

Вместе с русскими интендантами и польскими подрядчиками Беннигсен обворовывал казну и на солдатском пайке, на взятках нажил несметное состояние.

При нем русские герои-солдаты голодные бродили по полям и огородам, собирая остатки овощей и картофеля.

В таких условиях семидесятитысячная русская армия расположилась в обороне у Прейсиш-Эйлау, имея против себя восьмидесятитысячную армию Наполеона. Утром 27 января 1807 года над полем сражения бесновалась метель, и скрытые снегопадом французские корпуса двинулись в атаку. Они появились из снежной пелены, когда до русских батарей оставалось меньше пятидесяти шагов. Но русские канониры не растерялись и встретили противника убийственным огнем; потеряв массу убитыми и ранеными (корпус Ожеро был почти целиком истреблен), французы бросились назад. Русская пехота перешла в контратаку, но Беннигсен не ввел в бой свой резерв и не использовал успеха. Наполеон обрушил на центр русской позиции всю свою кавалерию под командованием Мюрата, а корпусу Даву приказал обойти левый фланг русских. Наступил критический момент. Ждали указаний от Беннигсена, но его не оказалось на поле боя. Он уехал за помощью к прусскому генералу и, как писали современники, по дороге заблудился. Заменивший Беннигсена барон Сакен решил отступить, но в дело вмешался Багратион.

Как младший в чине, он находился без должности при корпусе, расположенном в резерве. Когда ранили командира этого корпуса, Багратион вступил в командование, повел войска вперед и стремительным, жестоким ударом отбросил французов. Ночь прекратила битву и развела противников.

И русские и французы приписали себе победу. Но вся Европа расценила сражение под Прейсиш-Эйлау как поражение французов. Сам Наполеон приказал комендантам Торна, Варшавы, Познани и даже Берлина задерживать дезертиров и писал: «На месте сражения у Эйлау и далее в тылу распространился панический страх. Кричали, что идут казаки, и все отсталые и денщики обратились в бегство. Некоторые искали спасения даже за Торном и, быть может, достигли Одера. Меня уверяют, что между этими беглецами были также офицеры. Если

это правда, то дайте приказание некоторых из них схватить, чтобы показать строгий пример…»

И только тяжелая ошибка Беннигсена помогла Наполеону в новом сражении под Фридландом разбить русскую армию. Беннигсен поставил ее тылом к реке Алле, на позиции, разрезанной оврагом, делившим русскую армию надвое. Позиция была настолько неудобна для обороны, что Наполеон снова, как и после «маневров» Каменского, был озадачен.

– Наверно, у русских еще где-нибудь поставлены войска, – говорил он: настолько невероятной для боя казалась ему позиция, избранная Беннигсеном.

Но других войск не было. Русская армия была разбита, а Беннигсен за все время боя не покинул своей квартиры в городе.

России был навязан Тильзитский мир.

По мирному договору, заключенному в Тильзите, Наполеон получал полную свободу действий в Западной Европе. Россия одобрила его захваты и подчинилась континентальной блокаде. Взамен этого Наполеон был согласен на занятие Россией Финляндии и обещал поделить Турцию.

Но только обещал. Натравив Турцию на Россию в 1806 году, он все время то явно, то тайно поддерживал ее в борьбе против России.

ГЛАВА VII

«…Молю всевышнего, великий, всемудрый, всемогущий благороднейший и непобедимый властелин, дражайший и наисовершеннейший друг наш, да продлит он дни вашего величества, да преисполнит их славой и благодеянием и ниспошлет благое завершение всем делам вашим», – писал Наполеон турецкому султану, предлагая Турции союз с Францией.

Ради чего Наполеон не жалел таких пышных, цветистых фраз? Ведь с Турцией он считался меньше, чем с любой европейской страной. Во внешней политике Наполеона она была разменной монетой. Он то угрожал ею России, то предлагал Александру просто поделить Турцию между Россией и Францией. Почему же французский император, третировавший королей Европы, помыкавший их дипломатами, разговаривая с ними тоном сердитого хозяина, вдруг стал так отменно вежлив с турецким султаном?

Потому, что помощь Турции нужна была Наполеону как никогда раньше. В новой, невиданной по масштабу войне, которую Наполеон готовил России, Турции отводилась ответственная роль. Наполеону нужно было, чтобы одновременно с вторжением в пределы России его корпусов с берегов Немана, с берегов Днестра и Дуная вторглась бы стотысячная турецкая армия, чтобы сорок тысяч турецких кавалеристов, пройдя Украину, присоединились бы к французской армии, идущей через Белоруссию.

Ради этого он не жалеет цветистых фраз. Ради этого он то обещает Крым, то угрожает туркам, и французские послы в Константинополе то уговаривают султана и подкупают его министров, то грозят стереть с лица земли Оттоманскую империю.

И Турция, постоянный объект борьбы между Англией, Австрией, Россией и Францией, на этот раз подчинилась Наполеону. Испуганный успехами Наполеона, соблазненный его обещанием вернуть Турции Крым и побережье Черного моря, турецкий султан закрыл путь русским судам через Босфор, нарушил торговлю на Черном море, укрепил турецкие крепости на Дунае, сосредоточил на границах России крупные силы и вызвал войну.

Война длилась с 1806 по 1811 год. Русской армией командовали поочередно Михельсон, затем Прозоровский, которого сменил Багратион, смененный впоследствии Каменским

(сыном). Все эти генералы считались лучшими в России. Михельсон слыл победителем Пугачева, семидесятипятилетний фельдмаршал Прозоровский много лет воевал против Турции и считал себя последователем Суворова, слава Багратиона после Шенграбена и боев в войну 1806–1807 годов против Наполеона гремела по России, а Каменский приехал на турецкий фронт после блестящих побед в Финляндии.

Они взяли ряд крепостей, овладели важнейшим стратегическим рубежом – рекой Дунай, неоднократно, особенно Багратион и Каменский, разбивали турецкие войска, но ни старые генералы Михельсон и Прозоровский, ни молодые генералы, ученики Суворова – Багратион и Каменский не добились за пять лет такой решающей победы, которая заставила бы турок просить мира.

В один из трудных моментов войны фельдмаршал Прозоровский выпросил у царя разрешение взять себе в помощники Кутузова. Но вскоре Прозоровский испугался, что его авторитет в армии упадет, потому что офицеры увидели в Кутузове более талантливого полководца, чем он. Всем в армии было известно, что Кутузов убеждал Прозоровского не штурмовать слабыми силами без артиллерийской подготовки крепость Браилов, но главнокомандующий не послушал разумного совета своего помощника, и русские войска, потеряв из 8 тысяч солдат более 5 тысяч, были отбиты. Дряхлый фельдмаршал впал в отчаяние. Кутузов хладнокровно утешал его, ободрял войска. Офицеры стали обращаться за указаниями к Кутузову, а не к главнокомандующему.

Прозоровский нажаловался царю, и Александр I немедленно приказал отправить Кутузова из армии в Вильно, где освободилась должность генерал-губернатора.

И лишь тогда, когда стала очевидной неотвратимость новой войны с Францией, в которой должна была решиться судьба России, и мир с турками стал крайне необходим, Александр I понял, что только Кутузов, удаленный им в Вильно, может спасти положение. Он вынужден был назначить его главнокомандующим Дунайской армии.

Возвращение в армию талантливейшего полководца явилось не только поворотным моментом в развертывании войны, а следовательно и в истории нашей страны, но и повлияло на ход военных событий во всей Европе.

Был апрель 1811 года. У сильнейшей турецкой крепости Шумлы собралась шестидесятитысячная армия великого визиря, и султан повелел ей перейти в решительное наступление, решив вернуть все крепости и провинции, занятые Россией. Русские

войска, изнуренные пятилетней войной, оказались в крайне трудном положении. Из девяти дивизий пять были уже отозваны Александром для переброски на запад, вместо 85 тысяч солдат, которыми располагали Прозоровский и Каменский, Кутузову оставили 46 тысяч, да и те были растянуты по Дунаю на фронте в тысячу километров.

Александр требовал, чтобы Кутузов с этой армией добился решающей победы (Прозоровский на это просил 150 тысяч солдат) и заключил мир на условиях, которые султан не раз уже отвергал. Теперь же, узнав, что русские войска, которым турки сопротивлялись пять лет, уменьшились вдвое, султан о мире и слышать не хотел. Не допускал этого и Наполеон.

Кутузов отказался от осады и штурмов укрепленных позиций и крепостей.

– Важно не крепость взять, а войну выиграть, – говорил Кутузов, и в своих действиях он не слепо копировал Румянцева и Суворова, а, возрождая суворовские традиции, в новых условиях, в крайне сложной обстановке искал новых стратегических решений.

Из суворовской «Науки побеждать» Кутузов взял ее основу – разгром живой силы противника, но решил эту задачу по-своему, по-кутузовски.

Он не только отказался от штурма крепостей, но даже очистил занятые укрепления Силистрии и Никополя, срыв их, чтобы они не достались и туркам. Растянутую кордоном армию (наследие австрийской школы Ласси) Кутузов сосредоточил к важнейшим стратегическим направлениям, собрав главные силы у крепости Рущук. Фланги он прикрыл сильными отрядами, но правый фланг все же оставался в опасности, потому что на Дунае у крепости Виддина стояли 400 турецких судов и турки могли быстро переправиться через реку и зайти в тыл русской армии. Но Кутузов устранил и эту опасность.

Зная о постоянных раздорах турецких пашей, он восстановил против великого визиря виддинского пашу, купил у него все стоящие у Виддина суда и угнал их.

Кутузов решил выманить визиря из Шумлы. «Может быть, – писал он царю, – завлеку я тем неприятеля в сражение на равнинах…»

Расчет Кутузова оправдался.

Визирь действительно намеревался использовать суда виддинского паши, но их уже не было, и визирь двинулся к Рущуку, где его терпеливо поджидал Кутузов.

Позиция, на которой расположилась русская армия, была открытой для атак с фронта и с левого фланга, а в четырех

километрах за ней протекал Дунай, и при неудаче русские войска, прижатые к реке, могли бы быть истреблены. Эта позиция была «не совсем выгодная, но единственная», как определил ее сам Кутузов. Он не думал о неудаче и смело шел на риск, зная, что решающее значение в бою имеет не столько позиция, сколько войска, защищающие ее. В своих же солдатах и командирах он был уверен, хотя их было только пятнадцать тысяч против шестидесятитысячной турецкой армии.

Сорокалетний опыт боев с турками убедил его, что опасны лишь их первые отчаянные атаки и особенно стремительные атаки их конницы.

Но Кутузов знал, что в открытом полевом бою русские войска дерутся неизмеримо лучше турецких и, если отразить первые атаки турок, они потеряют решимость.

План боя под Рущуком был построен на основе огромного боевого опыта полководца, на глубоком знании противника, а главное, на уверенности в силе русских солдат, способных отразить бешеные атаки вчетверо сильнейшего противника.

Первую атаку турецких войск русские отразили огнем. Тогда визирь атаковал правый фланг и, отвлекая туда внимание Кутузова, обрушил десять тысяч анатолийских всадников на левый фланг русской армии.

Левый фланг был смят, турецкая конница прорвалась в тыл русской армии, отрезав ее от переправ на Дунае.

Со стороны Рущука турецкую конницу встретила русская пехота, а Кутузов, повернув кругом свою кавалерию, атаковал зарвавшихся турок и остановил их продвижение. Немедленно вслед за кавалерией он бросил в контратаку каре егерей, я турецкая конница, потеряв половину своего состава, начала отходить.

Переломный момент боя, которого ждал Кутузов, настал, и все силы он бросил в общее контрнаступление.

Разбитая турецкая армия обратилась в бегство. Великий визирь на почтительном расстоянии от Рущука торопливо окапывался, ожидая со дня на день нового удара русской армии. Во всем этом сказывался и опыт сражений Румянцева, Суворова, но, как дальше будет видно, Кутузов, используя их опыт, действовал по-своему – по-кутузовски.

Кутузов даже не преследовал противника. Через три дня он взорвал и покинул крепость Рущук, стоившую русским стольких потерь, и, очистив правобережье, перешел со всей армией на левый берег Дуная.

Узнав, что Кутузов также отступил, визирь был изумлен и не мог понять, что это значит. Затем, решив, что побежден,

очевидно, не он, визирь, а Кутузов, донес в Константинополь о разгроме русской армии и бегстве Кутузова за Дунай. В Константинополе отпраздновали победу, султан щедро наградил визиря и радостно сообщил о победе Наполеону. Очень доволен был и Наполеон. Но больше всех радовался Кутузов, хотя его действий никто не понимал в русской армии, и, как всегда, меньше других их понял Александр I, гневно потребовал объяснений.

Кутузов писал царю: «Я по совершенному убеждению принял мысль тотчас после одержанной над визирем победы оставить Рущук; сие только и можно было произвести после выигранной баталии; в противном случае казалось бы то действием принужденным; и ежели бы вместо выигранного сражения была хотя малая неудача, тогда бы должно было переносить все неудобства и для чести оружия не оставлять Рущук. Итак, несмотря на частный вред, который оставление Рущука сделать может только лично мне, а предпочитая всегда малому сему уважению пользу государя моего, я, выведя жителей, артиллерию, снаряды, – словом, все, и подорвав некоторые места цитадели, перешел 27-го числа на левый берег Дуная».

А рвавшимся в бой офицерам Кутузов объяснил: – Если пойдем за турками, то, вероятно, достигнем Шумлы, но потом что станем делать? Надобно будет возвратиться, как и в прошлом году, и визирь объявил бы себя победителем. Гораздо лучше ободрить моего друга Ахмет-бея, и он опять придет к нам.

И Кутузов терпеливо ждал. Мудрый и неторопливый, он умел выжидать и использовать время, а главное – ошибки противника.

Как показали дальнейшие события, русский полководец и на этот раз оказался прав.

Ободренный бездействием русских войск и подгоняемый Наполеоном и султаном, великий визирь усилил свою армию до 70 тысяч человек и двинулся через Дунай на позиции русской армии. Около 50 тысяч он переправил на левый берег и расположил против русских укреплений, а на правом берегу оставил лагерь – 20 тысяч солдат, знамена, продовольствие, вооружение.

Все это не ускользнуло от внимания Кутузова. С помощью лазутчиков он следил за каждым движением турецкой армии.

Темной осенней ночью далеко от лагеря, вверх по течению Дуная, куда не добирались турецкие разведчики, скрытно переправился на правый берег отряд генерала Маркова.

5 тысяч пехоты и 2500 кавалеристов и казаков к рассвету были уже на правом берегу.

Первыми с анатолийской конницей столкнулись казаки,

поддержанные пехотой. Опрокинув неприятельскую кавалерию, русские появились на высотах вблизи турецкого лагеря.

Паника у турок была полная. Русские взяли в плен 20 тысяч солдат, захватили огромный лагерь со всеми запасами оружия и провианта, потеряв при этом всего девять убитыми и сорок ранеными.

Быстро установив в захваченном лагере орудия, русские открыли огонь в тыл туркам, находившимся на левом берегу.

Следивший за действием отряда Маркова Кутузов немедленно бросил в атаку все свои силы, прижимая турок к Дунаю. Подошли суда русских, вооруженные пушками. Семидесятитысячная турецкая армия великого визиря была полностью блокирована. Кутузову стало известно, что визирь намерен бежать. «Пусть бежит», – решил Кутузов. Он знал, что по турецким законам визирь, находясь в окружении, не имеет права вести переговоры о мире, а Кутузову прежде всего нужен был мир. Ночью на небольшой лодочке визирь бежал.

Наутро к нему явился адъютант Кутузова с букетом цветов и, поздравив от имени Кутузова с благополучным бегством, предложил вступить в переговоры о мире.

В надежде на помощь окруженные турки пытались держаться, однако русские захватили турецкие крепости Туртукай и Силистрию, и на важнейшие направления были брошены отряды, преградившие путь турецким резервам.

– И кто мог бы это предвидеть, этого ожидать! – воскликнул Наполеон, узнав о разгроме турецкой армии. Дружбу с султаном, которую Наполеон начал мольбой всевышнему, пришлось прервать. Планы Наполеона использовать Турцию в войне против России рухнули благодаря Кутузову.

В окруженной турецкой армии начался голод, вспыхнули эпидемии. Приближалась зима, армия могла вся погибнуть. Кутузов сначала посылал осажденным сухари, а потом предложил до перемирия «взять на сохранение», предупреждая турок, что иначе они перемрут.

Турецкая армия перешла «на сохранение» Кутузову. Александр I был недоволен, считая, что надо было требовать полной капитуляции, а взяв «на сохранение» турецкую армию, Кутузов унизил достоинство русского оружия. Но главнокомандующий Дунайской армии объяснил царю, что султан, подстрекаемый Наполеоном, не шел на капитуляцию, а если бы турецкие войска вымерли или сдались, визирю совсем незачем было бы спешить с миром. Подкармливая же турок, русские тем самым подталкивали султана скорей заключить мир, чтобы спасти хоть треть уцелевшей армии, состоявшей из

отборных турецких солдат.

Талантливый полководец тогда же проявил себя не менее способным дипломатом и накануне вторжения Наполеона в Россию успел подписать с Турцией мир. Именно успел, ибо Александр I, как всегда недовольный Кутузовым, прислал нового командующего Дунайской армией – адмирала Чичагова, впоследствии бесславного героя Березинской операции.

В то время когда Кутузов вел вооруженную, а потом дипломатическую борьбу, Александр I, не понимая его политики, жаловался своему флигель-адъютанту адмиралу Чичагову на бездеятельность Кутузова.

Чичагов тонко намекнул царю, что следовало бы кого-нибудь послать для наблюдения за Кутузовым, и получил предложение выехать в Дунайскую армию. Чичагов вежливо отказался, но на следующий день разговор возобновился, и царь решил заменить Кутузова Чичаговым, поручив ему не только подписать с Турцией мир, но и заставить ее заключить с Россией оборонительный и наступательный союз. Слухи об этом дошли до Кутузова, и он подписал в Бухаресте мир за день до приезда Чичагова и поставил этим царя и адмирала в глупейшее положение. Для того чтобы сместить Кутузова, у Чичагова были с собой два царских рескрипта: один на тот случай, если мир еще не заключен, и второй – если уже подписан. В первом царь, выражая свое недовольство, предлагал Кутузову сдать армию Чичагову, а во втором – выражал благодарность за победу и мир, но тоже приказывал сдать армию. Но Кутузов заключил мир ровно за день до приезда Чичагова, следовательно, первый рескрипт вручить нельзя было, но и второй нельзя вручить, ибо царь не мог за один день узнать в Петербурге о мире, заключенном в Бухаресте. Это Чичагова не остановило. Он вручил второй рескрипт и написал царю:

«Необходимо было вручить именно этот рескрипт, хотя по естественным законам невозможно было, чтобы Ваше величество узнали об этом происшествия, совершившемся в Бухаресте, через 24 часа в Петербурге».

Все попытки Чичагова принудить турок к союзу с Россией успеха не имели, и адмирал впоследствии признался, что условия мира, которых добился Кутузов, были единственно возможными.

А Кутузов почтительно сдал дипломатические дела и армию и простился с войсками.

Русские солдаты, слышавшие клевету Прозоровского, обвинявшего их в неподчинении командирам в бою, слышавшие приказ Каменского, незаслуженно назвавшего их трусами, услышали приказ Кутузова, покидавшего русскую армию на

Дунае:

«…Обратим внимание на подвиги, столь славно сопровождающие все дни кампании 1811 года. Чего не превозмогли Вы, дунайские воины… 60 тысяч надменных турецких войск под предводительством верховного визиря мечтают перенести владычество свое в места, Вашим мужеством и кровью приобщенные; но 12 тысяч из среды Вашей смиряют их кичливость и обращают в бег. Сей удар блистательного оружия поразил силы многочисленных толп турецких, собранных из всех концов Оттоманской империи, до такой степени, что до 28 августа в войне наступательной с силами превосходными не имел неприятель довольной твердости сделать какое-либо покушение на нас, спокойно расположенных по Дунаю, но и тут готовили Вы ему новый удар. Кто не участвовал, тот с восторгом видел блистательный переход на правый берег, взятие и истребление императорского лагеря, трофеи, пленных и необыкновенную добычу, храбрыми приобретенную. Наконец, взятие Туртукая, падение Силистрии со всею артиллерией поразили дух неприятельский до того, что оную, составленную некогда из отличнейших азиатских арнаутских войск и цареградских янычар, на сей стороне находившуюся стесненную армию с предводителем ее трехбунчужным пашою визирем Чабак-оглы, многими другими, с татарскими султанами, 50 пушками, храбростью и бедствиями утомленную, повергли Вы… Дунайская армия… славу к славе приложившая останется навсегда незабвенно в сердцах патриотов в любезном нашем отечестве… Расставаясь со здешней армией, приношу чувствительную благодарность мою всему вообще войску за ту любовь, которая оградила меня употребить власть, высочайше мне предоставленную, к обращению кого-либо силою к своим обязанностям. Воспоминание сего останется навсегда неизгладимым в сердце моем и сопровождать будет лучшие часы жизни моей…

Бухарест, 12 мая 1812 г.

Подлинный подписал генерал граф Кутузов».

Кутузов уехал в свое поместье Горошки Волынской губернии. Он был отстранен от командования в тот момент, когда к западным рубежам Россия уже подходила армия французского императора, почти два десятилетия не знавшего поражений, покорившего почти всю Европу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I

«…Я не могу быть спокоен за свои успехи в Европе, пока в России каждый год прибавляется полмиллиона детей» – так выразил Наполеон свое опасение, что, развиваясь, Россия может стать серьезным соперником Франции. Ему нужно было подчинить Россию своей политике, поработить ее народ, ограничить его развитие и сделать самостоятельное, жизнеспособное государство – Россию – колонией буржуазной Франции. Наполеон мечтал стать повелителем мира, а для этого ему надо было сокрушить английское могущество, но и это было невозможно, не покорив Россию.

Вот уже более пятнадцати лет, как он ведет войны в Италии и Египте, в Австрии, Пруссии и Испании, а цель еще далека – Англия создает коалицию за коалицией и, сопротивляясь, ведет борьбу не на жизнь, а на смерть, ибо она понимает, что «погибнет, если хоть на один день забудет о своей ненависти к Франции».

При Трафальгаре в 1805 году знаменитый флотоводец Англии адмирал Нельсон разгромил флот Наполеона, и теперь завоевать ее, морскую державу, вторженьем через Ла-Манш стало невозможно. Терпела неудачу и экономическая континентальная блокада. Осуществляя политику экономического удушения Англии, Наполеон наводнил Европу своими войсками и агентами, которые конфисковывали, сжигали, выбрасывали в море товары, прибывшие из Англии, и не допускали отправки в Англию сырья и продуктов. Вся Европа была подчинена этой политике, и окончательная ее победа означала бы для Наполеона полное владычество.

В политике континентальной блокады Англии Наполеон после своих успехов под Аустерлицем и Фридландом и последовавшего за ними позорного для России Тильзитского мира заставил принять участие и Александра I.

Но блокада нарушала интересы русского дворянства, на которое опирался Александр. Бойкот английских товаров сокращал англо-русскую торговлю, а значит, и сбыт сельскохозяйственных продуктов – основных товаров помещичьей России.

Это привело к тому, что Россия нарушила условия Тильзитского мира и фронт блокады оказался прорванным в России.

Наполеон узнал, что под видом нейтральных кораблей в порты России прибывают суда с английскими товарами. К тому

же Александр ввел высокий таможенный тариф на предметы роскоши, ввозимые главным образом из Франции.

Наполеону стало ясно, что, пока он не завоюет Россию, будет терпеть крах его политика континентальной блокады, которая не могла долго продолжаться, так как она ухудшала экономическое положение самой Франции. Решить все вопросы должна была новая война, и Наполеон начал подготовку к вторжению в Россию.

Его современники и биографы, в частности Альберт Вандаль, добросовестно осветивший этот период деятельности французского императора, пишут, что никогда еще он не вел такой напряженной громадной работы, как во время подготовки к войне с Россией. Сам он в письме к маршалу Даву признает, что «никогда еще до сих пор не делал я столь обширных приготовлений».

Наполеон внимательно изучал театр предстоящих военных действий, прочитал все имеющиеся на французском языке описания операций в Польше и России. Особенно внимательно он изучил историю похода Карла XII. На французский язык были переведены для него лучшие сочинения о русской армии, отпечатаны русские карты.

Подготовке к войне Бонапарт придал огромный размах, охватив ею почти все страны Европы. Он вел сложную дипломатическую игру с Турцией и Швецией, готовился навязать свою волю Пруссии, заключил союз с Австрией, подкупил обещаниями Польшу, подчинил этой политике ряд герцогств и королевств.

Исходным плацдармом для нападения на Россию Наполеон избрал Польшу, правильно рассчитав, что ее территория необходима каждому, кто намеревается воевать с Россией. Но так как польские войска не могли устоять против русской армии, он готовился поддержать их из Германии войсками Даву, расположенными как бы во втором эшелоне за польскими. Боясь все же, что поляки будут разбиты прежде, чем их поддержат, им было приказано в случае наступления русских отступать под прикрытие Даву.

Наполеон отдал распоряжение об укреплении Данцига, который в случае захвата Россией инициативы в войне своим положением на фланге наступления русской армии мог сильно затруднить ее операции. Кроме того, Данциг имел значение как главная база для ведения войны. В нем были литейные заводы, мастерские, кузницы, провиантские склады – все необходимое для пополнения запасов и приведения в порядок материальной части проходящей через Данциг французской армии.

Понимая, что эти мероприятия не укроются от русских и они могут преждевременно раскрыть его планы, Наполеон передал русскому послу в Париже Куракину ноту, в которой заявил, что сильная английская эскадра направляется-де в Балтийское море с намерением атаковать Данциг и император Франции принимает меры противодействия.

Наполеон пригрозил королю Пруссии, что в случае сопротивления проходу войск через Пруссию он и следа не оставит от остатков самостоятельности прусского королевства и в первую очередь от королевского дома Гогенцоллернов.

Трусливый король Фридрих Вильгельм III Гогенцоллерн по требованию даже не самого Наполеона, а его министра услужливо обеспечил французским корпусам путь через Пруссию.

Король остался доволен тем, что ему разрешили держать в Потсдаме полторы тысячи своих солдат и в виде особой милости еще восемьдесят инвалидов. Берлин перешел в управление французов. Как и во всех важнейших городах и крепостях, в нем были назначены французский комендант, французская администрация и полиция. Войска разместились во всех общественных зданиях, маршалы обедали во дворце короля.

Наполеон наложил на Пруссию жестокую контрибуцию. Сотни тысяч пудов пшеницы и ржи, овощей, мяса, сена, овса, миллионы бутылок вина и пива, тысячи лошадей для кавалерии и обозов отдал прусский народ за долги прусской монархии, получая взамен от французов налоговые квитанции.

Одновременно с мероприятиями, проводимыми непосредственно у границ России, далеко от них – в Голландии и Северной Франции, Наполеон формировал новые части, располагая их фронтом к морю против англичан. Хотя эти части назывались «обсервационным приморским корпусом», впоследствии они резко переменили фронт, перешли в Германию, составили два новых корпуса великой французской армии, вторгшейся в Россию.

В Италии у подножия Альп к сборным пунктам сводились подчиненные Наполеону войска. Все подвластные ему королевства, герцогства, княжества были «приглашены» выставить свои контингенты, и они беспрекословно выполнили приказ Бонапарта.

В самой Франции пополнялась отборными людьми краса и гордость наполеоновской армии, ее главный резерв – императорская гвардия.

Особенно заботился Наполеон о формировании огромных масс конницы и увеличении артиллерии. Так как его лучшие полки сильно поредели в предыдущих войнах, он пополнял их

рекрутами, которых поручал старым солдатам для обучения военному делу.

Для устройства дорог и мостов формировались инженерные части. Для преодоления водных преград, лежащих на пути вторжения в Россию, был создан специальный понтонный парк. Наполеон сам приказал заготовить разные инструменты. Он заказал по усовершенствованному образцу новые повозки, организуя огромный обоз.

Сформированные части были расквартированы во Франции и Германии, в Италии и Австрии, в Польше и Голландии. Требовало подготовительной работы, точного расчета, огромного напряжения создание единой армии из разрозненных частей. Эту полумиллионную армию предстояло в глубокой тайне, чуть ли не на цыпочках, провести через всю Европу к границам России, не допуская, чтобы русские разгромили Польшу и отбросили от Вислы французские аванпосты и тем сорвали бы сосредоточение и развертывание французских войск. Наполеон этого очень боялся и пустил в ход все, чтобы обмануть Россию. Вся его дипломатия была направлена к тому, чтобы обеспечить марш своей армии.

По мере того как его войска продвигались вперед, все настойчивее становились его уверения и просьбы мирно покончить дело.

Поучая французского посла в России Лористона, Наполеон послал ему специальную инструкцию – образец дипломатического двурушничества. Наполеон писал:

«Когда весть о движении наших войск появится в виде неопределенных слухов, следует все решительно отрицать. Вы должны безусловно ничего не знать о движении войск вице-короля до тех пор, пока не получатся достоверные сведения, что его армия в Рагенсбурге. Тогда Вы скажете, что не верите этому, что думаете, что дело идет о нескольких батальонах, сформированных из рекрутов римских департаментов и т. д. Вы дадите объяснения в таких выражениях, чтобы не ставить себя в неловкое положение. Возможно, что таким образом Вы выиграете пять-шесть дней.

Когда заговорят с Вами о движении войск, которые стоят в Майнце и Мюнхене, Вы сначала не ответите на это и таким образом выиграете еще несколько дней. Затем Вы скажете, что необходимо иметь резерв на севере и что на время вздорожания хлеба нашли выгодным удалить из окрестностей Парижа известное количество потребителей.

После этого вы можете дать понять, что пока войска не перешли Одер… нет ни малейшего повода к замечаниям; что эти движения суть внутренние, а не враждебные.

Когда нельзя будет отрицать движения войск вице-короля, Вы скажете, что его величество действительно сосредоточивает свои силы; что Россия, ведя переговоры и не желая войны, давным-давно сосредоточила свои войска; что его величество тоже не хочет войны, но что ему угодно вести переговоры при одинаковых с Россией условиях. Вы должны соразмерить Ваши слова так, чтобы выиграть время. Вы должны каждый день говорить другое и признаваться в чем-либо тогда, когда в сообщенных Вам депешах будет указано, что это уже известно.

Особенно нужно позаботиться о том, чтобы предотвратить вторжение врага, когда головные колонны будут занимать территорию на Висле.

Установив сперва положение, что французы, занимая страны, состоящие под их протекторатом, не превышают своих прав и что в Варшаве они у себя дома, можно сказать, что, наоборот, если русские хоть на один шаг перейдут свои границы, – они тем самым совершат враждебный поступок и разрушат все надежды на мир. В тот день, когда хотя бы один казак вступит на территорию конфедерации, война будет объявлена».

Лористону рекомендуется быть скупым на предостережения, в его словах угроза должна только чувствоваться. Пользуясь кротостью и убеждением, неустанно говорить, что император хочет сохранить мир и укрепить союз и стремится начать переговоры.

В крайнем случае Лористону разрешается дать обещание, что французские войска за Вислу не перейдут. Как последнее средство можно дать согласие на свидание императоров, но при этом делать вид, что посол действует по собственной инициативе, дабы император мог уклониться от совещания…

«…Это последнее средство, – говорится в инструкции, – следует пустить в ход только при последней крайности – в том случае, если русские вздумают двинуться на Вислу; этому-то движению следует помешать предложением свидания, но не связывая императора никакими обязательствами».

Обмануть русских, используя весь арсенал дипломатической лжи и лицемерия, выиграть время, обеспечив стратегическое развертывание своих сил и внезапное вторжение в Россию, – вот чего требовал французский император от своих дипломатов. Но он обязывал их не только к дипломатической деятельности.

Одновременно с военной и дипломатической подготовкой Наполеон широко пользовался шпионажем и провокацией. В Польше он готовил восстание против России.

Посланнику в Варшаве, аббату Прадту, была передана инструкция, требовавшая сделать Варшаву центральным пунктом

сбора всех сил антирусской пропаганды и подготовки восстаний. Прадту поручалось употребить часть доходов Варшавского герцогства на содержание великой армии, организовать бюро военных разведок, набрать агентов.

Для организации восстания используется сейм; ведется работа в воеводствах, подготавливается и посылается к Наполеону депутация, которой он ответил, что «одобряет одушевляющие их чувства, но что все зависит от их – поляков – усердия». Не высказываясь официально по поводу будущего, посланник в Варшаве должен был действовать и говорить так, чтобы у поляков поддерживались самые безмерные надежды, чтобы опьянялось общественное мнение. «Нужно, чтобы восстание распространилось и на русские губернии», – требовал Наполеон, посылая туда своих агентов, прокламации, воззвания и добиваясь, чтобы польская знать в России сформировалась в военный отряд для действия в тылу русской армии.

Через командовавшего польскими войсками князя Понятовского Наполеон узнавал о работах по укреплению приграничных русских позиций и т. п. Сведения собирались также особыми агентами, жившими недалеко от границ. Опрашивались путешественники, прибывшие из России, использовались иезуиты в Полоцке, подслушивались разговоры среди офицеров.

Всей агентурно-шпионской работе Наполеон придал строгую систему. Французскому резиденту в Варшаве – барону Вильому – было поручено выбрать из числа способных и достойных доверия лиц, служивших на военной службе, трех старших агентов, которые знали бы хорошо: один – Литву, другой – Волынь, Подолию и Украину и третий – Лифляндию и Курляндию. Старшие агенты должны были избрать двенадцать низших агентов и держать их на важнейших путях в назначенных пунктах. На эту работу разрешалось расходовать по двенадцати тысяч франков ежемесячно.

Наконец при главном штабе Наполеон сформировал особое разведывательное бюро, оно ведало всей службой шпионов, допросами жителей и пленных, занималось перехватыванием и чтением корреспонденции, сбором всех сведений о русской армии, о театре военных действий, о дорогах, ведущих к Москве, о городах и крепостях, лежащих на пути французской армии.

День за днем руководил Наполеон из Парижа движением к Висле своих корпусов, днем и ночью прибывали к нему донесения маршалов, доклады интендантов, сообщения шпионов из России, Польши, Австрии, Пруссии.

Подготовка вторжения подходила к концу. Но даже в последние дни перед отъездом из Парижа на Вислу Наполеон по-

прежнему стремился скрыть свои намерения. Своим приближенным он приказал покинуть Париж заблаговременно, запретив им даже попрощаться с родными. Употребив изощреннейшую дипломатическую ложь, Наполеон избежал встреч с русским послом Куракиным, добивавшимся от него объяснения, и, обманув его, покинул Париж.

И только днем позже, 10 мая 1812 года, в парижской газете «Moniteur» появилась заметка:

«Император отбыл сегодня из Парижа для осмотра собранной на Висле великой армии».

Сознавал ли Наполеон, начиная войну с Россией, какие затруднения она принесет Франции? Видел ли он опасности, которые она таит? Да, многое заставляло его и наиболее благоразумных его соратников с тревогой задумываться.

Не допуская мысли о поражении, Наполеон понимал все же, что ведет свою армию сражаться с лучшими в мире русскими солдатами и поход будет нелегким. Путь от Франции до России лежал через порабощенные им страны. Агенты и ставленники Бонапарта вместе с монархами и князьями, лебезившими и заискивающими перед ним, подавляли малейшие попытки покоренных народов восставать. Но Наполеон сознавал, что это только до поры до времени, до тех пор, пока он силен и власть его неограниченна.

Народ Испании несколько лет вел беспримерную героическую борьбу с войсками Франции, и конца этой борьбы не было видно. Биографы Наполеона пишут, что он задумывался, не лучше ли ему сначала покончить с Испанией, а потом двинуться на Россию. Но решил вести обе войны, считая, что хотя война в Испании и лишает его в войне с Россией двухсот тысяч солдат, но зато обеспечивает континентальную блокаду. Оттяжка же войны с Россией могла привести к краху всей его политики. И он начал поход на Москву в момент, когда его корпуса безуспешно сражались под Севильей и Бадахосом, в Валенсии и Андалузии.

Политикой императора был недоволен народ Франции. Он не хотел воевать ради интересов крупной буржуазии. Франция переживала тяжелый экономический кризис. Мастерские опустели, рабочие были без хлеба. Появились афиши с призывом к мятежу. В Нормандии вспыхнуло голодное восстание. Наполеон больше всего боялся голода и этот вопрос думал решить своим обычным средством – военной победой. Но одна война сменяла другую, гибли сотни тысяч людей, народ не видел этому конца, и новые призывы в армию вызывали сопротивление населения. Отряды жандармов охотились за уклонявшимися от рекрутчины людьми. За уклонение от призыва отвечал не только рекрут, но и

семья, и родственники, и все те, кто дал работу или еду дезертиру.

Если уклонялись от мобилизации французы, то что же можно было сказать о рекрутах других стран? Маршал Удино в первые же дни похода сообщал, что в Швейцарском, да и в других полках, имелись сотни больных и слабых; маршал объяснял это тем, что рекруты были приведены к нему в кандалах, истомленные, обессиленные. Маршал Ней тоже доносил, что рекруты портят его старые испытанные батальоны. В Померании крестьяне уговаривали своих земляков-солдат бежать, и каждый дезертир мог рассчитывать, что крестьяне укроют его и накормят. Один из полков пришлось даже на ночь окружить специальными патрулями. Маршал Даву приказал каждого отставшего расстреливать как дезертира.

Не так охотно, как раньше, вели на войну свои корпуса и многие маршалы. Некоторым, разбогатевшим в войнах и походах, пресытившимся успехом и славой, не так уж хотелось покидать Париж, опять идти за неугомонным императором навстречу опасностям и лишениям.

Но Наполеон верил в непобедимость своей армии. Ему казалось, что нет конца его силе. По всей Европе сплошным потоком шли его корпуса на Россию:

1-й корпус маршала Даву,

2-й корпус маршала Удино,

3-й корпус маршала Нея,

4-й корпус вице-короля Евгения,

5-й корпус князя Понятовского,

6-й корпус Сен-Сира,

7-й корпус Ренье,

8-й корпус Вандамма, 9-й корпус маршала Виктора, 10-й корпус маршала Макдональда, 11-й корпус маршала Ожеро, 12-й корпус Шварценберга.

Шли десятки тысяч кавалерии, могущественная артиллерия, шла гордость Наполеона – лично ему подчиненная императорская гвардия под командованием маршалов Леферфа, Мортье и Бесьера. Двигались на Россию и польские легионы, баварские и саксонские, прусские и австрийские, голландские и итальянские, швейцарские и португальские полки.

С Наполеоном не было многих храбрых и талантливых командиров. Погиб маршал Ланн, не было и опытного Массена, в Испании сражались Сульт и Мармон. Но зато в походе на Россию рядом с императором Франции был маршал Даву – герцог Ауэрштедтский, принц Экмюльский. Суровый бургундец, способный, железной воли неустрашимый полководец, он учился

вместе с Наполеоном в военной школе и в 1804 году стал уже маршалом, в 1806 году с двадцатью семью тысячами солдат разгромил под Ауэрштедтом пятидесятитысячную прусскую армию, участвовал в битвах с русскими под Аустерлицем, Эйлау и Фридландом. Опять был с Наполеоном участник всех его походов, начальник штаба маршал Бертье – принц Ваграм-Невшательский, беспрекословный, неутомимый исполнитель приказов и распоряжений императора. Был с Наполеоном прославленный кавалерийский начальник Мюрат – король Неаполитанский, пришедший к Наполеону подпоручиком еще в 1795 году и участвовавший почти во всех сражениях, которые вел император. Вел свои полки и храбрейший из храбрых маршал Ней – герцог Эльхингенский, впоследствии за решительные действия под Бородином получивший титул «князя Московского». Начав службу простым гусаром, к двадцати семи годам он стал уже бригадным генералом. «Это лев!» – говорил о нем Наполеон и ему поручал самые опасные и трудные боевые дела.

За ними была целая плеяда генералов, прошедших с Наполеоном все походы, выросших в битвах, честолюбивых, смелых. Правда, сейчас они не дружны, не любят делить славы, ссорятся друг с другом, но все они беспрекословно подчиняются императору.

Проносясь в своей карете мимо войск, Наполеон слышал приветственные крики. Он видел в рядах старых боевых ветеранов, любивших своего полководца и веривших в него. Они помогли Наполеону увлечь и значительную часть молодых солдат, которых опьяняла близость легкой победы, славы, наград, почестей.

Вот что писал молодой французский солдат своему отцу:

«…Мы вступим сначала в Россию, где мы должны посражаться немного, чтобы открыть себе проход дальше. Император должен прибыть в Россию, чтобы объявить войну их ничтожному императору. О, мы скоро расколотим их в пух и в прах! Ах, отец, идут удивительные приготовления к войне. Старые солдаты говорят, что они никогда не видали ничего подобного. Это правда, ибо собирают огромные силы. Мы не знаем только, против одной ли России это. Один говорит, что это для похода в Индию, другой – что для похода в Египет, не знаешь, кому и верить. Мне все равно. Я хотел бы, чтобы мы дошли до самого конца света».

Наполеон прибыл в Дрезден.

Если он сам и некоторые из его сподвижников сознавали всю трудность затеянной войны с Россией, то обстановка в Дрездене, люди, окружавшие Наполеона в те дни, сделали все, чтобы

подчеркнуть его неограниченную власть над Европой, его сверхчеловеческую силу, его «неземной» гений, для которого нет ничего недоступного.

Австрийский император и прусский король, министры и дипломаты, герцоги и князья, их дочери и жены – все они буквально пресмыкались перед ним, вознося его до степени божества.

Покинув Дрезден, Наполеон направился к берегам Немана, где начиналась необъятная страна, заселенная великим русским народом.

24 июня 1812 года с границы без объявления войны, говоря все время о мире, Наполеон начал вторжение в Россию.

Европа в напряженном молчании ожидала развязки событий.

ГЛАВА II

В том, что русская армия будет разбита в первом же пограничном сражении, никто в Европе не сомневался. И не только потому, что всемогущим казался Наполеон, но и потому, что Александр I плохо подготовил Россию к войне 1812 года. Континентальная блокада сократила экспорт России и пагубно отражалась на ее экономике. Непрерывные войны требовали все новых расходов и расстроили финансы России. Разрыв с Англией после Тильзитского мира бил по интересам дворянства, вызвал его недовольство, и в столичных салонах открыто и резко осуждали политику царя. Оказалась недовольной и буржуазия. Начавшееся развитие русской промышленности тормозилось крепостным правом. Крестьянство изнемогало от рекрутчины, от податей и налогов. Обещанные Александром I при вступлении на престол реформы осуществлены не были, и крестьянство глухо роптало.

Дипломатические успехи, достигнутые перед войной, облегчали положение России, но коренным образом соотношения сил в Европе не изменили. Русские дипломаты в своих планах рассчитывали на Пруссию, полагали, что воевать придется с Турцией и со Швецией – противниками более слабыми. Рассуждая же о возможности войны с Францией, они говорили, что «война с сильной державой рождает обыкновенно союз с другой». Но союзы, которые они заключали, не дали России желаемого результата. Победа Кутузова и заключенный им Бухарестский мир позволили перебросить часть войск с Дуная на Неман. Договор со Швецией освобождал войска с финляндского театра войны, союз с Англией принес финансовую помощь, а Испания оттянула часть сил Наполеона на себя. Все же вооруженной поддержки ждать было неоткуда.

Перед лицом Франции, за которой шла почти вся Европа, Россия в войне 1812 года оказалась одна.

Против полумиллионной армии Наполеона на западных границах России было только около 200 тысяч солдат.

Комплектование русской армии происходило по системе рекрутских наборов. В начале царствования Александра I были попытки установить норму – один рекрут с пятисот душ населения при одном наборе в год. Однако войны потребовали 18 рекрутов с пятисот душ населения, и производился не один, а несколько наборов в год. У русского народа рекрутчина была одной из самых мрачных страниц его истории. Но в 1812 году картина изменилась. Русский народ готов был на новые жертвы

для защиты родины от иноземного вторжения, и сила страны заключалась прежде всего в людских резервах.

Александр несколько раз задумывал создать милицию, люди которой «доколе не будут двинуты с места, должны оставаться в своих селениях и, пребывая в крестьянском их быту, исправлять все те повинности, коими они обязаны по земскому и волостному их управлению…». Предполагалось, что в милиции будет 600 тысяч человек.

Но если оставались на бумаге другие, более невинные реформы Александра, то идея милиции была тем более мертворожденной. Вооружения народа дворянство и сам царь боялись больше, чем иноземного вторжения. Один из противников милиции откровенно писал:

«Милиция опасна возможностью появления среди нее такой головы, которая, видя себя вне зависимости от регулярного войска, постарается дойти до полной независимости. История дает факт, что безграмотный донской казак собрал себе сообщников, возмутил народ и потрясал государство…»

Даже ополчение, которое Александр оказался вынужденным призвать, когда Наполеон находился уже в центре России, он разоружил сразу же после изгнания Наполеона и создал военные поселения, где жизнь была настоящим кошмаром.

Но и эти 200 тысяч русских воинов были достойными противниками войскам Наполеона. На берегах Немана стояли полки и дивизии, штурмовавшие Измаил и крепости Италии, побывавшие на вершинах Альп и в болотах Польши, на берегах Дуная и Финского залива. Тут были ветераны сражений Суворова, герои кутузовских походов, дважды встречавшиеся с французами и не уступавшие им храбростью в бою. Русские оружейные заводы, учрежденные еще Петром I, научились изготовлять хорошие пушки и ружья, часть вооружения поставляла Англия, и к 1812 году русская армия была вооружена не хуже французской.

На основе опыта войн улучшилась и организация войск. Роты, батальоны, полки, батареи, эскадроны были организованы соответственно боевым требованиям, а дивизия, оснащенная артиллерией, стала сильной и удобоуправляемой. Пехота, артиллерия и кавалерия научились взаимодействию в бою. Возрождалась суворовская тактика, обогащенная опытом войн с Наполеоном.

Напуганный Аустерлицем, Александр I присмирел и дал волю передовым русским генералам руководить боевой подготовкой армии. Сам же он в Петербурге разыгрывал маневры по отражению десанта на Васильевские острова, командовал «обороной» Петербурга, а брат его Константин лихо сбрасывал

«вражеский десант» в залив и приказывал адъютанту донести императору, что «противник едва успевает достигнуть своих лодок – совершенная победа с нашей стороны и с нею поздравьте государя…».

В столь мирном занятии царю помогали гатчинцы, не показывавшиеся, однако, в настоящих боях. И когда через пятьдесят лет в гатчинской церкви решили отпевать героев, погибших в боях за Россию, гатчинцев среди них оказался лишь один, а участников, достойных занесения на мраморную доску, – двое.

Где им, трусам, вооруженным палками для наказания солдат, вести воинов в бой, если в 1812 году инструкция офицерам требовала: «Когда фронтом идут на штыки, то ротному командиру должно также идти впереди своей роты с оружием в руках и быть в полной надежде, что подчиненные, одушевленные таким примером, никогда не допустят его одного ворваться во фронт неприятельский…»

Инструкция указывала, что «офицер может заслужить почетнейшее для военного человека название – друг солдата. Чем больше офицер в спокойное время был справедлив и ласков, тем больше в войне подчиненные будут стараться оправдать сии поступки и в глазах его один перед другим отличиться».

Но эта же инструкция требовала, чтобы солдат был прогнан сквозь строй, если он в бою сеет панику, кричит «нас отрезали», а офицер за это же изгонялся из полка. Войскам объясняли, что храбрый не может быть отрезан и, где бы враг ни оказался, «нужно к нему повернуться грудью, идти на него и разбить». Войска закалялись, и от них требовали «к духу смелости и отваге непременно присоединить ту твердость в продолжительных опасностях и непоколебимость, которая есть печать человека, рожденного для войны… Сия-то твердость, сие-то упорство всюду заслужат и приобретут победу».

«Подтвердите во всех ротах, – писал накануне Бородина начальник артиллерии Кутайсов, – чтобы они с позиции не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушки. Сказать командирам и всем господам офицерам, что, только отважно держась на самом близком картечном выстреле, можно достигнуть того, чтобы неприятелю не уступить ни шагу нашей позиции.

Артиллерия должна жертвовать собой. Пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор… Если бы за всем этим батарея и была взята, хотя можно почти поручиться в противном, то она уже вполне искупила потерю орудий…»

Эти замечательные документы, созданные подлинными патриотами – суворовскими учениками, отражали суворовские традиции, и в войну 1812 года войска твердо следовали им в боях.

Война 1812 года призвала в строй множество отличных офицеров. Среди них были вернувшиеся из отставки суворовцы, появилась и молодежь. Два кадетских корпуса, одним из которых руководил Кутузов, выпустили таких образованных офицеров, как Толь, ближайший помощник Кутузова в 1812 году, Хатов, переводивший лучшие военные произведения Жомини.

«Желал бы я, – писал Барклай-де-Толли, – чтобы государь не пожалел издержек на приведение генерального штаба в более цветущее состояние и для пополнения его способными людьми. Можно найти их в нашей армии в достаточном числе, стоит только дать себе труд поискать их: истинное достоинство не навязывается…»

И хотя не сразу и не по воле государя, но в ходе войны под руководством таких полководцев, как Кутузов, Барклай-де-Толли, Багратион, выросли замечательные штабные офицеры.

Передовая дворянская молодежь стремилась к культуре и увлекалась военной наукой. Она посещала «Вольное российское общество, пекущееся о распространении наук» и «Общество друзей словесных наук», она слушала в Академии наук лекции по минералогии, химии, физике, металлургии.

В 1810 году студент Московского университета М. Н. Муравьев создал со своими товарищами «Общество математиков», президентом которого был избран отец М. Н. Муравьева – отставной боевой офицер Н. Н. Муравьев.

В уставе этого общества было сказано: «Но как из прикладных частей математики вообще самые полезные суть механика и военное искусство, то наипаче на них общество обратило свое внимание и устремило все труды к приготовлению молодых людей, особенно в военную службу…»

Любовь к родине, рост культуры привели передовую молодежь к необходимости овладения военным искусством, к службе в русской армии.

Из этого общества вышли отличные колонновожатые, топографы, офицеры квартирмейстерской части и боевые командиры, отличившиеся в Отечественной войне 1812 года. Многие из них стали впоследствии декабристами.

Пока еще они вынуждены были прятать истинные свои симпатии, и зять Кутузова – Хитрово – умолял своего друга не рассказывать в гвардейском полку, что он любит читать стихи. Хитрово не хотел, чтобы знали об этом, потому что товарищи в

полку его считали гулякой и пьяницей и перестали бы уважать за любовь к литературе, которую так любит его жена – дочь Кутузова, дружившая впоследствии с Пушкиным. Пока еще и Кутайсов читал в палатке стихи только немногим близким друзьям. Но поход за границу усилит тягу к культуре, война укрепит их любовь к родине, я эта любовь, давшая силу боевым подвигам в 1812 году, приведет к декабрьскому восстанию 1825 года, и участник его, типичный представитель передовой молодежи того времени, прошедший через войны 1806–1812 годов, декабрист Сергей Волконский напишет в своих воспоминаниях:

«Зародыш сознания обязанностей гражданина сильно уж начал выказываться в моих мыслях и чувствах, причины чего были народные события 1814–1815 годов, которых я был свидетелем, вселившие в меня вместо слепого повиновения и отсутствия всякой самостоятельности мысль, что гражданину свойственны обязанности отечественные, идущие по крайней мере наряду с верноподданническими».

Вот эта молодежь и вела в бой роты, эскадроны, батареи. Руководили ею в сражениях старые замечательные суворовцы.

Русская армия насчитывала немало замечательных корпусных дивизионных командиров.

Был Дохтуров, скромный, отзывчивый генерал, сумевший вывести из окружения остатки русских войск под Аустерлицем. Русская армия знала его слова: «Я никогда не был придворным, не искал милостей в главных квартирах и у царедворцев – я дорожу любовью войск, которые для меня бесценны». Армия платила ему за это горячей любовью и уважением.

Был Ермолов, преследуемый в прошлом Павлом, сидевший в Петропавловской крепости, затем сосланный в Костромскую губернию «на вечное пребывание». В сражении под Прейсиш-Эйлау он увенчал свое имя боевой славой.

Был Раевский, который в кампании 1806 года, раненный в ногу, в течение семи дней, без отдыха, без продовольствия, без подкреплений, не покидал поля сражения; Коновницын, командовавший арьергардом при отходе к Бородину. Назначенный впоследствии воспитателем к будущему царю Николаю I, он написал ему:

«В нужных и необходимых случаях, буде бы отечество потребовало, заплатите собою, прославьте себя, принесите отечеству Вашему услугу, хотя бы то стоило самой жизни». Но Николай Палкин не воспользовался его советами, а сыновья Коновницына примкнули к декабристам и по воле Николая I погибли в ссылке.

Корпусами и дивизиями командовали дельные, храбрые командиры – Неверовский, Лихачев, Монахтин и многие другие. Войсками России, сосредоточенными на западных границах, руководили лучшие главнокомандующие – Барклай-де-Толли и Багратион.

Стройный и гибкий, с характерным лицом грузина, спокойный, мужественный, приветливый с подчиненными и любимый солдатами – таков был главнокомандующий 2-й русской армии Петр Иванович Багратион.

Под стенами Очакова (1788) и на подступах к Варшаве (1794), на полях Италии и вершинах Альп (1799), в Австрии (1805) и опять в Польше (1806–1807), в Финляндия (1808–1809) и на Дунае (1809), против поляков, турок, шведов и французов дрался Багратион под руководством Суворова и Кутузова. Он всегда первым вступал в сражение и последним покидал поле боя. Командовал авангардом, когда русские войска шли в наступление, и командовал арьергардом, когда они вынуждены были отступать; находился неизменно там, где был кризис боя, где решалась участь сражения. Тридцать лет из сорока семи лет своей жизни провел он в рядах русской армии и участвовал во всех войнах, которые вела Россия с 1788 по 1812 год.

Барклай-де-Толли, командовавший 1-й армией, шотландец по происхождению, сын бедного поручика, с детства начал службу в русской армии и двадцать лет провел в походах и войнах. Это не наемник из иностранцев вроде Беннигсена и ему подобных, стремившихся в России сколотить состояние. Барклай-де-Толли отдал России всю свою жизнь, дрался под Очаковом, Бендерами, Аккерманом, в Польше; командуя полком, совершил поход в Австрию. Его мужество и непоколебимость в бою останавливали натиск французских маршалов в войне 1806–1807 годов, и только серьезная рана, полученная у Прейсиш-Эйлау, вынудила его покинуть на время строй. В 1809 году он снова участвовал в операциях против шведов в Финляндии и совершил беспримерный переход по льду Ботнического залива к берегам Швеции.

«Победа и слава храброму войску должны быть покорны», – писал Барклай в приказе своему корпусу перед походом в Швецию, и поход этот оказался «по трудности только русскому человеку под силу», донес он в Петербург. Но главная заслуга Барклая перед русской армией заключалась в плодотворной работе по организации армии накануне 1812 года, когда он был назначен военным министром России. Он создал «Учреждение о большой действующей армии», сыгравшее громадную организующую роль в управлении войсками. «Непритязательный,

настойчивый, решительный и полный здравого смысла» – так характеризовали Барклая-де-Толли.

Командиры русской армии нисколько не уступали по своим боевым качествам командирам армии Наполеона.

Теперь, когда война велась уже не на полях Австрии и не на Дунае, где все могло окончиться дипломатическим торгом, теперь, когда решался вопрос о судьбе России как самостоятельного государства и вся армия, охваченная патриотическими чувствами, была готова на великие подвиги, как никогда, было необходимо четкое, разумное общее руководство войсками. Но прибывший в Вильно император Александр I отдал приказ, что он «будет при армии».

Согласно «Учреждению о большой действующей армии», которое, по представлению Барклая, царь утвердил в 1811 году, прибытие его на театр войны снимало ответственность с Барклая. Царь сам становился у руководства вооруженными силами. Однако хитроумный приказ, гласивший, что «царь будет при армии», можно было толковать как угодно, и Александр, словесно подтвердив Барклаю, что тот остается главнокомандующим, фактически командовать стал сам. Начало преступной путанице было положено. Корпусами 1-й и 2-й армий стали одновременно командовать и Барклай, и через голову главнокомандующего Александр I, и окружавшая его свита генералов.

Александр отверг план войны, предложенный Багратионом. В начале 1812 года Багратион писал царю, что «опасность с каждым днем увеличивается, война неизбежна, необходимо оградить себя от внезапного нападения, выиграть время, по крайней мере шесть недель, дабы сделать первые удары и вести войну не оборонительную, а наступательную».

Для этого Багратион предлагал послать Наполеону, разослать правительствам всех европейских стран и обнародовать в России ноту, в которой сообщить, что России известны интриги Наполеона в Турции, сосредоточение французской армии в Германии, занятие ею Данцига и усиление гарнизонов в Силезии и Померании; что со времени получения ноты река Одер станет демаркационной линией и переход ее хотя бы одним батальоном войск Наполеона будет означать войну.

Поскольку, продолжал Багратион, Наполеон либо примет ноту за объявление войны, либо будет медлить с ответом и усиливать свои войска, надо самим начать операции. Для этого следует довести Белостокский корпус до 100 тысяч солдат и усилить артиллерией, сосредоточить корпус (не менее пяти дивизий) с полевой и сильнейшей осадной артиллерией на границе с Пруссией. Во второй линии расположить

пятидесятитысячный корпус для удара в любом направлении. Эти войска обеспечить магазинами с годовым запасом на 250 тысяч человек и подвижным месячным запасом на 150 тысяч человек и подвозом снабжения по Балтийскому морю.

В мае двинуться всей стотысячной армией к Праге, и поскольку от границы до Варшавы 12 миль, в два дня, поражая все на пути, занять Прагу и Варшаву. Первые сильные удары принесут успех, ободрят армию и приведут в страх неприятеля. Театр военных действий будет удален от границ России, и позиция на Висле даст ряд преимуществ.

В тот же день корпусу, расположенному на границе Восточной Пруссии, перейти Вислу у Граудента и, не обращая внимания на нейтралитет Пруссии, вместе с флотом осадить Данциг. Запасный пятидесятитысячный корпус подтянуть в Польшу. Дальнейшие действия зависят от обстановки, но и они должны быть наступательными.

Предлагая план, Багратион рассчитывал на мир с Англией. Он предвидел, что возможны неурядицы в странах Европы, завоеванных Наполеоном. «Мысль сия, – писал Багратион, – получает еще больше вероятия, если принять во уважение, что ни один из побежденных народов не признает себя счастливым, а, напротив, с трепетом ожидает ежедневно усугубления зла».

Правильно полагая, что «война сия с обеих сторон производима будет с самым большим напряжением и неизбежны большие потери», Багратион настаивал на новом большом наборе рекрутов. Рекруты должны быть обучены и вооружены. Все это требовало огромных расходов, и Багратион советовал ввести «чрезвычайную контрибуцию по всей России».

Итак, мобилизация всех сил и переход в решительное наступление для защиты страны – вот чего требовал Багратион, потому что, как он писал впоследствии, «если враг приблизится, всем народом на него навалиться – или победить, или у стен отечества лечь… Надо драться, пока Россия может и пока люди на ногах, ибо война теперь не обыкновенная, а национальная».

Выполнение плана Багратиона сорвало бы стратегическое развертывание французской армии, отнимало ее плацдарм в Польше, разрушало базу в Данциге. План Багратиона лишал Наполеона выгод внезапности и предполагал нанесение удара тогда, когда силы Наполеона еще не были сосредоточены для вторжения. План Багратиона приводил к лишению французов поддержки Австрии и Польши и сбрасывал со счетов 70 тысяч австрийских и польских солдат, вошедших в наполеоновскую армию. Это, несомненно, повлияло бы и на политику колебавшейся Пруссии, представитель которой Шарнгорст тайно

приезжал в Петербург за помощью. Наступательный план Багратиона опирался на силы России, на боевой опыт русских войск, показавших под Прейсиш-Эйлау, что они успешно могут бороться с французской армией.

План Багратиона показывает, что в 1812 году в России были возможности для ведения войны наступательной, а не оборонительной, на что обрек ее Александр I.

Тот план войны, который осуществляли Александр и его бездарная свита, обрекал и 1-ю и 2-ю армии на разгром поодиночке, и о нем правильно сказали, что это «план сумасшедшего или изменника…».

Автором этого плана являлся советник Александра I – прусский генерал барон Карл Людвиг Август фон Пфуль. По оценке его соотечественника Карла Клаузевица, Пфуль давно уже вел настолько замкнутую умственную жизнь, что решительно ничего не знал о мире повседневных явлений. Юлий Цезарь и Фридрих II были его любимыми авторами и героями. Он почти исключительно был занят бесплодными мудрствованиями над их военным искусством, не оплодотворенным хотя бы в малейшей степени духом исторического исследования. Явления новейших войн коснулись его лишь поверхностно.

Когда Франция нанесла первые удары Пруссии, Пфуль, по свидетельству того же Клаузевица, заявил: «Я уже ни о чем не забочусь; ведь все равно все идет к черту». В 1806 году, во время бегства из Пруссии после ее поражения, он насмешливо заявил, снимая шляпу: «Прощай, прусская монархия». А в ноябре 1812 года, когда началось уже бегство французов из России, Пфуль заявил тому же Клаузевицу, что у русских «ничего путного не выйдет…».

Вот этого генерала, присланного в 1806 году в Петербург с каким-то поручением, Александр I, очаровавшись им, буквально выпросил у прусского короля и, взяв на русскую службу, стал учиться у него военному искусству.

Шесть лет Пфуль пробыл в России, обучая царя, и за эти годы не сумел даже изучить русского языка, хотя приставленный к нему денщиком неграмотный украинец Федор Владыко научился разговаривать по-немецки и не раз помогал своему хозяину объясняться с русскими.

Карл Клаузевиц, вступивший в ряды русской армии, краснея за своего земляка, писал: «Если бы Александр обладал большим знанием людей, он, конечно, не проникся бы доверием к способностям человека, который так рано покидает побежденную сторону» и при этом насмехается над поражением прусской армии. Но Клаузевиц не понял, что дело не в знании людей, что

Александру Пфуль оказался более близок, чем сам Клаузевиц – носитель передовых идей в военном искусстве, что император России верит Пфулю больше, чем русским суворовским генералам.

По плану Пфуля русские войска были разделены на две армии – 1-я армия – Барклая-де-Толли, – она была растянута почти на 200 километров в районе Вильно, и 2-я – Багратиона – она растянулась на 100 километров в районе Волковыска. 1-я армия под давлением сил Наполеона должна была отходить к укрепленному лагерю на реке Дриссе, а 2-я – атаковать французов во фланг и тыл.[6] Пфуль не учел, что Наполеон, имея 500 тысяч солдат, мог сосредоточить превосходящие силы и против 1-й и против 2-й армий одновременно и, пользуясь их разобщенностью, разгромить их.

Александр I и Пфуль были главными, но не единственными виновниками хаоса и неразберихи. Как и под Аустерлицем, царя окружала толпа стяжателей и титулованных бездельников. Лев Толстой в этой толпе насчитал девять групп людей, которые строили планы войны, советовали наступать, отходить, обороняться на месте, но прежде всего строили планы личной наживы, разбалтывали военные тайны. Вокруг них сновали французские шпионы, доносившие Наполеону о движении русских войск.

Сколь деятельно готовил Наполеон вторжение, столь же деятельно русский император готовил смотры и парады, лично репетировал ход церковного богослужения, бывал на балах.

В ночь на 24 июня в честь царя давал бал барон Беннигсен. Он в этой войне был еще без должности и хотел ее получить, а предвидя, что русская армия должна будет отступать, он торопился продать Александру свое имение под Вильно, пока его еще не заняли французы. На балу сделка состоялась. Александр уплатил 12 тысяч рублей золотом. Веселье было в полном разгаре, когда в зале появился гонец с грозной вестью о том, что армия Наполеона перешла границу и вторглась в Россию.

Царь со своим штабом уехал в Свенцяны. Барклай начал отход к дрисскому укрепленному лагерю.

Теперь Барклай и царь руководили войсками не только из двух штабов, но и из двух отдаленных друг от друга пунктов. Пагубность этого больше всего сказалась на положении Багратиона.

Используя ошибки плана Пфуля и неразбериху, созданную «руководством» царя, Наполеон главными силами занял Вильно, оказался на фланге расположения 2-й армии, двинул корпус Богарнэ в разрыв между 1-й и 2-й армиями, а против Багратиона –

корпус маршала Даву и войска своего брата Иеронима.

Багратион несколько дней вообще не получал приказов и не знал о положении 1-й армии. Затем он получил приказ быть готовым поддержать Платова, атакующего согласно плану войны войска Наполеона, наступающие против 1-й армии. Через два дня он получил новый приказ – отходить на соединение с 1-й армией. С первых же дней войны Багратион был дезориентирован. Он имел возможность соединиться с 1-й армией, двигаясь через Минск, но директива царя об этом не только опоздала и дезориентировала главнокомандующего 2-й армии, но и предписывала ему двигаться на соединение с 1-й армией через Вилейку, то есть совершать облическое движение перед фронтом наступающих корпусов французской армии. 17 июня (ст. ст.) Багратион, отослав больных и обозы в Бобруйск, начал марш через Слоним, Новогрудок на Вилейки и, пройдя без дневок 150 километров, 22 июня переправился через Неман. Но уже сказались результаты опоздания директивы Александра I. Когда 2-я армия переправилась через Неман, Багратион узнал, что в тылу, у Слонима, появились авангарды Иеронима, слева подходил корпус Богарнэ, а маршал Даву уже занял Воложин, преграждая путь на Вилейки. 23 июня Багратион повернул армию, перешел Неман и двинулся на Минск, но и Минск уже занял маршал Даву. Багратион решил идти через Бобруйск, Могилев, и как раз в этот момент Александр I потребовал атаковать Даву в Минске. Но Багратион все же ушел к Бобруйску. Багратион раньше настаивал на решении бросить 2-ю армию по тылам Наполеона от Белостока к Варшаве, но теперь избегал боя, понимая лучше царя и его свиты, что ввязываться в бой под угрозой окружения значительно более многочисленным врагом нельзя. «Данное мне направление на Новогрудок, – мужественно возражал он в ответ на директиву царя, – не только отнимало у меня способы к соединению через Минск, но угрожало потерей всех обозов, лишением способов к продовольствию и совершенным пресеченьем даже сношений с 1-й армией».

Двигаясь форсированным маршем к Бобруйску, 2-я армия достигла Слуцка. Там стало известно, что войска Даву уже заняли Свислочь, расположенную в сорока километрах от Бобруйска, а Иероним атакует арьергард Платова. У Мира Платов заманил авангард Иеронима в засаду и нанес ему жестокое поражение. Багратион был готов атаковать Иеронима, отбросить его, затем обрушиться на Даву, но боялся, что Иероним уйдет, не приняв боя, и это еще больше отдалит 2-ю армию от 1-й, которая отходила от Вильно не на Минск, а на Свенцяны. Разрыв между обеими армиями достиг 300 километров.

1-я армия Барклая достигла дрисского лагеря. Царя, наконец, убедили, что лагерь, если армия останется в нем, станет ловушкой. Жестокая действительность опрокинула план Пфуля. Нового плана военных действий не было. Под натиском противника русские армии продолжали отходить, и результат «руководства» царя стал окончательно ясен. Надвигалась новая, еще более страшная, чем Аустерлиц, катастрофа. Брат царя Константин умолял Александра заключить мир, а наиболее умные из царских приближенных посоветовали ему «для спасения России» покинуть армию, что тот довольно быстро и выполнил.

Однако перед отъездом Александр не распорядился, кто же из командующих армиями – Барклай или Багратион – будет главнокомандующим, когда 1-я и 2-я армии соединятся.

Единственно разумное, что мог сделать Барклай, – это продолжать отход, ибо отход, как писал К. Маркс, стал уже вынужденной необходимостью.

Наполеон занимал один город за другим, война охватывала все новые губернии.

Одна из основ стратегии Наполеона заключалась в том, что его армия питалась за счет народа побежденной страны и потому, не привязанная к базам, могла свободно и быстро совершать маневры.

Покоряя страны, Наполеон немедленно накладывал контрибуции, и его главный интендант Дарю беспощадно взимал их с населения. «Враг как сноп, – говорили французы, – чем больше бьешь, тем больше выколачиваешь». В иных случаях, отняв все у населения, Наполеон прибегал к закупкам продовольствия в местности, не охваченной войной.

Но в России Наполеона ждало другое. Крестьянство увидело, что освобождения от крепостного права он не принес. Наполеон и не собирался освобождать русских крестьян.

Действуя в интересах крупной буржуазии, Наполеон стремился создать мировую монархию, и, «…после победы реакции внутри страны, контрреволюционная диктатура Наполеона превратила войны со стороны Франции из оборонительных в завоевательные».[7]

Наполеону нужно было порабощенное население побежденных стран. И Россия нужна была ему не как свободное, растущее государство с раскрепощенным населением, а как колония буржуазной Франции. Русское крестьянство поняло, что Наполеон, сохраняя ярмо помещика, несет еще иго иноземного поработителя, и крестьянство поднялось на борьбу. Крестьяне покидали свои деревни, поджигали все, что могло служить врагу. Каждое утро по 10–12 французских солдат от роты отправлялись

далеко в стороны от дороги в поисках хлеба, фуража. Редко кто из них возвращался живым – их убивали крестьяне, в лучшем же случае они приходили с пустыми руками.

Так повторялось изо дня в день. Французская армия стала испытывать лишения, падала духом. Но, все еще грозная, она достигла Смоленска.

Пророчество Наполеона о том, что армии Багратиона и Барклая никогда не встретятся, не сбылось. Оба генерала, проявив замечательное искусство вождения войск, встретились у Смоленска. Здесь разыгрался первый крупный бой, после которого русская армия отошла дальше, оставив позади невиданный костер – Смоленск горел.

Тот разлад, который оставил царь, не установив единого командования, усилился и привел к конфликту между Багратионом и Барклаем. Багратион был против дальнейшего отхода.

Барклай считал, что отход дальше необходим: он ослабляет Наполеона и усиливает русскую армию, и генералам, требовавшим прекращения отхода, он твердо отвечал: «Пусть каждый выполняет свой долг, а я выполняю свой», и отход продолжал.

Но отходить не хотели и русские солдаты. Они рвались в бой. И если раньше им объясняли необходимость отхода к Смоленску надобностью соединить обе армии, то теперь появилось новое объяснение, несправедливое и оскорбительное для Барклая, пагубное для всего дела. Его действия стали объяснять изменой, и первый, кто открыто пустил этот слух, был брат царя Константин.

«Что делать, друзья, – сказал он жителям Смоленска. – Мы не виноваты. Не допустили нас выручать вас. Не русская кровь течет в том, кто нами командует. А мы, и больно, но должны слушать его. У меня не менее вашего сердце надрывается».

Константин, помогавший брату своему Александру губить все достойное, русское в армии, совершил очередное против нее преступление, бросив незаслуженное обвинение Барклаю и посеяв тревожные слухи.

Дальше так не могло продолжаться. Русской армии, побеждавшей в Европе, вдвойне готовой к героизму в Отечественной войне на своей земле, за свою родину, нужен был полководец, который сумел бы найти правильный путь к победе, ибо на этот раз от победы зависела судьба России.

В это тревожное время Кутузов приехал из Горошек в Петербург и был избран начальником петербургского и московского ополчений. По ночам, запершись в кабинете, часами

просиживал он над картой театра войны, внимательно изучая движения войск. В одну из таких ночей ему доставили письмо императора.

«Михаил Илларионович! – писал Александр I Кутузову, назначая его главнокомандующим. – Известные военные достоинства ваши, любовь к отечеству и неоднократные опыты отличных подвигов приобретают вам истинное право на сию доверенность. Избирая вас для сего важного дела, я прошу всемогущего бога да благословит деяния ваши к славе российского оружия и да оправдаются тем счастливые надежды, которые отечество на вас возлагает.

Пребываю к вам благосклонный Александр».

Царь опять лгал. Он продолжал ненавидеть Кутузова и не доверять ему. В те же дни он писал своей сестре Екатерине:

«В Петербурге я увидел, что решительно все были за назначение главнокомандующим старика Кутузова: это было общее желание. Зная этого человека, я вначале противился его назначению, но когда Ростопчин письмом от 5 августа сообщил мне, что вся Москва желает, чтоб Кутузов командовал армией, находя, что Барклай и Багратион оба неспособны на это… мне оставалось только уступить единодушному желанию, и я назначил Кутузова. Я должен был остановить свой выбор на том, на кого указывал общий глас».

Назначение Кутузова главнокомандующим Александр обставил так, чтобы в случае неудачи умыть руки, он передоверил подбор главнокомандующего специальному комитету, который единодушно наметил Кутузова. Однако после этого решения Александр назначил начальником штаба Беннигсена, чтобы в нужный момент заменить им Кутузова.

– О эта «старая лисица севера»! – многозначительно сказал Наполеон, узнав о назначении Кутузова.

– Постараюсь доказать великому полководцу, что он прав, – скромно промолвил Кутузов, узнав о реплике Наполеона.

С искренней радостью провожаемый народом, полководец отправился к русским войскам, отходившим к Москве. В пути, изучая обстановку, он рассылал приказы, запросы, распоряжения, требуя сведений о новых формированиях, об ополчении, о противнике. С дороги направил он Милорадовича с резервными войсками навстречу отходящим частям, считая главной задачей «приращение армии».

30 августа под Царево-Займищем, скромно одетый, на небольшом донском иноходце, Кутузов появился перед войсками. Первое, что услышали от него солдаты одного из полков, которые, увидев главнокомандующего, начали суетиться,

чиститься, строиться, были слова:

– Не надо всего этого. Мне нужно посмотреть, здоровы ли вы, дети мои. Солдату в походе не до щегольства, ему нужно отдыхать после трудов и готовиться к победе…

Позиция у Царево-Займища не удовлетворила Кутузова, и он вынужден был пока отступить, чтобы найти удобную позицию, соединиться с подходившими войсками Милорадовича и ополчением и дать генеральное сражение.

Положение его как главнокомандующего было исключительно трудным. Армию он принял в состоянии отступления. Если Наполеон, располагавший неограниченной властью, имел в лице своих маршалов и штаба, возглавляемого Бертье, послушную, испытанную систему управления, то Кутузов с первых же часов пребывания в армии столкнулся с ненавидевшим его начальником штаба Беннигсеном, считавшим себя единственным полководцем, способным противостоять Наполеону. Беннигсен был уверен, что Кутузов несправедливо отнял у него должность главнокомандующего.

Десятки интриганов, доносчиков, мешавших ранее работать Барклаю, стали теперь клеветать, вредить Кутузову, который отлично знал, что, кроме Наполеона, у него есть враги в собственном штабе и что наиболее непримиримый его личный враг остался в Петербурге – сам император.

В одном Кутузов не сомневался, в одно он глубоко верил – в силу русского солдата, в силу русских командиров, прошедших с ним и Суворовым походы и войны. И если Беннигсен писал, что «французская армия кишит великими генералами, а у нас и посредственных нет», то Михаил Илларионович сообщает жене, что «нашел армию в полном духе, хороших генералов много… Я полон надежды… думаю исправить дела к чести России».

Быстро разобравшись в сложной обстановке, Кутузов организовал сильный арьергард под командованием спокойного и храброго генерала Коновницына и, продолжая отходить, стал готовиться к сражению. Дальнейший отход привел бы к утере того, чем Кутузов более всего дорожил, – к утере «духа чрезвычайного», которым жила русская армия, рвавшаяся в бой. Наконец у Бородина силы сторон почти сравнялись, отпала главная причина, вынуждавшая русских к отходу. Кутузов дал знаменитое Бородинское сражение, имевшее огромное политическое и стратегическое значение не только в ходе войны 1812 года, но и во всей истории русского народа.

ГЛАВА III

Поле, где разыгралось сражение, лежит близ села Бородино, в 110–112 километрах от Москвы, в 10–12 километрах западнее Можайска. Оно чуть всхолмлено в центре, местами изрезано небольшими оврагами, на дне которых протекают ручейки; пересекает его река Колоча, впадающая в Москву-реку. В центре поля – деревня Семеновская, правее, по сторонам новой Смоленской дороги, за рекой Колочей – село Бородино, рядом с ним – деревня Горки, а у старой Смоленской дороги, отделенная лесом и кустарником, приютилась деревушка Утица. На краю поля, к западу, деревня Шевардино. Ничем не приметное, обычное поле средней полосы России. Выбрали его штабные командиры, посланные Кутузовым, потому что оно перехватывало обе Смоленские дороги, ведущие к Москве, и прикрыто рекой Колочей. Открытая местность была доступна для действия масс конницы. И хотя поле, открытое для наблюдения со стороны противника, не имело в центре и на левом фланге серьезных естественных препятствий, усиливающих оборону, все же было решено, что лучшего поля не найти «в сих плоских местах».

Русская армия заняла позицию. Фронт ее протянулся от деревни Маслово у Москвы-реки через Бородино до деревни Шевардино, прикрываясь почти на всем протяжении рекой Колочей и опираясь правым флангом на Москву-реку, а левым – на выстроенный у Шевардина редут.

Позицию заняли неправильно. Фронт ее проходил не перпендикулярно направлению наступления Наполеона, а под углом – левый фланг у Шевардина выдался вперед и был обнажен. Противник мог обойти его по старой Смоленской дороге, и русская армия очутилась бы в мешке, образуемом Москвой-рекой и рекой Колочей.

Дальнейшее движение противника по старой Смоленской дороге выводило его к Можайску, где обе дорога сходились, и тем самым русским войскам мог быть отрезан путь к Москве и южным губерниям России.

Ответственность за столь опасное расположение войск лежит на выбиравших позицию начальнике штаба Беннигсене и генерал-квартирмейстере Толе, которому Кутузов всецело доверял.

Оценив обстановку, Багратион немедленно донес Кутузову, что левый фланг армии «в величайшей опасности».

Кутузов лично выехал на осмотр левого фланга и решил отвести его назад – на линию деревни Семеновская – Утица. Но для того чтобы прикрыть отход на новую позицию и выиграть

время для постройки на ней укреплений – флешей, Кутузов приказал удерживать Шевардинский редут, который теперь приобретал значение передового опорного пункта.

Натиск на Шевардинский редут начался 5 сентября. Весь день за редут шли жаркие бои, и только к ночи он был оставлен по личному приказанию Кутузова. 11 тысяч русских солдат сдерживали почти 35 тысяч французов. Русские потеряли в бою около 6 тысяч человек. Столько же примерно потерял и противник. Наполеон занял редут, уже не имевший большого тактического значения, ибо из-за дальности он не мог быть включен в систему обороны основной бородинской позиции, на которую отошли русские войска.

Но и Кутузову и Наполеону бои 5 сентября многое показали. Наполеону в этот день на требование привести русских пленных ответили, что русские в плен не сдаются, предпочитая умирать на месте. Генерал Коленкур добавил, что «их, оказывается, мало убить, а нужно и повалить». Наполеон заявил тогда Коленкуру: «Я повалю их своей артиллерией». Однако, как показали дальнейшие события, оказалось, что это не так-то легко сделать.

6 сентября боев не было, и оба полководца провели этот день в рекогносцировках, готовя армии к генеральному сражению.

Медленно проезжал Кутузов на своих широких дрожках по Бородинскому нолю, указывая окончательное расположение укреплений и войск. Укреплений было немного, строили их ополченцы, не имевшие опыта, а главное – без шанцевого инструмента, который генерал-губернатор Москвы Ростопчин, несмотря на все требования главнокомандующего, прислал лишь к концу Бородинского сражения. Но все же на правом фланге, у деревни Маслово, укрепления были вырыты, в центре соорудили Курганную батарею (Раевского), а на левом фланге, южнее деревни Семеновской, построили флеши, названные впоследствии «Багратионовы». Русская армия занимала позицию, фронт которой теперь протянулся от деревни Маслово вдоль реки Колочи до села Бородино, поворачивая далее на юг через Курганную батарею, Багратионовы флеши до деревни Утица. Позиция, прикрытая на правом фланге крутыми берегами реки Колочи, была труднодоступна для атаки французов, но на левом фланге, особенно в районе флешей, естественных препятствий не имела и была наиболее уязвима. На этой позиции и разыгралось сражение, причем главные атаки велись на фронте в 2,5–3 километра от Бородина до флешей. Позицию от деревни Маслово до Курганной батареи обороняли части 1-й армии под командованием Барклая, а от Курганной батареи до флешей – части 2-й армии.

Близ деревни Утица у старой Смоленской дороги Кутузов приказал «поставить скрытно» – в засаде корпус Тучкова и ополчение. В резерве оставались два пехотных корпуса и артиллерия. Всего русская армия насчитывала 120 тысяч солдат, из них 10 тысяч ополченцев, в бою не участвовавших, 7 тысяч казаков и 640 орудий.

Наполеон из полумиллионной армии привел под Бородино 135 тысяч солдат при 587 орудиях. Часть его сил осталась прикрывать длиннейшие коммуникации, действовала на петербургском направлении; много солдат он потерял в боях за Смоленск, дорого платил за каждую попытку атаковать русских при их отходе. Масса больных, отставших, дезертиров покинули ряды его армии, но все же под Бородино Наполеон привел лучшие свои части под командованием прославленных генералов и маршалов. И когда он сосредоточил свои войска для наступления, казалось, что полная победа предрешена.

Ни одно сражение, данное Наполеоном, не повторяет другого. Но типичные, характерные черты наполеоновской стратегии и тактики присущи всем его сражениям и особенно ярко сказались в замысле сражения под Бородином.

Наполеон в совершенстве владел оценкой местности, умело определял слабые и сильные пункты позиции, препятствия и выгоды, которые имеет местность. Блестящий артиллерист, он первый в истории войн стал применять массированный артиллерийский огонь, сосредоточивая на решающем направлении сотни орудий. На решающем направлении Наполеон неизменно сосредоточивал и подавляющий перевес живой силы.

Искусство Наполеона, направленное к сосредоточению решающих сил в решающем месте в решающий момент, было доведено до совершенства. Громадный опыт почти безошибочно подсказывал французскому полководцу, когда в ходе сражения необходимо ввести свой главный резерв, чтобы разгромить противника и затем беспощадным преследованием полностью уничтожить его или взять в плен. Излюбленными приемами Наполеона были: сковав противника с фронта, обойти его фланг и тыл или, прорвав фронт противника в тактическом центре, ввести в бой главный резерв. В обоих случаях это всегда приводило к молниеносному сокрушающему разгрому живой силы противника, захвату его орудий и обозов.

И вот здесь, на Бородинском поле, разведав позицию русских, Наполеон нашел ее слабое место. Оно было в центре левого крыла, на флешах у деревни Семеновской. Это было решающее место, против которого Наполеон сосредоточил решающие силы – 80 тысяч из 135 тысяч солдат и 400 орудий из 587. Здесь он

задумал прорвать фронт русской армии, обойдя ее главные силы, расположенные в центре и на правом фланге, прижать их к рекам Москве и Колоче и уничтожить. Одновременно с главной атакой на флеши Наполеон предполагал атаковать и правое крыло русских итальянским корпусом Богарнэ, а левый фланг обойти польским корпусом Понятовского.

В этих условиях, когда уже Шевардинский бой показал опасность, грозившую левому флангу, не говоря уже о том, что сама местность подсказывала необходимость его усиления, Кутузов оставил на левом фланге меньшую часть войск, а основную массу расположил на правом фланге, у новой Смоленской дороги, и сохранил за собой возможность для контрнаступления в любом направлении.

Многие историки считали такое решение Кутузова его смертным грехом. Беннигсен, оспаривая это решение, предлагал поставить всю армию от Горок до Утицы и убеждал впоследствии, что Бородино не стало второй Полтавой только потому, что главнокомандующий не принял его предложения. Даже доброжелатели писали, что Кутузов поступил неправильно, но в ходе сражения исправил ошибку, переведя свои силы о правого фланга на левый.

Однако прав был Кутузов, а не его критики.

4 сентября 1812 года Кутузов донес Александру I:

«Позиция, в которой я остановился при селе Бородине, в 12 верстах впереди Можайска, – одна из наилучших, какую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить посредством искусства.

Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, в таком случае имею большую надежду к победе, но ежели он, найдя мою позицию крепкою, маневрировать будет по дорогам, ведущим к Москве, тогда должен буду идти и стать позади Можайска, где все сии дороги сходятся».

Старый, опытный генерал отлично знал, что он делает, он видел значительно дальше многих окружавших его людей, не соглашавшихся с его глубоко правильным решением. Это становится совершенно очевидно, если внимательно посмотреть на поле Бородина с высоты командного пункта Кутузова, пройти по старой и новой Смоленским дорогам к Можайску, вчитаться в приказы Кутузова на сражение, проанализировать весь его путь и сущность его полководческого искусства, если оценивать Бородино в масштабе всей войны в целом.

Из двух дорог, проходящих через Бородинское поле, новая Смоленская, у правого фланга позиции, короче и лучше старой

Смоленской, прорезавшей левый фланг. И действительно, после Бородина русская армия, несмотря на ночь и расстройство войск в бою, смогла образцово отойти по новой Смоленской дороге, по четыре повозки в ряд. Новая Смоленская дорога была основным стратегическим направлением на Москву, и это направление прикрывал Кутузов, в то время как все остальные пункты позиции имели только тактическое значение.

Кроме того, Кутузов понимал стратегию и тактику Наполеона. Зная его как мастера молниеносного маневра, он предвидел, что, если русские расположатся от Горок до Утицы, а Наполеону удастся обойти любой из флангов на любой дороге, он их окружит и уничтожит, и писал, что пойдет на сражение, «если не буду обойден…». Располагая свои главные силы у широкой новой Смоленской дороги, готовясь к обороне, Кутузов сохранял за собой полную возможность перехода в контратаки. В то же время при попытке Наполеона обходить или при неудачном бое русская армия могла ответить контрманевром и «стать позади Можайска, где все сии дороги сходятся», и опять закрыть путь к Москве.

О том, насколько прав был русский полководец, видно из того, что Наполеон отказался обходить левый фланг, хотя опытный маршал Даву советовал это сделать. Оба полководца разгадали друг друга. В том и проявление могучего таланта Кутузова, что он действует своеобразно, неожиданно, необычно, но глубоко правильно.

Значит ли, что Кутузов, как считали некоторые историки, обрекал на разгром свой левый фланг, оставляя там меньше сил? С первого взгляда это кажется так, а по существу, угрожаемый пункт можно всегда оборонять непосредственно, что предлагал Беннигсен, но можно держать под защитой, так сгруппировав свои силы и резерв, чтобы в нужный момент не только отразить противника, но и нанести ему контрудар, что и сделал Кутузов.

Он не только сгруппировал свои главные силы к правому флангу, а резерв поставил за центром, но и на левом фланге у старой Смоленской дороги расположил сильный корпус Тучкова и ополчение, написав на карте: «Поставить скрытно». Капитан-инженеру Фелькнеру, который по его приказу рекогносцировал местность для засады, Кутузов объяснил: «Когда неприятель употребит в дело последние резервы свои на левый фланг Багратиона, то я пущу ему скрытые войска во фланг и тыл».

Замечательный замысел Кутузова не осуществился потому, что Беннигсен, без ведома Кутузова и не доложив ему об этом впоследствии, вывел Тучкова из засады, заставив принять фронтальный удар корпуса Понятовского.

Расположив таким образом войска, Кутузов мог смело написать в диспозиции на Бородинское сражение: «Армии, присоединив к себе все подкрепления, от Калуги и Москвы прибывшие, ожидают наступления неприятельского при селе Бородине, где и дадут ему сражение…» И далее, перечислив расположение и задачи частей, Кутузов разъясняет: «В сем боевом порядке намерен я привлечь на себя силы неприятельские и действовать сообразно его движениям. Не в состоянии будучи находиться во время действий на всех пунктах, полагаюсь на известную опытность гг. главнокомандующих армиями и потому предоставляю им делать соображения действий на поражение неприятеля… При счастливом отпоре неприятельских сил дам собственные повеленья на преследование его. При сем случае не излишним почитаю представить гг. главнокомандующим, что резервы должны быть сберегаемы сколь можно далее, ибо тот генерал, который сохранит еще резерв, не побежден… На случай неудачного дела… несколько дорог открыто, которые сообщены будут гг. главнокомандующим и по которым армии должны будут отступать. Сей последний пункт остается единственно для сведения гг. главнокомандующих.

На подлинном подписано: Генерал князь Кутузов.

Главная квартира – двор Татаринова.

Августа 24 дня 1812».

Итак, по идее диспозиции и донесения Кутузов решил дать оборонительное сражение. («Армии ожидают противника… намерен привлечь на себя силы неприятельские».) В этом сражении Кутузов хотел истощить силы Наполеона и сохранить свой резерв, ибо «генерал, сохранивший резерв, еще не побежден», а при удаче сам переходит в контрнаступление. Это решение типично для той эпохи, когда «излюбленным тактическим маневром был прорыв свежими войсками центра противника, как только из положения дел становилось ясно, что он ввел в бой свои последние резервы. Резервы… превратились в главное средство, с помощью которого решался исход боя».[8]

Эти резервы Кутузов не только берег – он их расположил, не руководствуясь предвзятым мнением Беннигсена, а сохранив полную свободу их использования «сообразно движениям» Наполеона: контрудар на флангах, возможный отход, решительная поддержка левого крыла, на которую они были употреблены. Этим решением Кутузов даже в условиях обороны сохранил за собой свободу действий и вынудил Наполеона на кровопролитную фронтальную атаку, парализовав его первоначальный замысел. Все это опиралось на уверенность в силах русских генералов и солдат. Кутузов объехал войска,

напомнил, что позади Москва и надо крепко стоять за русскую землю, обещал солдатам, что все будут введены в дело и будут сменяться в бою, как часовые. Он напомнил солдатам Суворова победы под его руководством, напомнил, что не было еще противника, который устоял бы против штыковой атаки русских солдат.

Наступила ночь перед битвой.

Во французском лагере царила глубокая тревога и неуверенность. Теплый солнечный день сменила дождливая осенняя ночь. Ожидание боя мешало уснуть, на сырой земле было холодно лежать, дров на костры не хватало, они горели тускло и не согревали. Накануне вся французская армия видела огромное поле Бородина, и все оно, насколько мог видеть глаз, было занято русскими войсками. Их стойкость все уже знали, и каждый понимал, что многим и многим не придется завтра вернуться к своим бивакам. В эту ночь под Можайском с особой силой они почувствовали, как далеки от них Берлин, Париж, Лиссабон, родные города и села. Тревога охватывала солдат французской армии.

В такой же тревоге был и их император. Наполеон не спал. Он жаждал сражения и боялся его. Он подсчитывал, сколько ему сил еще нужно, чтобы прийти победителем в Москву, понимал, как опасно ему терять войска в сражениях, когда конец войны еще далеко не ясен.

Вдруг ему начинал чудиться шум отступающей русской армии, он выбегал из палатки, долго прислушивался, вглядывался в огни русских биваков… Но там царила тишина, и Наполеон возвращался в палатку.

Наполеон знал, что солдаты его устали, завтра им предстоит нечеловеческое напряжение, спрашивал, накормлены ли они, приказывал выдать гвардии тройную порцию риса и сухарей. С затаенной тревогой Наполеон спрашивал своего адъютанта, верит ли он в завтрашнюю победу, и, услышав ответ: «Без сомнения, хотя победа будет дорого стоить», пускался в рассуждения о том, что такое война. Он даже напевал боевую песенку:

От севера до юга
Военная труба
Час битвы протрубила…

Затем, уронив голову на руки, ненадолго задумывался и, точно очнувшись, опять звал адъютанта, спрашивал, не ушел ли Кутузов, и, узнав, что русские солдаты стоят, говорил о том, что Кутузов стар и нерадив.

Измученный волнением и кашлем, Наполеон ненадолго забывался тревожным, болезненным сном.

В ту ночь не спал и Кутузов. В пустом, брошенном обитателями доме в деревне Татариново он терпеливо дожидался утра. Все распоряжения были отданы, он отпустил свой штаб отдыхать, но самому старику не спалось. Он медленно ходил по комнате, иногда садился к столу, на котором лежала карта, и дежурные слышали за дверью старческое кряхтенье, покашливание и отрывистые слова: «Так… Нет, не так…» Старый полководец строил свои предположения о возможных действиях Наполеона. Медленно текли напряженные часы ожидания. В штабе, в деревне, над всем огромным лагерем русской армии царила глубокая тишина. Вечером по лагерю еще разъезжали адъютанты Кутузова, проверявшие, как заняли войска свои позиции, затем и они исчезли. У бивачных огней почти никто не спал. В суровом спокойствии готовились русские люди к сражению. Десятки солдат, раненных под Шевардином, тайком покинули лазареты и вернулись в свои полки, чтобы участвовать в завтрашнем бою. У костров шли тихие беседы, люди дивились названиям рек и ручьев, пересекавших Бородинское поле, и, вдумываясь в названия: «Война», «Сгонец», «Огник», «Колоча», жалели, что седая старина утаила объяснения, как и с чем воевали, какие огни горели, о кем бились люди московской земли на этом же поле в незапамятные времена.

Солдаты вспоминали слова Михаила Илларионовича о том, что завтра придется стоять за русскую землю, и готовились стоять за нее крепко, не щадя своей жизни. Земляки уславливались передать последний наказ родным через тех, кто останется жив, родственники, находившиеся в разных полках, сходились и молчаливо прощались. Многие чистили оружие, чинили амуницию или задумчиво глядели в осеннее темное небо.

К утру стало еще тише. Смолк приглушенный говор, солдаты спали.

С рассветом французская армия была уже на ногах. Разрывая тишину полей, глухо рокотали барабаны, и под их мерную дробь полкам читали воззвание императора:

«Воины!

Вот сражение, которого вы столь желали. Победа зависит от вас. Она необходима для нас; она доставит нам все нужное, удобные квартиры и скорое возвращение в отечество. Действуйте так, как вы действовали при Аустерлице, Фридланде, Витебске, Смоленске. Пусть позднейшее потомство с гордостью вспомнит о ваших подвигах в сей день. Да скажут о каждом из нас: он был в великой битве под Москвой!»

Пятнадцать лет тому назад, став во главе французской армии, найдя ее голодной, полураздетой, Наполеон обещал солдатам: «Я поведу вас в самые плодородные страны…» И повел их в Италию, отдавая ее города на разграбление изголодавшимся людям.

В день Бородинского боя Наполеон воздействовал на те же чувства своих солдат. Ходом войны они были приведены в положение, когда победа им казалась такой же необходимой, какой ее считал Наполеон, говоривший: победите, и победа «доставит нам все нужное, удобные квартиры и скорое возвращение в отечество».

Наполеон поставил их перед необходимостью победы, обещал ее, они верили ему.

В эти минуты они уже не думали о том, что многим и многим не суждено «скорое возвращение в отечество» и не придется рассказывать родным и близким о своих подвигах «в великой битве под Москвой». Они готовились к беспощадной, звериной борьбе за обещанные заманчивые блага. И никогда его слова так не западали в душу каждому солдату, так не ободряли, как после этой изнурительной, тревожной ночи в холодное, туманное сентябрьское утро. Далеко за лесом вставало солнце.

Наполеону донесли, что русские не ушли, что они по-прежнему стоят на позиции.

– Наконец они попались. Идем открывать ворота Москвы! – воскликнул Наполеон. Он быстро вышел из палатки, помчался на командный пункт у Шевардинского кургана. Здесь он вызвал к себе одного из лучших генералов – командира дивизии Компана и в знак особой милости приказал ему первым атаковать русских.

Наполеон любил эти минуты, когда по его приказу: «Пойдите и принесите мне победу» с криком «Да здравствует император!» войска устремлялись в атаку.

В предрассветную тишину, царившую в деревне Татариново, ворвался первый гулкий пушечный выстрел. Кутузов спокойно вышел из штаба, сел на свою небольшую гнедую лошадку и без свиты, с казаком, который вез его скамейку, медленно поехал на командный пункт у деревни Горки. В утренней мгле гасли костры, двигались люди. Главнокомандующий остановился на высоте у Горок и, склонившись к луке седла, с усилием перенес ногу через круп коня и тяжело опустился на скамейку, быстро подставленную казаком.

Вниз к Бородину, исчезая в тумане, убегала широкая светлая лента Смоленской дороги. Над рекой Колочей клубился туман. Медленно поднимаясь, он открывал поле с разноцветными пятнами войск, холмы, лесистые берега реки, избы и церковь

Бородина. Оттуда доносилась частая, лихорадочная стрельба и шум атаки.

Это была первая атака Бородинской битвы.

В тумане, прикрывшем подступы к селу Бородину, тихо подошли войска Евгения Богарнэ и, отвлекая внимание от дивизии Компана, внезапно кинулись в бой. Егеря, охранявшие село, упорно отбивались, но Богарнэ, наступая вдоль Смоленской дороги с запада, перевел часть солдат через реку Войну и одновременно атаковал с севера.

Бородино в позицию не входило, служило лишь передовым пунктом, не имевшим даже орудий. Удар был внезапным. Солдаты Богарнэ ворвались в село, полк русских егерей потерял половину солдат и начал отходить за реку Колочу. Мост через реку зажечь не успели, и противник перешел Колочу, врываясь все дальше в глубину оборонительной позиции русской армии.

Барклай-де-Толли бросил в атаку свежие егерские полки. Они прижали ворвавшегося противника к реке, большую часть истребили. Командир полка генерал Плозонн был убит, а остатки полка были выброшены за реку. Им на выручку подоспели новые французские полки, бой завязался за мост через реку Колочу, но матросы команды мичмана Лермонтова, действовавшие в качестве саперов, под огнем потеряв половину своих товарищей, зажгли мост.

Им и егерям, оборонявшим Бородино, первыми принявшим на себя удар французской армии у большой Смоленской дороги, где был мост, стоит скромный памятник. На нем написано: «В лейб-гвардии егерском полку солдат убито 693, матросов 11».

Рубеж реки Колочи на своем участке они удержали, но Бородино осталось у французов, на его высотах стала французская артиллерия.

Бои разгорелись на всей позиции русской армии, достигая небывалого ожесточения на левом фланге. На командный пункт Кутузова стали прибывать адъютанты. Тучков доносил об атаке левого фланга у деревни Утица корпусом Понятовского, Багратион сообщал об общей атаке французов на Семеновские флеши. Кутузов спокойно и внимательно выслушивал адъютантов. Временами окружавшие его видели, как он, вытягивая шею, наклоняет голову к земле, точно вслушиваясь в грохот сражения, стараясь уловить особые, ему нужные звуки, стараясь определить, куда перемещаются эти звуки, где они нарастают.

Он знал, что в первые минуты сражений часто решается их исход, наступающий много часов позднее. После тревожных ночных часов ожидания боя с еще большим внутренним

напряжением ждет каждый полководец, когда прозвучат первые выстрелы, развернутся первые атаки. Он стремится ответить на важнейший для себя вопрос: правильно ли он в долгие ночные часы перед боем разгадал план противника? По десяткам самых порой противоречивых, ничтожных фактов уясняет он себе решающее в плане противника – где он наносит главный удар?

Донесения все прибывали. С каждой минутой картина боя становилась яснее.

Вначале обозначалась угроза правому крылу в районе Бородина, но здесь находились главные силы русской армии, расположена была центральная батарея, недалеко – главный резерв, а за правый фланг Кутузов был спокоен. Наступление Понятовского против левого фланга у деревни Утица было опасно, и хотя там стоял в засаде корпус Тучкова и большая часть ополчения, но оттуда Кутузов с наибольшим нетерпением ждал сведений.

Сообщения Багратиона с левого фланга спокойны. Но все чаще и чаще раздается стрельба у деревни Семеновской, орудийные выстрелы слились в непрерывный грозный гул. Силы, брошенные Наполеоном на флеши, велики, и с каждым часом они прибывали.

Все яснее становился замысел Наполеона, обозначался его главный удар – он решил прорвать центр левого крыла русской армии, обойти ее главные силы, прижать к реке и уничтожить.

И каждый адъютант, привозивший с Семеновских флешей все новые и новые вести, то грозные, тревожные, то радостные и бодрые, подтверждал, что там, на флешах, решается в эти часы участь сражения.

Французская дивизия Компана под прикрытием леса подошла к флешам и стала выстраиваться к атаке. Но русские артиллеристы открыли ураганный огонь. Компан был ранен, его дивизия хлынула обратно в лес. Тогда впереди головной бригады своего корпуса стал маршал Даву и сам повел его в атаку. Французы смяли гренадерскую дивизию и ворвались на флеши. Но уже устремились в контратаку брошенные Багратионом батальоны 27-й пехотной дивизии и выбили французов из флешей. Французские генералы Тест и Десе были тяжело ранены, под Даву убита лошадь, сам он контужен, его войска бежали. Их преследовали ахтырские и новороссийские гусары и драгунский полк. Русские гусары и драгуны гнали французов, пока не налетели под удар кавалерийских бригад противника и вынуждены были отступить.

Наполеону донесли об отбитых атаках, о ранении генералов и контузии Даву, которого он считал лучшим своим маршалом.

Пораженный, он несколько минут не произнес ни слова. Затем приказал Мюрату стать вместо Даву и снова вести его корпус на флеши. Ему на поддержку он выдвинул 3-й корпус маршала Нея, а вскоре и 8-й корпус Жюно. Позади трех пехотных корпусов Наполеон выстроил три кавалерийских корпуса – Нансути, у Монбрюна и Латур-Мобура. Против километровой полосы он сосредоточивал все новые и новые войска, удвоил артиллерию, подготавливал тот страшный удар, который должен был протаранить левое крыло русской армии и положить начало ее разгрому.

Багратион видел, как у высот Шевардина сгущается эта грозная масса войск и опасность становится все более явной и близкой. На помощь сводной гренадерской дивизии Воронцова, оборонявшей флеши, Багратион вызвал 27-ю дивизию Неверовского, приказал Тучкову передать ему 3-ю дивизию Коновницына, выдвинув всю свою артиллерию. Он сообщил Барклаю-де-Толли и донес Кутузову о нависшей над флешами опасности.

Главный удар Наполеона, решающее направление его атак определилось, и сообразно его движениям Кутузов начал переводить силы с правого фланга к левому. К флешам были двинуты 2-й пехотный корпус, из резерва брошены полки Измайловский, Литовский, Финляндский, три полка кирасир, сводные гвардейские батальоны и роты гвардейской артиллерии. Барклай передвинул к флешам часть войск центра.

Но силы эти были еще на пути к флешам, когда, подготовленные сильнейшим огнем артиллерии, на флеши одна за другой обрушились атаки корпусов французской армии.

Удар опять приняла сводная гренадерская дивизия и почти вся «исчезла не с поля боя, а на поле боя», как писал ее командир. И опять 27-я дивизия Неверовского штыковой контратакой выбила части корпуса Нея, занявшие флеши.

Третья атака была отбита.

Но тут же дивизию Неверовского атаковали и начали теснить Мюрат и Даву, оставшийся в строю, несмотря на контузию. На помощь Неверовскому бросились кирасиры и драгуны и отчаянной атакой отбросили и погнали французов. Мюрат удерживал бегущих. Он остановил командира одной из бригад, тот указал на флеши, где полегла половина его бригады, и крикнул, что не может оставаться в этом аду.

– Я-то ведь здесь остаюсь, – ответил ему Мюрат. Он обнажил шпагу и, задержав бегущих, бросил их в четвертую атаку, и снова французы ворвались на флеши. Им ударила во фланг 3-я дивизия Коновницына, четвертая атака французов была отбита, и любимец

Наполеона маршал Мюрат сам едва не попал в плен.

Уже не 100 орудий со стороны Наполеона и не 50 со стороны Багратиона, а 400 французских и 300 русских пушек открыли ураганный огонь у Семеновских флешей, и в жестокой схватке сошлись 35 тысяч французских и 18 тысяч русских солдат.

Одновременно войска Богарнэ начали атаку Курганной батареи. Но и здесь первая атака была отбита. Быстро восстановив порядок и подготовив вторую атаку, Богарнэ бросил бригаду Бонами опять на батарею. На этот раз атака удалась. Французы овладели центральной батареей, 1-я и 2-я русские армии были разобщены.

Проезжавший позади батареи начальник штаба 1-й армии Ермолов, посланный Кутузовым осмотреть поле сражения и ободрить войска, мгновенно оценил обстановку, понял опасность катастрофы и, собрав ближайшие батальоны Уфимского полка, скомандовав сопровождавшей его конной артиллерии открыть огонь, бросился в контратаку.

Увлеченные примером солдат Уфимского полка, на врага устремились егерские полки, гусары, даже раненые поднимались и шли в контратаку, охваченные общим порывом.

– Братцы!.. Батарея – Россия, отстоим ее грудью! – кричал солдатам начальник штаба корпуса Монахтин.

Солдаты ворвались на батарею. Генерал Бонами был взят в плен русским фельдфебелем. Французы бежали. Сила натиска была так велика, что русских солдат, преследующих противника, нельзя было остановить. Пришлось послать казаков, чтобы они обогнали и вернули героическую русскую пехоту.

С кургана опять заговорила русская артиллерия.

Наполеон ждал вестей от Понятовского, думал, что его атака удастся и изменит обстановку в центре. Он знал, что Понятовский ждет из его рук польскую корону, надеется найти ее здесь, в этом бою, и поэтому отчаянно дерется с Тучковым. Но Тучков не сдавался. Выведенный Беннигсеном из засады на открытую высоту Утицкого кургана, лишенный возможности внезапно ударить во фланг Понятовскому, Тучков принял фронтальный бой, и все усилия Понятовского оказались напрасными.

Победы не было ни на батарее Раевского, ни на флешах, ни на Утицком кургане.

Близился полдень. Тучи пыли и дыма закрывали солнце, высоко поднимавшееся над полем. Пыль и дым застилали флеши и батареи.

По полю двигались массы людей то стройными колоннами, то четкими квадратными каре; вдруг, рассыпавшись беспорядочными толпами, они бежали обратно, падали убитые и

раненые, носились потерявшие седоков кони. Потом вновь строились колонны и каре; приливы и отливы людских лавин чередовались один за другим, час за часом. Остатки разбитых полков отходили в тыл, на смену двигались новые, вступали в штыковой бой, опять разбегались, и опять начинался грозный артиллерийский поединок. Это было самое кровавое сражение со времени изобретения пороха. За десять часов русская и французская армии потеряли убитыми и ранеными почти 100 тысяч человек. Сами участники назвали это сражение битвой гигантов. Бой шел не утихая, и никто не мог сказать, когда он кончится.

На десятки верст вокруг разносился гул артиллерийской канонады, дрожал воздух. Могучее эхо отдавалось и таяло в лесах, плыло долинами рек, и крестьяне, покинув избы, в тревожном ожидании прислушивались к звукам далекого сражения, решавшего судьбу их родины.

Молчаливый и угрюмый сидел в эти часы Наполеон на командном пункте у Шевардинского кургана, почти не вмешиваясь в ход боя. Окружавшая его свита не узнавала своего императора.

На другом конце поля, на командном пункте у Горицкой высоты, сидел Кутузов. И если бы рука Кутузова не помахивала плетью, если бы он время от времени не принимался рукояткой чертить на песке узоры, генералы и адъютанты, окружавшие полководца, решили бы, что он спит.

Толстый, с шарфом через плечо, в белой приплюснутой фуражке на большой седой голове, к которой дважды прикасалась смерть, бесстрастный, молчаливый, но властный, грузно сидел он на деревянной лавке.

Немало нашлось современников, и особенно историков, которые осудили обоих полководцев за их якобы безучастность и пассивность в Бородинском сражении.

Но между двумя великими полководцами в эти часы шла титаническая борьба. Только вглядываясь в то, что происходило на поле боя, вдумываясь в значение битвы, в историю всей войны, можно было понять, какого напряжения стоила эта кажущаяся безучастность, это молчаливое раздумье, в которое погрузились и Наполеон и Кутузов.

Бородинская битва развернулась и протекала как простое фронтальное столкновение. На Бородинском поле сразились две равные по силам армии, талантливо управляемые своими полководцами. И оба полководца почувствовали, что силы их равны. Каждый из них знал, что, если он сманеврирует, неожиданным ловким ударом дополнит усилие, направленное

против другого, он, может быть, победит.

Но каждый знал также, что, если он отвлечет хоть каплю сил на этот маневр, он ослабит себя и будет побежден, прежде чем маневр достигнет своей цели, или что неудача маневра приведет сама по себе к непоправимой катастрофе.

Наполеон отлично понимал, что, прорывая левое крыло русской армии, он, может быть, ее обойдет и зажмет в мешок между реками Колочей и Москвой, но для этого нужно обходить большими силами, ослабив свой центр. Русские не такой пассивный противник, как пруссаки или австрийцы, они сами могут перейти в наступление и разгромить его армию. Поэтому в обход он послал только один корпус Понятовского, решив простым фронтальным ударом, использовав мощь артиллерии, разгромить подавляющими силами левое крыло русской армии и уже потом обходить ее главные силы.

Но первые *те* часы битвы показали, что она принимает затяжной характер, и даже в полдень, после стольких атак, после долгих часов борьбы, Наполеон не мог ответить себе, когда же кончится бой и скольких новых усилий он потребует.

Кутузов тоже понимал, что он, маневрируя против обоих флангов французской армии, может быть, и добьется успеха, но прежде, чем этот успех наступит, Наполеон прорвет центр его армии, и потому Кутузов ограничился действиями на своем правом фланге кавалерией Уварова и Платова, а на левом фланге – одним корпусом Тучкова.

Кутузов или Наполеон могли бросить на этот решающий маневр силы, если бы один из них имел огромный численный перевес войск. Но этого не было: в начале сражения против 135 тысяч французов у Кутузова было 120 тысяч солдат. Один мог пойти на маневр, если бы другой был пассивен, нестоек. Но оба полководца стоили друг друга. Они могли бы пойти на риск маневра, но это было не Прейсиш-Эйлау, даже не Аустерлиц. В этом сражении решались судьбы стран и народов все было поставлено на карту. Наконец маневр был бы возможен, если бы до него противник был потрясен, расстроен, истощен. И Кутузов стремился истощить противника, чтобы нанести ему сокрушающий контрудар.

Они спокойно сидели – два полководца, разгадавшие друг друга, сторожившие каждое движение друг друга, отказавшиеся от рискованных действий. Они были пассивны и даже беспомощны не потому, что у одного, как изображал Лев Толстой, якобы был жестокий насморк, а другой был старчески слаб, и не потому, что один не был гениальным, а другой понимал, что полководец вообще не в силах управлять сражением. Они

руководили прямой фронтальной борьбой и не предпринимали новых действий только потому, что оба *уже* сделали невероятные усилия, оба верили, что эти усилия принесут успех, и ждали результатов, направляя действия своих войск, к которым перешло решение Бородинской битвы.

Кутузов перевел к левому флангу все свободные силы правого фланга, бросил войска своего резерва и часть сил центра, пошел на короткий маневр на своем правом фланге, чтобы облегчить положение на флешах, и ждал результатов этих мероприятий.

Он, казалось, бесстрастно слушал грохот боя и приказывал, соглашался или не соглашался на те или иные движения войск, но он не был равнодушен. Он оставил правительство и царя в невероятной тревоге. В случае поражения царь, конечно, немедленно с позором прогонит его, свалит всю вину на него, сменит Беннигсеном, которого царь посадил рядом с ним и который только и ждет провала Кутузова. Тогда ему, старому полководцу, останется опозоренному уйти в могилу. Но это не спасет Россию – Наполеон станет хозяином в русской стране.

Как никто в армии, никто в России понимал Кутузов, что значит победа или поражение в Бородинском сражении. Страна только от него, своего любимого генерала, ждала ответа за исход боя, за исход войны, и он не мог быть и не был равнодушен к судьбам своей армии, Москвы, России, он не мог быть и не был безучастен к делу своей жизни.

Внешне он был спокоен, потому что умел сохранять самообладание в самые критические минуты боя и верил в силу русских солдат, защищавших родную землю. Он верил в силу Петра Багратиона, руководившего обороной флешей. Тот же Багратион, который в невероятно тяжелых условиях сдержал под Шенграбеном маршалов Ланна, Сульта, Мюрата, теперь вот уже полдня отражает атаки «храбрейшего из храбрых» маршала Нея, того же Мюрата и настойчивого Даву, не отдав им пока ни пяди земли. Кутузов был спокоен, зная, что и Барклай-де-Толли не отступит, и хотя для Богарнэ «сама мысль потерпеть неудачу была невыносимой», вот уже две его атаки на Курганную батарею были отбиты, и батарея продолжает обстреливать французские войска.

Против Понятовского у деревни Утицы действовал Тучков, покинувший ноле боя только после тяжелой раны, – брат Тучкова, погибшего в тот же день на флешах со знаменем в руках.

Мюрат, обнажив шпагу, не покидал поля боя, но и Милорадович не выезжал из-под пуль и даже завтракать сел в районе батареи, там, где скрещивался огонь наибольшей силы.

– Живым или мертвым, но я буду там! – вскричал Коленкур,

получив приказ взять Курганную батарею. Он сдержал свое слово, но погиб на кургане, там же, где без эффектных слов погиб и Кутайсов, двадцативосьмилетний начальник артиллерии русской армии, бросившийся вместе с героем Ермоловым в контратаку.

Невиданную храбрость проявили Раевский, Дохтуров, Коновницын, Неверовский, Лихачев – славная плеяда героев, учеников Суворова, соратников Кутузова.

47 французских и 23 русских генерала погибли и были ранены в этой битве, и Кутузов знал, что русские генералы не уступят противнику боевой чести.

Кутузов был спокоен главным образом и потому, что решение войны перешло в руки солдат, овеянных великой славой замечательных побед, сынов русского народа, отстаивавшего свою землю. Геройски боролись не только полки и дивизии, солдаты которых прошли боевой путь с Кутузовым, но геройски дрались и только что сформированные части. Ярким примером является 27-я дивизия Неверовского. Ее сформировали в дни войны. Она состояла из крестьян, взятых прямо из деревень, наспех обученных. Дивизии пришлось контратакой спасать гренадер Воронцова, погибавших под ударами французских корпусов; она столкнулась с дивизиями Даву, Нея. Армия Кутузова, защищавшая Россию на Бородинском поле, была действительно армией героев – так ее называли не только друзья, но и враги.

«Они умирают там, где начальник им приказал умереть», «Они предпочитают смерть плену», – писали французы.

«Преданность генералов, непоколебимая храбрость солдат спасла Россию. Другие войска были бы разбиты и, может быть, уничтожены задолго до полудня», – писал французский историк Пелле.

Кутузов не суетился, не дергал командующих армиями и всем своим видом как бы говорил своему штабу: «Вы видите, несмотря на все тяжелые события и ужасы, о которых мы мне докладываете, все идет, как я и предвидел».

В этой борьбе воля Наполеона впервые сдала, поколебалась. Он тоже не был пассивен, и гений его не померк. Впервые в истории войн Наполеон стал создавать массирование артиллерийского огня. Ряд сражений выиграл он, разрушая артиллерийским огнем боевой порядок противника и сокрушая его ударами также массированной живой силы. Но ни в одном из своих сражений Наполеон не сосредоточивал такого количества орудий, как перед флешами: на фронте 800—1000 метров было 400 орудий – невиданная до того времени в военной истории сила и плотность огня.

При их поддержке ходили на штурм части Нея, Даву, Мюрата,

столько раз приносившие победы своему императору; вслед за пехотой кидались в атаку кавалерийские корпуса. Наполеон наносил могучие удары, а победы все не было. Наполеон почувствовал себя «как во сне, когда человеку представляется наступающий на него злодей и человек размахнулся и ударил своего злодея с тем страшным усилием, которое, он знает, должно уничтожить его, и чувствует, что рука его, бессильная и мягкая, падает, как тряпка» (Лев Толстой, Война и мир).

Наполеон привык, что после первых же атак с радостными лицами мчались к нему адъютанты, донося о победах, а здесь один за другим они доносили о неудачах, передавая просьбы маршалов о поддержке.

В любом другом сражении Наполеон бросил бы им на поддержку свой резерв, а здесь он колебался. На просьбы о поддержке он долго не отвечал, прогуливался, ел свои любимые пастилки, советовался с Бертье, кого бы послать, двинул было дивизию Клапареда, но тут же вернул ее. Дерущиеся войска уже не видны ему, но он не меняет, как обычно, своего командного пункта, не наблюдает за ходом боя. Приехавшему за помощью генералу приказывает посмотреть еще раз, что делается на поле боя, и, когда тот, вернувшись, доносит, что Багратион опять готовит контратаку, Наполеон отвечает, что он еще не уяснил себе свой шахматный ход.

К нему приносят тяжело раненного любимого адъютанта, которому он ночью объяснял, что вся сущность войны заключается в том, чтобы быть сильнее противника в данном месте, в данный момент.

– Ну что, Рапп, что там наверху?

– Надо послать гвардию, – говорит Рапп.

– Нет, – отказывается Наполеон, – я не хочу, чтобы ее разбили.

Обозленные маршалы снова и снова бросали в атаку свои дивизии. Армия Багратиона таяла, но героически отбивала и пятую, и шестую, и седьмую атаки.

«Упорство русских приобрело ужасный, зловещий характер», – писал один из историков Наполеона.

Идет восьмая атака французских дивизий. Ее встречают с флешей картечью, но французы, не обращая внимания на убийственный огонь, бегут по трупам товарищей, все ближе и ближе.

– Браво, браво! – кричит восхищенный доблестью противника Багратион и мчится впереди кирасирской дивизии навстречу французским маршалам. Это была последняя его встреча с ними. И, ни разу не уступив в бою, он не сдал бы своих укреплений и

сейчас.

Вокруг Багратиона падали кирасиры, врач его армии Гангарт, не покидавший его ни на минуту, упал вместе с убитым конем.

– Спасите Гангарта! – коротко приказал Багратион и помчался дальше, но в это мгновение, смертельно раненный, поник к шее коня.

Дивизия кирасир ушла в контратаку, а Багратиона, окружив небольшим конвоем, медленно везли к деревне Семеновской. Он пришел в себя, запретил везти себя в тыл. Его опустили на землю. Лицо Багратиона было бледно, местами обожжено порохом, но спокойно. Санитары снимали сапог с раздробленной ноги, а он требовал доклада о результатах атаки и, выслушав, приказал:

– Передайте Барклаю, что теперь он решает судьбу боя. – Багратион видел, что маршалы, воспользовавшись его отсутствием и минутным замешательством, захватили флеши и появились на фланге 1-й армии.

В командование войсками 2-й армии вступил Коновницын и стал отводить их за Семеновский овраг. Между флешами и Утицей, где дрался корпус Тучкова, произошел разрыв, и корпус, чтобы не быть отрезанным, тоже стал отходить.

Наступил критический момент боя. Армия Багратиона была расстроена, французская артиллерия стала в районе флешей, подготавливая новый удар кавалерийских корпусов, которые должны были завершить разгром.

Кутузову донесли о ране Багратиона, падении флешей и отходе левого фланга. Как-то по-стариковски заохал, заволновался Михаил Илларионович, потом встал и, расспросив офицера, привезшего тяжелые вести, сказал принцу Вюртембергскому:

– Не угодно ли будет вашему высочеству принять па себя командование?

Принц умчался, но, не доехав до деревни Семеновской, прислал адъютанта просить у Кутузова подкрепления. Кутузов досадливо поморщился, поняв, что совершил ошибку, тут же передал принцу, что он не может обойтись без его помощи и советов и просит вернуться в Горки, а командовать войсками левого фланга послал Дмитрия Сергеевича Дохтурова.

Кутузов был по-прежнему внешне спокоен, хотя отлично представлял себе, что ждет Дохтурова у Семеновского оврага. Там стояли посланные из резерва гвардейские Литовский, Измайловский и Финляндский полки. Но отошедшие части 2-й армии были в беспорядке. С флешей уже гремели залпы французской артиллерии, вдали строились к атаке кавалерийские корпуса Нансути и Латур-Мобура.

Как и семь лет назад, посылая Багратиона к Голлабруну удержать французскую армию хотя бы ценой гибели всего арьергарда, так и теперь Кутузов написал Дохтурову: «Дмитрий Сергеевич, держаться надо до последней крайности». Он знал, что Дохтуров будет держаться.

Герой бесчисленных боев, спасавший армию в болотных теснинах Аустерлица, с беспримерной храбростью отстаивавший Смоленск, Дохтуров так же храбро и умело действовал у Бородина. На небольшой усталой лошадке – эта была четвертая лошадь, трех под ним уже убили – подъехал он к войскам 2-й армии. С рассвета не выходил он из-под огня. Усталый, медленно проезжал между расстроенными полками и спокойно отдавал приказы. От его незаметной фигурки в поношенном, потертом сюртуке один за другим с распоряжениями уносились адъютанты, и с каждой минутой восстанавливался порядок, командиры опять брали в свои руки управление людьми. Все это было как нельзя вовремя, потому что на ослабевшие полки шли в атаку знаменитые французские кирасирские дивизии – дивизии «железных людей».

Страшна была их атака. Могучие всадники в металлических кирасах, на огромных конях, под развевающимися знаменами неслись за Мюратом.

На Бородинском поле высятся десятки памятников полкам и дивизиям. Большинство их по замыслу одинаково: двуглавый орел на верху обелиска, под ним названия полков и на некоторых надпись, прославляющая царя, который в дни Бородина, объятый великим страхом, сидел в Санкт-Петербурге, – вот обычный памятник. Но на холме за деревней Семеновской стоит невысокий монумент. Он врос основанием в землю, квадратный, гранитный, неприступный. В этот памятник вложена глубокая идея. Здесь стояли каре гвардейских полков, которые приняли на себя страшный удар дивизии «железных людей» и точно вросли в землю, как поставленный в их память квадратный гранит. О них, как о гранит, разбились атаки кирасир. Кирасиры бросались на каре, а гвардейские полки, пишет Глинка, как острова в этом движущемся море всадников, затопившем вокруг всю местность, непоколебимо стояли, гибли под ударами, но отвечали огнем и штыками. Натиск длился до тех пор, пока не подоспели русские кавалерийские полки и отбросили кирасир.

Весь правый фланг французской армии продолжал висеть над остатками армии Багратиона, но сил завершить победу у французских маршалов не было, они истощили их в бою.

И маршалы опять и опять просили Наполеона бросить в бой свою гвардию. Ней прислал генерала Бельяра и донес, что уже

видна Можайская дорога, проходившая в тылу русской позиции, у деревни Семеновской. Нужен один только натиск, чтобы окончательно решить сражение. Мюрат головой ручался за успех и также требовал гвардию.

Сейчас, когда пали флеши и в центре держалась только Курганная батарея, когда кризис обороны русской армии достиг высшей точки, Наполеон решил, что, наконец, наступил единственный и неповторимый момент в сражении, когда сильный неожиданный удар решит исход сражения. Он двинул в бой свою молодую гвардию и резервную кавалерию.

Наполеон сам любил этот момент и свою лаконичную магическую фразу: «Гвардию – в огонь!», подчиняясь которой мимо него сомкнутыми рядами, могучая, монолитная, двигалась в атаку гвардейская пехота; сокрушая все на своем пути, гренадеры врывались в оборону войск противника, сея смерть, ужас и панику. Карьером шла в атаку гвардейская кавалерия и, скрываясь в дыму и пыли, гнала, уничтожала и добивала противника.

Вот она наступает, эта неповторимая и единственная минута победы. И вдруг:

– Казаки!.. Казаки!.. Казаки!..

Это слово с ужасом произносят примчавшиеся на взмыленных конях адъютанты. Это слово повергло в тревогу весь штаб. Наполеон узнал, что на левом фланге его армии, угрожая ее тылу, севернее Бородина, появились казаки и русская регулярная кавалерия. Находившиеся на фланге войска Орнано и Дельзона смяты и отошли. Богарнэ, остановив атаки на батарею, повел итальянскую гвардию на защиту левого фланга. Попав под атаку казаков, гвардейцы бежали. Сам Богарнэ едва спасся, укрывшись в каре гвардейцев.

Паника охватывала войска и особенно тылы. Наполеон приостановил действия.

Шли минуты, часы. Французский император терял время, а с ним и возможность победы.

Стоя перед залитым солнцем полем битвы, вспомнил Наполеон сражение под Прейсиш-Эйлау. Там в 1807 году он уже пережил тревожные часы, столь похожие на эти часы тревоги. Вспомнил Наполеон, как он стоял на своем командном пункте, на старом кладбище, среди крестов и могильных холмов, русские пули летали вблизи, сея смерть среди окружавших его адъютантов. Вспомнил, как так же вот, как сегодня, в этот теплый осенний день, тогда, в январскую пургу, бросал он свои корпуса в атаки на позиции русской армии, но все атаки разбивались о стойкость и храбрость русских солдат. Вспомнил Наполеон, как

на его глазах русские истребили почти весь корпус и – это было самым страшным тогда, и этого он боялся больше всего сегодня – перешли в контратаку. Один из русских батальонов ворвался на кладбище, где стояла старая гвардия. Батальон окружили, но он продолжал прорываться, пока последний русский солдат не был зарублен почти у ног императора.

Эти же русские солдаты были сегодня перед ним, они отразили атаки лучших частей и опять переходят в наступление.

Начальник штаба Бертье, маршалы и приближенные Наполеона тихо посовещались, и Дарю, один из самых близких Наполеону людей, вежливо, но твердо передал императору, что все считают необходимым бросить в бой старую гвардию. Наполеон молча выслушал это требование. Лицо его вначале выражало досаду, он казался больным, нерешительным. Дарю настаивал.

Вдруг знакомое всем выражение бешеного гнева и раздражения залило лицо Наполеона. Голосом тихим, но полным ярости и тревоги, он сказал:

– Если завтра будет сражение, скажите, Дарю, кто будет драться?

В этой фразе – выражение всех планов, мыслей, чувств, тревог, обуревавших Наполеона с первых же неудачных атак и достигших апогея после атаки казаков на его фланг.

Так Кутузов, бросив казаков Платова и кавалерийский корпус Уварова на левый фланг французской армии, внес смятение в ряды противника и тем выиграл время, подвел к батарее и к левому флангу резервы и вырвал у Наполеона инициативу. Он не разрешил казакам углубляться в тыл французской армии, понимая, что для этого их сил недостаточно, и вскоре отозвал их обратно.

Действия кавалерии и казаков сыграли огромную роль в ходе Бородинского сражения. Два часа, потерянные Наполеоном, позволили русской армии укрепить разбитый левый фланг.

Нерешительность, колебания Наполеона, охватившие его во время атаки на флеши, после угрозы его тылу и флангу, завладели теперь им целиком и окончательно парализовали его волю. После отхода Уварова и Платова он приказал маршалам и Богарнэ возобновить атаки, но свою старую гвардию, без которой победа не могла стать решительной, он дать отказался наотрез.

Собрав все свои силы, Богарнэ начал последнюю атаку на батарею Раевского – фатальный редут, или «редут смерти», как его называли французские солдаты. С фронта атаковали пехотные дивизии, с флангов и тыла – кавалерийские корпуса. Дорого обошлась эта атака французам.

Дорого обошлась она и русским. Две предыдущие атаки вывели из строя защищавшую батарею 26-ю пехотную дивизию, Барклай сменил ее 24-й дивизией Лихачева, но и она понесла большие потери. Половина орудий батареи оказалась подбитой, укрепления сравнялись с землей.

На кожаном складном стуле, на краю кургана, сидел больной старик, командир дивизии Лихачев.

– Братцы, позади Москва! – кричал он солдатам, и солдаты продолжали вести огонь и штыками отражали натиск противника.

Вдруг грохот орудий стих. Издали казалось, что гигантская бронированная гусеница вползает на батарею, покрывая собой весь курган, сверкая на солнце желтой чешуйчатой броней. Это колонна кирасир Коленкура с тыла ворвалась на батарею. С фронта на русских кинулась пехота.

Немногие уцелевшие русские артиллеристы, не имея возможности стрелять, схватили банники, которыми прочищают орудия, сбивали ими кирасир с коней. Артиллеристы все погибли у своих пушек. Почти вся 24-я дивизия легла там, где защищалась. В Ширванском полку из 1400 солдат уцелело лишь 92. Сам Лихачев встал со стула, расстегнул мундир и с обнаженной грудью, шатаясь, пошел на штыки французов.

Рядом с русским Ширванским полком легли 1116 солдат 9-го парижского полка. Погиб и сам Коленкур. Курганная батарея пала.

«Бородино стало могилой французской кавалерии», – писали французы, и большая часть ее нашла эту могилу на Курганной батарее.

Через несколько часов французы покинули батарею, все орудия были подбиты, укреплений не существовало. Лишь ряды мертвых французских и русских солдат остались на высоком кургане.

Близился финал Бородинской битвы. Назревал ее последний кризис. Он мог стать более катастрофичным, чем падение флешей и батареи. Он мог привести к полному поражению русской армии, хотя он разыгрался не на поле битвы, а на командных пунктах полководцев.

Бои еще шли. Войска были расстроены, но еще гремела артиллерия, местами шла ружейная перестрелка, на равнине, возле Курганной батареи, завязался горячий кавалерийский бой. Это Барклай-де-Толли повел в контратаку на французскую кавалерию русские кавалерийские полки. Повел их сам, обнажил шпагу и дрался, как рядовой всадник. В этот день рядом с ним были убиты несколько адъютантов, он сменил четырех коней, бывал в самых опасных местах. Внешне спокойный и

невозмутимый, но глубоко оскорбленный отстранением от командования, травимый не понимавшими его людьми, он искал в этот день смерти. Смерть обходила его.

Воля его, наконец, сдала. Он послал своего адъютанта Вольцогена к Кутузову. От имени Барклая Вольцоген передал Кутузову, что все пункты захвачены неприятелем и их нечем отбить, что русские бегут и нет возможности их остановить, что надо скорее отступать, пока не погибла вся армия.

Кутузов сам знал о тяжких потерях, понесенных войсками, знал, что пали флеши и батарея, в руках Наполеона деревни Бородино, Семеновская, Утица, что Багратиона нет, а Барклай сам настаивает на отступлении, знал, что на обоих флангах нависли корпуса маршалов Наполеона, а его главный резерв – императорская гвардия – еще не введена в бой и готова к удару.

Кутузов, всегда спокойный и сдержанный, закричал, что Барклай ничего не знает, что русские не бегут, что они завтра погонят врага с поля сражения.

Кутузов, мудрый и опытный, кровно связанный со своей армией, веривший в русских солдат, видел и понимал то, что было недоступно пониманию даже лучших его генералов. Он помнил битвы при Ларге, у Кагула и штурм Измаила, катастрофу Аустерлица и разгром турок под Рущуком. Полвека слушал он грозовую музыку сражений, видел страшные картины смерти, разрушений, паники, когда у него на глазах тают ряды неприятельской армии, а уцелевшие, в панике бросая оружие и артиллерию, бегут, отдавая территорию, покидая раненых, покидая немногих храбрейших, готовых еще драться, когда солдаты не слушают командиров и те бессильны что-либо сделать с воинскими частями, превратившимися в беспорядочную толпу.

Похоже ли это было на состояние русской армии в Бородинском сражении, когда оно многим казалось проигранным?

Нет. Кутузов, проведший полвека в боях бок о бок с солдатом, был твердо уверен, что русский солдат не побежит. Только он один в этот критический момент сражения смог найти в себе то великое мужество и волю, которые он противопоставил тяжелым впечатлениям дня. Он не допустил отхода, а следовательно, гибели русской армии. Гибели потому, что армия не батальон и в четверть часа не отрывается от противника, не выходит из боя так, как ей хочется, а, расстроенная боем, отступает под воздействием противника, к которому целиком переходит инициатива; отход превращается в бегство, отступающая армия гибнет под ударами преследования. Кутузов прогнал Вольцогена. Барклаю казалось все потерянным, он опять послал Вольцогена,

потребовал у Кутузова письменного подтверждения приказа не отступать. Здесь, в этот момент, сказалась вся огромная разница между Кутузовым и Барклаем. У последнего не хватало веры в неистощимую стойкость русских людей, не хватало таланта правильно оценить весь ход сражения. Смелый и честный генерал, он сам, обнажив шпагу, вел русские кавалерийские полки в последнюю атаку.

Уцелев в атаке и узнав, что Кутузов еще не решил отходить, Барклай сам прискакал на командный пункт Кутузова убедить его в необходимости отхода.

Кутузов отдал приказ готовиться к контрнаступлению: «Завтра атаковать противника». Этот приказ он послал объявить всем командирам, всей армии. Воля Кутузова оказалась сильнее воли Барклая. Она опиралась на волю к победе тысяч русских солдат, аккумулировала ее, вдохнула новые силы в измученные боем войска. Эту волю Кутузов противопоставил Наполеону, в критический момент падения флешей бросив туда резервы; ее почувствовал Наполеон, решив послать в бой свой резерв, и, узнав о казаках, он ощущал ее сопротивление весь день; непоколебимой она осталась и в этот последний час Бородинского боя.

К Наполеону, на Шевардинский редут, тоже съехались маршалы. Они уже не просили, не уговаривали, а требовали послать в бой старую императорскую гвардию. Ней возмущенно говорил своим товарищам, что, если Наполеон «хочет быть только императором и не хочет командовать, пусть отправляется в Тюильри и предоставит нам командование». Мюрат в последний раз настаивал на разрешении вести в бой гвардейскую кавалерию, ручаясь, что сражение, а с ним и вся кампания будут выиграны.

Впервые за весь день Наполеон сел на коня и сам поехал к линии огня. Он приблизился к сгоревшей, разрушенной деревне Семеновской, и то, чего не понимали Барклай и французские генералы, но что понимал Кутузов, понял и Наполеон.

Он тоже видел десятки сражений, видел победы, когда мимо него гнали беспорядочные толпы пленных, волокли знамена и орудия, представляли униженных пленных генералов. Здесь он не видел ничего подобного, и «видно было, как они, не теряя мужества, смыкали свои ряды, снова вступали в битву и шли умирать…» – писал Сегюр, стоявший в ту минуту рядом с Наполеоном.

Опять, разделенные полем сражения, стояли друг против друга два полководца. Разыгралась последняя сцена борьбы, из которой Кутузов вышел победителем. Именно здесь, под сожженной русской деревней Семеновской, почувствовал

Наполеон тот первый страшный удар, после которого стал возможен удар под Ватерлоо. Именно этот грохот Бородина сменился глухой могильной тишиной на острове Святой Елены, и там Наполеон говорил, что «из всех сражений, мною данных, самое ужасное то, которое дал я под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми».

Маршалы опять заговорили о гвардии.

– Я не могу рисковать своим последним резервом за три тысячи километров от Парижа, – оборвал их Наполеон и повернул обратно коня.

Он возвращался к Шевардину. Страшен был, пишут очевидцы, вид его воспаленных, блуждающих глаз. Вся его сгорбившаяся фигура выражала усталость и безнадежность. Хриплым голосом отдал он приказ остановить бесплодные атаки, а войскам Мортье приказал удерживать занятые позиции. Вскоре он опять вызвал Мортье и спросил, понял ли он его приказ стоять на месте и ни в коем случае не наступать.

– Делайте что вам говорят, и ничего более, – потребовал Наполеон.

Через несколько часов он опять вызвал Мортье и приказал отвести войска в исходное положение. Не добившись победы, он отошел, оставив на Бородинском поле почти 50 тысяч убитых и раненых своих солдат.

Кровавая битва затихла. «Раненые звали родных, но позади был Гжатск, а не Дрезден», – с горькой иронией пишет французский врач. Если раньше они рвались в Россию, надеясь поработить русских людей, как опьяненные, шли за Наполеоном, то в бою этот хмель прошел, и «…раненый вестфалец, – пишет тот же врач, – проклинал Наполеона, проклинал брата Наполеона – вестфальского короля, за которыми пошел в Россию, и жалел, что не может им отомстить…»

Таких искалеченных, изуродованных вестфальцев, пруссаков, итальянцев, поляков, португальцев, французов были десятки тысяч. Они плакали, стонали, некоторые бредили; им казалось, что они еще в аду сражения. Раненые молили о помощи, но их некому было подобрать, некуда положить, и они лежали на холмах и в долинах, их стопы доносились из оврагов и из-под груды мертвых тел. Никто не приходил к ним на помощь.

Близилась ночь, полил дождь, дул резкий осенний ветер. Становилось темно, холодно. Раненые умирали. Далеко-далеко от Бородинского поля в траур оденутся города и деревни Франции, Германии, Польши, Италии, Португалии и десятков других стран, солдаты которых пошли за Наполеоном в Россию.

Сегюр, доктор Роос, Цезарь, Ложье и другие с изумлением писали о том, как вели себя в то иге время русские раненые. Они почти не стонали, не жаловались, некоторые отказывались говорить с врачами, некоторые сами крепко перевязывали перебитые ноги ветками деревьев и медленно ползли на свою сторону.

«…Никакое бедствие, никакое проигранное сражение, – пишет Ложье, – несравнимо по ужасам с Бородинским полем, на котором мы – победители. Все потрясены, подавлены. Армия неподвижна. Раненым не хватает места, кругом трупы, трупы людей, коней, лужи крови, брошенное оружие, разрушенные и сгоревшие дома, земля, изрытая ядрами. На батареях смерть уложила всех людей и коней. Русские канониры, изрубленные кирасирами, лежат у своих орудий, целые ряды пехоты полегли как скошенные. Генералы, офицеры, солдаты молча бродят подавленные, изумленные. Они не верят, что живы, незнакомые начинают говорить друг с другом. Все голодны. Забыв все на свете, солдаты шарят по карманам убитых, разыскивая сухари…»

«Безмолвны биваки, – писал Сегюр, – ни пения, ни говора, даже вокруг императора не слышно обычной лести. Суровая тишина. Солдаты поражены количеством убитых и раненых и ничтожным количеством пленных, а ведь только ими определяется успех. Убитые говорят о храбрости противника, а не о победе над ним. Если он отошел в таком блестящем порядке, что значит для нас приобретение какого-то поля битвы? Контуженный русский раненый встает и идет к своим, и никто его не останавливает».

Состояние прострации овладело великой армией.

Наступила ночь. Уже видны результаты сражения. Наполеону удалось занять все укрепления, позиции Кутузова. Он достиг тактического успеха, но русскую армию не сокрушил и вынужден был, опасаясь контрнаступления, оставить захваченные укрепления, потеряв этот единственный успех и лишившись 50 тысяч солдат и офицеров. Наполеон хотел разгромить русскую армию и, одним ударом победив Россию, закончить войну, а вместо этого сам перешел к обороне, что явилось стратегическим поражением наполеоновской армии. Это не помешало Наполеону написать бюллетень о победе над русскими – «самый лживый из своих бюллетеней», писал Сегюр. Этим он мог ненадолго обмануть Европу, но армию свою он не обманул.

К ночи подсчитали пленных и трофеи и доложили Наполеону, что взято в плен 700 русских солдат, в большинстве своем раненых, и 13 орудий. Наполеон не поверил, приказал пересчитать; пленных пересчитали и опять доложили, что из

стадвадцатитысячной армии в плен попали всего 700 солдат. Наполеону указали на бесчисленное количество трупов русских, пытались говорить о его победе, но он ответил, что он сам видит победу, но не видит ее выгод, наоборот, можно ждать нового наступления русской армии.

На Бородинском поле Кутузов заставил Наполеона перейти к стратегической обороне, и это привело Наполеона впоследствии, в Москве, к обороне в политике.

Ночью русская армия заняла новую позицию восточнее Бородина – на опушке леса.

Теперь никто в русской армии не считал сражение проигранным. Ее живая сила не была ни уничтожена, ни взята в плен, ни разбита, что явилось бы поражением, она не бежала, теряя оружие, она, сохранив силы, вооружение и волю к борьбе и победе, боеспособной отошла на новую позицию, готовясь к новому сражению утром 8 сентября. В расположении армии горели костры, к ним стекались раненые, отбившиеся от частей солдаты. Командиры вели перекличку. В штабе разрабатывали диспозицию ночного наступления, согласно которой предполагалось вернуть центральную Курганную батарею, нанести удар вдоль новой Смоленской дороги на Бородино, переправиться через реку Войну и атаковать Колоцкий монастырь, где были тылы Наполеона.

Казаки, посланные в разведку, добрались до Шевардинского редута, где находилась палатка Наполеона, и охранявшая ее гвардия дважды кидалась к оружию. Разведка показала, что батарея Раевского, и флеши, и все Бородинское поле оставлены французами, и это еще больше облегчало русской армии наступление.

В этот момент Кутузов приказал… отходить к Москве. Этому никто не хотел верить. Барклай писал: «В ночь получил я предписание, по коему обеим армиям следовало отступить за Можайск. Я намеревался ехать к князю, дабы упросить его к перемене его повеления, но меня уведомили, что генерал Дохтуров уже выступил, и так мне оставалось только повиноваться с сердцем, стесненным грустью».

Кутузов остался верен себе. Он приказал произвести расчет войск, и ему донесли о потере 44 тысяч солдат и 23 генералов. Он знал, что Наполеон понес не меньшие потери, но понимал, что новое сражение 8-го даже при успехе русской армии и отступлении Наполеона приведет французскую армию к ее же резервам, а русские, истощив в новом бою все силы, не смогут реализовать победу. Он знал также, что у Наполеона осталась нетронутой его гвардия, и это новое сражение было рискованно

для русских.

Силы воюющих государств *уже* в ту эпоху были таковы, что одним ударом далеко не всегда решался исход войны; стратегия требовала ряда последовательных сокрушающих ударов. И если первый успех русской стратегии – отход к Бородину – ослабил французов и дал свои результаты, второй успех под Бородином был победой, то нужны были новые мощные удары, чтобы разгромить нашествие. Предстояла еще жестокая борьба.

Для этого, добившись стратегической победы под Бородином, Кутузов под утро 8 сентября снялся с позиции и в полном порядке отошел. Русский полководец имел все основания писать царю: «Войска Вашего величества сражались с неимоверной храбростью. Батареи переходили из рук в руки, и кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходными силами…» И далее он объясняет царю, что, «когда дело идет не о славе выигранных только баталий, но вся цель будучи устремлена на истребление французской армии, я взял намерение отступить…».

В штабе Наполеона были изумлены – армия Кутузова исчезла. Наполеон ободрился. Он еще не смог сразу начать преследование, потому что войска русского арьергарда оставались на позициях, но Кутузов все-таки ушел.

Наполеон опять проезжал Бородинским полем, кто-то обратил его внимание на это гигантское кладбище. Он сам знал, что у него выбыли из строя 47 тысяч солдат и 47 генералов, но сегодня он бодро ответил: «До Москвы два дня пути, а в Москве все забудется».

Наполеон двинул вперед, в авангард кавалерию Мюрата.

Французы не верили своим глазам. Дорога была пуста. Ни одного человека, ни одной повозки, даже ломаного колеса не оставил Кутузов на пути. Свежие могильные насыпи и кресты говорили, что русская армия отходит спокойно, успевая хоронить своих мертвых бойцов. А в армии этой были десятки тысяч раненых, огромный обоз и неисчислимые потери в конском составе.

– Что это за армия, которая после такой битвы так образцово отошла? – сказал Мюрату изумленный Ней.

Мюрат подошел к Можайску и, уверенный, что погонит русских дальше, пригласил Наполеона ночевать в городе.

Наполеон приехал, и на его глазах авангард Мюрата после упорного боя был отброшен с потерями от Можайска. Наполеон был потрясен. В глубоком раздумье, не обращая внимания на окружающих, он продолжал ехать к Можайску. Кто-то указал ему на опасность. Наполеон долго смотрел на бивачные огни

шестидесятитысячной русской армии, прикрывавшей пути к Москве.

Образцовый отход Кутузова, бой за Можайск окончательно показали, что Бородино не было победой.

Борьба продолжалась.

ГЛАВА IV

Русская армия, отойдя от Можайска, подходила к Москве. Вслед за ней медленно, точно ощупью, двигалась армия Наполеона.

Кутузов чувствовал, как с каждым шагом, приближающим к Москве, обостряется кризис войны. Кризис тяжелый и опасный для России, для армии, для него самого.

В литературе и даже в историографии существует точка зрения, что Кутузов решил сдать Москву, находясь еще чуть ли не в Петербурге. Узнав о падении Смоленска, он действительно произнес: «Ключ от Москвы взят», и потому говорят, что Кутузову было легко решиться на оставление Москвы без боя. Он готов был к этому давно, он гениально предвидел все, включая и марш-маневр на Калужскую дорогу и конечную гибель всей армии Наполеона.

Другие, клевеща на Кутузова, утверждают, что он только влачился за событиями, хитрил и обманывал народ, армию и царя, обещая отстоять Москву, а поворот армии на Калужскую дорогу осуществил по совету не то Беннигсена, не то Толя, или поворот совершился сам собой, потому что некая сила сама по себе влекла солдат по тому пути, туда, где были запасы продуктов.

При этом забывают, что Кутузов принимал свои решения не отвлеченно и предвзято, а исходя из конкретной стратегической и тактической обстановки. Ему отказывают в той замечательной прозорливости, которая в кризисные для войны дни действительно помогла ему предвидеть ее дальнейший ход и поступать соответственно обстоятельствам.

Высказывают иногда мнение, что Наполеон не мог быть победителем в Москве потому, что он растянул свои коммуникации, вынужден был оставить на них большую часть войск и не мог быть достаточно сильным в Москве. Следовательно, Кутузову ничего не стоило воздействовать на коммуникации французской армии и выиграть войну. Для этой цели легко было решиться сдать Москву без боя. Но при этом забывают, что только из-за растянутых коммуникаций войн не проигрывают, особенно такие полководцы, как Наполеон.

Перед сражением под Аустерлицем у Наполеона тоже были растянуты коммуникации и разбросаны силы. На эту опасность ему тогда уже указывали его маршалы, но Наполеон ответил, что все решит сражение, и действительно все решило Аустерлицкое сражение.

Под Смоленском маршалы опять указывали на крайнюю растянутость коммуникаций. Наполеон опять ответил, что все решит сражение. Однако Бородино этого не решило, как не решило этого и занятие Москвы. Значит, дело не только в растянутых коммуникациях, а прежде всего в армии, дерущейся на фронте, в силах, воздействующих на коммуникации.

Войну решали не только коммуникации, действия армии, но и ряд других политических, экономических и стратегических факторов, и учесть их правильно, то есть определить судьбу Москвы и всей России, было далеко не так просто, не так легко. И образ Кутузова, стоявшего на Поклонной горе под Москвой в сентябрьский день 1812 года на вершине своей полководческой славы или на краю возможного своего бесславия и позора, рисуется не только великим, но и глубоко трагичным.

Кутузов знал, что исход войны зависит прежде всего от воли к победе русского народа и русской армии, от тех военных резервов, которые имеет Россия. Но сейчас все зависело от его – Кутузова – решения.

Народ и армия видели в нем спасителя России, ждали, что он поведет войска в новое сражение, что не сдаст без боя Москву. Народ и армия готовы были сражаться под стенами Москвы. Население Москвы в эти дни рвалось к оружию.

– Лучше умереть в Москве, чем сдать ее неприятелю, – говорили в армии.

«Там, за Москвой, казалось, начнется иная жизнь, немыслимая, если сдадут Москву», – писал современник.

Все это говорило Кутузову, что надо сражаться под стенами Москвы, и если придется, то дать бой, самый кровавый и ужасный из всех видов боя, – уличный бой.

В этом бою можно потерять всю армию, но ее можно было потерять и без боя, потому что сдача Москвы грозила деморализацией армии и потерей ее боевого духа. Другой армии, способной сразиться с армией Наполеона, в России не было, создать ее правительство Александра было неспособно, и Кутузов еще более остро, чем под Бородином, почувствовал, что теперь царь, наверно, сможет прогнать его, теперь у него будут для этого объяснения, – сдача Москвы без боя сама по себе достаточна для смещения главнокомандующего. Она будет означать, что и Бородино было поражением, а не победой, как доносил Кутузов.

Что это будет так, об этом говорило поведение Беннигсена, Ростопчина и всей толпы завистников и клеветников, которые, почуяв шаткость положения Кутузова и поддержку царя, обнаглели в своих обвинениях, говоря, что старик боится Наполеона и помешался на ретирадах.

Кутузов помнил, как прогоняли его после Аустерлица, прогоняли после Рущука, но тогда царь вынужден был опять его вернуть и поставить во главе вооруженных сил и доверить ему судьбу России. А сейчас Кутузов чувствовал, как конфликт между ним и царем, то затихавший, то обострявшийся, на этот раз достиг кризиса, и стоит только решиться на сдачу Москвы, и его, старого полководца, навсегда прогонят из армии. Он должен будет уйти, оставив армию Беннигсену. Ему останется короткий путь к могиле, путь к позору и бесславному забвению. Кутузов, любивший свою родину, не мог примириться с мыслью, что он сдаст Москву Наполеону.

Это не то, что сдать крепость Рущук, чтобы потом вернуть ее, и даже не сдача Вены. Речь шла о существовании родной столицы, о существовании русского государства, о судьбах русского народа. Москву надо было защищать.

К этому решению вели не только мысли Кутузова в тот час на Поклонной горе – на этом настаивали почти все окружавшие Кутузова командиры, для которых хотя и было ясно, что на позиции, избранной Беннигсеном, драться невозможно, но еще более невозможным казалось сдать Москву без сражения.

И все же мысль полководца Кутузова пробивалась к единственно верному решению. Истина точно мерцала вдали, скрываемая разноречивыми доводами и соображениями. Но мысль полководца двигалась к истине могучими усилиями ума и сердца. Она отвергала все препятствия – волю царя, с которым он теперь вступил в открытую борьбу, заботу о личной славе, даже мнение народа и армии. Полководец точно поднимался над Поклонной горой, над позицией под Москвой. Он видел перед собою не только Москву, но и всю Россию, не только позицию под Москвой, но и весь гигантский театр военных действий, где могли быть решены судьбы войны.

Москва должна быть сдана.

Кутузов знал, что народ решил защищать Москву, но надеялся, что сдача Москвы не обескуражит русских людей, а, наоборот, вызовет в них новые силы, еще большую готовность к борьбе, и в этом будет залог успеха. Он знал, что вся армия готова погибнуть под стенами Москвы, но знал также, что армия уже потеряла массу солдат и много командиров. Он должен выиграть время, чтобы пополнить армию, готовить ее к новым боям.

Кутузов-полководец решал и как замечательный политик и дипломат, неизменно учитывавший психологию солдат армии противника, острым умом проникавший в замыслы ее полководца, в обстановку, сложившуюся в Европе. Он верил, что

страшный удар, нанесенный под Бородином, скажется позднее и Бородино в судьбе России будет победой. Глубокое понимание природы войны подсказывало Кутузову, что война вступает в решающий этап, но что нужно еще время и время.

И он, мудрый, всегда неторопливый, решил ждать и не форсировать событий. Но ожидать, не полагаясь на произвольный ход событий и не подчиняясь воле Наполеона и его действиям, а маневрировать так, чтобы поставить свою армию в безопасное положение и самому получить свободу действий.

Маневр надо прикрыть военной хитростью, которая столько раз помогала ему, надо обмануть Наполеона, ввести в заблуждение относительно своих замыслов и скрыть эти замыслы даже от своего штаба, которому Кутузов, за исключением отдельных командиров, окончательно перестал доверять. Если он раньше шутливо говорил, что «подушка, на которой спит полководец, не должна знать его мыслей», если всю жизнь это было для него правилом, то теперь он уже не сомневался, что Беннигсен и его компания разболтают любой его секрет, выдадут самую сокровенную военную тайну.

Решая сдать Москву без боя и скрывая свои замыслы, он не только оправдывался перед царем, народом, армией, а, наоборот, усугублял «вину», оставив себя без защиты от гнева императора Александра, дав широкий простор для клеветы Беннигсена, Ростопчина и других.

Но Кутузов пошел и на это ради спасения родной страны.

Сдача Москвы противнику была величайшей трагедией русского народа, русской армии, мучительной трагедией полководца Кутузова.

Стоя на Поклонной горе, он смотрел на Москву, огромную и величественную, сверкавшую под лучами холодного сентябрьского солнца, и молча слушал, как окружавшая его свита обсуждала позицию, избранную Беннигсеном.

Барклай, всегда все сам проверявший, несмотря на мучившую его жестокую лихорадку, сел на коня и объехал позицию. Вернувшись, он указал Беннигсену на невозможность обороняться в избранной позиции и доложил об этом Кутузову.

Беннигсен сделал вид, что изумлен этим открытием, обещал еще раз осмотреть местность, но этого не сделал.

Кутузов послал на рекогносцировку Ермолова и Толя, спросил, можно ли отойти с этой позиции на Калужскую дорогу, и уехал в Фили, где в пять часов собирался военный совет.

Совет начался с опозданием. Все ждали Беннигсена, который вместо рекогносцировки обедал и на совет не торопился. Борьба между ним и Кутузовым вступала в решающий этап, и все его

действия были направлены к тому, чтобы дискредитировать Кутузова. Беннигсен решил настаивать на новом генеральном сражении под Москвой.

Он мог действовать без проигрыша. Если победит русская армия, он припишет победу себе, а за поражение все равно ответит главнокомандующий. К тому же дело шло о чуждых для него интересах чужого ему народа в чужой для него стране. И на совете Беннигсен поставил вопрос: «Сразиться ли под стенами Москвы или сдать ее неприятелю?»

Кутузов сердито прервал его, указав, что такой вопрос обсуждаться не может, что обсуждать нужно вопрос: следует ли рисковать всей армией, расположенной на невыгодной позиции, или сдать Москву без боя?..

Мнения разделились. Пользуясь разногласиями, Беннигсен стал настаивать на своем.

– Мы те же русские! – с притворным пафосом восклицал иностранный наемник. – И будем сражаться так же храбро, как и прежде.

На Беннигсена не подействовали доводы Барклая и других генералов, но его отрезвило вежливое, но полное глубокого сарказма напоминание Кутузова о Фридланде.

Русский полководец напомнил Беннигсену, как он уже под Фридландом завел русскую армию в точно такое же положение, поставив ее тылом к обрывам реки Алле. Здесь же, под Москвой, были крутые берега Москвы-реки. Там позиция была разрезана оврагом, здесь – речкой Карповкой. Там, на виду Наполеона, Беннигсен повел под его удары русскую армию, лишив ее своими распоряжениями возможности маневрировать, действовать резервами, сдерживать противника на естественных преградах и на худой конец отойти. Он обрек русскую армию на поражение, и тысячи ее солдат погибли от артиллерийского огня на улицах горящего Фридланда и в волнах реки Алле. Это не повредило генеральской карьере Беннигсена, и, пользуясь благосклонностью Александра, он опять звал русскую армию на погибель.

Более страшного аргумента, чем напоминание о Фридланде, не потребовалось, и Беннигсен умолк. А Кутузов продолжал говорить о том, что с потерей Москвы еще не потеряна Россия, что русский народ идет на беспощадную борьбу, он готов на любые жертвы ради спасения России, но сейчас для нанесения решающего контрудара надо сначала отойти по Рязанской дороге. Наконец. Кутузов тихо произнес тяжелые и решающие слова: – Приказываю отступать.

Молча покидали генералы военный совет и, не глядя друг на друга, разъехались по корпусам. Кутузов остался один. Никто так

и не узнал, что пережил он в эту ночь. Говорят, что иногда из его комнаты доносились глухие, сдерживаемые рыдания. Лев Толстой, гениально раскрывший глубину человеческих чувств, остановил свое перо и поставил многоточие там, где начал говорить о своих переживаниях Кутузов. Страшные часы переживает полководец, когда он должен решить не только свою судьбу, но когда от его слова зависит жизнь десятков, сотен тысяч людей, зависит судьба его народа и государства.

Мы можем только представлять себе, что пережили в эту ночь Кутузов и близкие ему люди.

«…Я ехал в отдалении от командира корпуса, – писал адъютант Раевского, – недоумевая, почему он, всегда приветливый, сегодня не ответил мне на вопрос, что решил военный совет. И вдруг в ночной тишине я услышал, как наш любимый герой сражений глухо зарыдал. Страшная мысль „неужели Москву сдают?“ обожгла сознание, сомнений не оставалось».

Весть о сдаче Москвы обожгла сознание всей армии. В некоторых корпусах отказывались верить приказам отступать, в штабах говорили об измене.

Армия покидала Москву, но солдаты считали, что их ведут через Москву в обход атаковать армию Наполеона. Они двигались по затихшим улицам мимо безмолвных жилищ.

Обитатели Москвы частью выехали из города, частью собрались на Воробьевых горах и в Кремле, чтобы участвовать в сражении, или ждали его, находясь дома, уверенные, что противника не пустят в город. Но весть о том, что Москву сдают, донеслась и к ним.

Толпы народа хлынули вслед за армией. Люди покидали дома, несли детей, тащили стариков и больных. В Москве оставались тысячи русских раненых, которых не успели эвакуировать, и на улицах разыгрывались душераздирающие сцены. Всю ночь в глубокой тревоге и унынии армия двигалась через Москву, и на рассвете прошли последние ее полки. Кутузов подъехал к Дорогомиловской заставе, чтобы миновать Москву.

– Проводи меня так, чтобы мы ни с кем не встретились, – обратился он к ординарцу.

Они проехали бульварами и появились у Яузского моста. Здесь произошла встреча Кутузова с Ростопчиным. Решение Кутузова сдать Москву свело на нет и без того беспочвенные, хвастливые заверения Ростопчина, что он-де будет сам отстаивать столицу. Теперь все усилия этого мелкого человека, «сумасшедшего Федьки», как звала Федора Ростопчина Екатерина II, свелись к тому, чтобы всю вину свалить на Кутузова и

клеветать, чернить его, насколько хватит сил.

Здесь, на мосту, он пытался укорять Кутузова, объясниться с ним, но Кутузов отвернулся, приказал очистить мост и поехал дальше. Он остановил дрожки у старообрядческого кладбища, пропуская мимо себя русскую армию.

Сгущался сумрак. Над опустевшей Москвой плыл звон колокола. Слепой пономарь кладбищенской церкви, для которого не существовало событий, медленно и ритмично дергал за веревку. Толь доложил, что французы уже вступили в Москву, но фельдмаршал, опершись рукой на колено, был в глубоком раздумье и ничего как будто не слышал.

В этот момент к нему подъехал знаменитый партизан капитан Фигнер. Он доложил, что приказание Кутузова выполнено и на квартире Фигнера собраны люди для выполнения тайного приказа полководца, сложены ракеты и зажигательные вещества.

– Москва запылает в первую же ночь, – закончил свой доклад Фигнер.

Кутузов обнял Фигнера и тихо произнес:

– Москва станет последним торжеством Бонапарта. Замыслов Кутузова никто не понял и теперь. Ростопчин доносил царю, рисуя Кутузова предателем Москвы, а Беннигсен доносил так, что Кутузов казался помешанным стариком.

Государственный совет требовал прислать протокол совещания в Филях и объяснения, почему Москва сдана без сражения.

Царь запрашивал, что привело Кутузова к «столь несчастной решимости».

Кутузов не отвечал, и впоследствии перепуганный император истошно завопил из Петербурга: «Князь Михаил Илларионович! Со 2 сентября Москва в руках неприятеля… на вашей ответственности остается, если неприятель в состоянии будет отрядить значительный корпус на Петербург. Вспомните, что вы еще обязаны ответом оскорбленному отечеству в потере Москвы…» Кутузов не ответил и повел армию дальше по Рязанской дороге, так и оставив открытой дорогу на Петербург.

Разные слухи ползли в народе, забирались в армию.

Появилась опасность, что армия и парод могут усомниться в успехе войны, а это означало катастрофу.

Монахтин, узнав о падении Москвы, в гневе сорвал повязки со своих ран и умер. Не пережил падения Москвы и Багратион. Из Владимирской губернии, куда его отвезли на излечение, он продолжал слать в Москву своей армии указания, советы, запросы и не получал ответа. Офицер, которого он лично послал к

Дохтурову, не зная, что от Багратиона скрывают падение Москвы, сказал ему об этом. В страшной тревоге вскочил Багратион с кровати, забыв о раздробленной ноге, и тут же упал в обморок. Наступила агония и смерть.

Даже мужественный и честный Барклай заколебался. «Благодарите бога, что вас отозвали отсюда, у нас здесь нельзя ожидать ничего дельного…» – сказал он отъезжавшему в Петербург Клаузевицу.

В глубоком раздумье смотрел Кутузов на ночной небосклон, озаренный заревом пожара Москвы. Мимо него двигались обозы, толпы людей. Порою холодный сентябрьский ветер приносил пепел и запах пожарища, шевелил седыми волосами полководца, и никто тогда не знал, какие думы обуревают его старую голову, какие чувства волнуют сердце, по каким путям поведет он народ, русскую армию к спасению России. Великий полководец по-прежнему хранил невозмутимое молчание.

Ни русский народ, ни русская армия, ни Кутузов неповинны в сдаче Москвы. Россия была феодальной страной, и сдача Москвы – вынужденная жертва, принесенная в дань российской отсталости. Великая жертва, принесенная ради великой победы над врагом.

Велик героизм всего русского парода, велик талант Кутузова, и огромны были жертвы, которые сделали Россию победительницей в неравной войне 1812 года.

На то же место, где стоял на Поклонной горе Кутузов, прибыл со штабом Наполеон.

– Наконец! Вот он, знаменитый город! – вырвалось восклицание у Наполеона.

Да и пора уже: все усилия, все тяготы, все жертвы были позади, а цель, великая цель всей жизни, к которой он стремился столько лет, наконец, достигнута – Москва у ого ног!

Последние русские солдаты покинули Москву, преследуемые авангардом Мюрата. Армия Кутузова была единственной реальной силой, которую надо было разбить, чтобы овладеть Москвой, но Кутузов побоялся нового сражения и где-то бежит со своей деморализованной армией, а он господином положения, победителем стоит на Поклонной горе, на вершине своих самых дерзких мечтаний…

Начиная войну с Россией, он имел в виду прежде всего весьма определенные выгоды. Он хотел победить Россию и сокрушить Англию. Но иногда наиболее близким людям он высказывал и другие, неизмеримо дальше идущие мечты.

– У меня хранится карта, – говорил он Нарбонну, – на которой указаны средства народов и пути, по которым можно

пройти от Эривани и Тифлиса до английских владений в Индии… Представьте себе, что Москва взята, Россия сломлена, с царем заключен мир или он пал жертвой дворцового заговора; что, может быть, явится новый, зависящий от меня трон, и скажите мне, разве есть средство закрыть отправленной из Тифлиса великой французской армии и союзным войскам путь к Гангу? Разве недостаточно прикосновения французской шпаги, чтобы во всей Индии обрушились подмостки торгашеского величия?..

Но и этого ему было мало. Воюя с Россией, он одновременно занимался Египтом и Сирией, откуда посланные им люди присылали ему сведения об этих странах.

Став хозяином в завоеванной России, он будет хозяином Черного моря, и если раньше турки, побежденные русской армией, отказались от предписанной им роли в войне 1812 года, то теперь он продиктует свою волю Оттоманской империи в Константинополе, он проникнет в Азию, покорит ее слабые народы, и тогда… император Запада будет и господином Востока, повелителем мира.

Не для этого ли в его личном обозе везли тщательно укрытые, специально охраняемые повозки, где хранились его статуя, которую он собирался установить в Кремле, и драгоценные императорские регалии!

Полушутя-полусерьезно жаловался он своим приближенным, что не может заставить народы почитать себя как бога…

– Я явился слишком поздно, – говорил он, – нельзя свершить ничего великого. Согласен: карьера моя хороша.

Я прошел прекрасный путь. Но какое различие с древностью! Вспомните Александра Македонского: когда он завоевал Азию и объявил себя сыном Юпитера, ведь, за исключением Олимпии, которая знала, как к этому относиться, да еще Аристотеля и нескольких афинских педантов, ему поверил весь Восток! Ну, а если бы мне пришло в голову объявить себя сыном предвечного и воздать себе преклонение в качестве такового? Ведь последняя торговка захохочет мне в глаза. Нет! Народы теперь слишком просвещенны!

Он говорил об этом раньше полушутя, но теперь в том, что он властелин мира, стоя на Поклонной горе над покоренной Москвой, Наполеон ни на минуту не сомневался.

Осталось только разыграть сцену принятия ключей от Москвы, сцену, которую он так любил и к которой он привык в Европе.

Он принимал ключи Берлина и ключи Вены, ключи итальянских городов и ключи Лиссабона и многих других крепостей и городов, но шел час… другой… третий, а ключей от

Москвы ему не несли. Москва была пуста.

Русские люди не понесли «властелину мира» ключей от своей столицы.

Он вспомнил, что так же, как пуста Москва, был пуст Смоленск, были пусты самые глухие русские деревушки почти на всем его пути от Немана. Но он еще не понимал, да и не мог бы примириться с мыслью, что его свергают в бездну. По одному мановению руки императора французские корпуса двинулись вперед и несколькими потоками вливались в улицы Москвы. Сам он поселился в Кремле и спокойно уснул сном победителя.

Страшно было его пробуждение.

В окна кремлевского дворца било зарево пожара. Наполеон вскочил. Мамелюк подал ему одежду, но сапоги полетели в лицо любимому лакею, а император, босой, полуголый, кинулся к окнам, выходящим на Красную площадь. На Красной площади горели торговые ряды. Он кинулся к окнам, выходящим на Москву-реку, и увидел, как, охваченное огнем, пылало Замоскворечье.

Одевшись, он вышел на кремлевский двор, стал отдавать распоряжения потушить пожар, но все было напрасно.

– Какое ужасное зрелище! Это сами они поджигают, – произнес он. – Сколько прекрасных зданий, какая необычайная решимость! Что за люди! Это скифы.

Огонь подступал все ближе, и маршалы уговорили Наполеона бежать. Они едва прорвались сквозь горевшие улицы и благополучно добрались до Петровского дворца.

Но Наполеон не знал тогда, что еще более страшный для него пожар, в котором погибнут его армия и его слава великого полководца, разгорается за стенами Москвы. Как пожар, разгорается партизанское движение, разгорается народная война, свергнувшая в бездну высоко забравшегося захватчика…

После пожара Москвы, бушевавшего несколько дней и уничтожившего почти всю столицу, Наполеон возвращался в Кремль. По сожженным улицам бродили его солдаты, продолжавшие грабить, не обращая внимания даже на него – их грозу и кумира. Это потрясло Наполеона. Он отдавал приказ за приказом, но дисциплина армии, основа ее боеспособности, падала на его глазах, и он не в силах был остановить этот разрушительный процесс.

– Где же Кутузов и его армия? – стал тревожиться Наполеон.

Он потребовал ответа у Мюрата, и тот приказал своему авангарду, преследующему Кутузова по Рязанской дороге, разбить арьергард, прикрывающий русскую армию, и разведать ее главные силы. Командовавший авангардом Себастиани выполнил

приказ. Арьергард Кутузова был отброшен, но… оказывается, он никого не прикрывал. Русской армии за ним не было. Семидесятитысячная армия исчезла средь бела дня. Мюрат метался в поисках несколько дней, не решаясь донести Наполеону, что он потерял всю русскую армию, потерял и не может найти, как иголку в стоге сена.

Кутузов завершил свой гениальный марш-маневр. Дойдя до Красной Пахры, Кутузов приказал арьергарду отходить все дальше и дальше на Рязань, заманивая за собой французов, а сам со всей армией быстро и скрытно свернул с Рязанской дороги и пошел на Калужскую дорогу, став близ деревни Тарутино, угрожая коммуникациям французской армии.

Сдача Москвы и последовавший за ней гениальный марш-маневр – вершина полководческого искусства Кутузова.

Вся сущность и многообразие полководческого таланта Кутузова выявились здесь с наибольшей яркостью. Он понимал природу войны, предвидел дальнейший ход операций. Он верил в силы своего народа, русской армии, он проникал в замысел противника и противопоставлял ему свой замысел. Замечательным маневром, разумно организованным маршем он занимал стратегически выгодное положение. Свой замысел он прикрывал военной хитростью и глубокой военной тайной. Мудрый и осторожный, он стремился к победе малой кровью, сберегая жизни солдат и командиров. Он осуществлял свои решения с огромным упорством и гибкой последовательностью, не щадя своей жизни и благополучия, оставив нам замечательный пример мужества и ответственности перед родиной.

Отходы Кутузова – это маневр, направленный к выигрышу времени и пространства для решительного удара. Так было под Рущуком, Кремсом и, наконец, под Бородином. Не «генерал ретирад», как это пытались изобразить враги или не понявшие его историки, а полководец, сущностью искусства которого был широкий стратегический маневр вне поля боя, переход от обороны к наступлению и разгром противника в то время, когда все данные для успеха были на стороне неприятеля. И только теперь, когда, совершив изумительный марш-маневр к Тарутину, Кутузов создал реальную угрозу французам, все поняли, что полководец был прав.

Теперь вспомнили слова Кутузова о том, что «самой сдачей Москвы я приготовлю гибель Наполеону», что «армия французская рассосется в Москве, как губка в воде»; вспомнили, как убеждал он, что Москва сдана за Россию, а Россия там, где русский народ, обещал, что заставит французов питаться кониной, как год назад заставил это делать турок. Тогда на все

эти слова Кутузова не обращали внимания, а они были пророческими.

Теперь стало всем ясно, что отходить сразу по Калужской дороге означало поставить армию под разгром с флангов и что движение на другие дороги стратегических выгод не сулило, в то время как маневр на Рязанскую дорогу, прикрытую по условиям местности с флангов, уводил русскую армию, особенно до перехода Москвы-реки, от опасности. Это сближало ее с армиями Тормасова и Чичагова. Стало ясно, что неожиданное появление армии на Калужской дороге преграждало Наполеону путь в южные губернии России, к оружейным заводам Тулы и Брянска и ставило под удар основную коммуникацию Наполеона на Смоленской дороге.

В ходе войны 1812 года обозначился перелом.

ГЛАВА V

Лагерь русской армии расположился у деревни Тарутино за небольшой болотистой рекой Нарой. Кутузов хотел дать войскам отдых, накопить новые силы.

Народ поднялся на войну с иноземными захватчиками, и к лагерю подходили все новые и новые вооруженные отряды. Кутузов решил пока не тревожить Наполеона, не вызывать его на новые бои, а, наоборот, успокоить своим якобы бездействием.

Но полководец снова оказался не понятым императором Александром и его приспешниками. Александр видел, что Наполеон спокойно сидит в Москве, дорога на Петербург остается открытой, а русская армия «бездействует» у Тарутина, и, не разобравшись в новой стратегической обстановке, он настаивал, чтобы Кутузов дал сражение Наполеону. Царь давно бы заключил мир с Наполеоном, на что его толкали брат Константин, царица-мать и небольшая группа дворян, сторонников мира. Но царь боялся.

Никогда еще с той ночи, когда в соседней комнате душили его отца, не переживал Александр такой тревоги, как сейчас.

В годовщину своей коронации он побоялся даже ехать верхом в Казанский собор и поехал в закрытой карете. Толпы народа встретили царя суровым молчанием.

«…Никогда не забуду тех минут, – писала придворная дама графиня Эдлинг, – когда мы поднимались по ступеням в собор, следуя среди толпы. Не раздалось ни одного приветствия. Можно было слышать наши шаги, и я нисколько не сомневалась, что достаточно было малейшей искры, чтобы кругом все воспламенилось. И, взглянув на государя, поняла, что происходит в его душе, и мне показалось, что колени подо мной подгибаются…»

И теперь, когда мелькала мысль о заключении мира с Наполеоном, перед Александром снова появился призрак задушенного отца. Он гнал от себя мысль о мире, потому что отлично помнил, как Павла умертвили русские дворяне, интересы которых Павел нарушил, заключив союз с Наполеоном.

Александр смог бросить свою армию, когда Наполеон вторгся в Россию; он был пассивен, когда враг занимал одну губернию за другой. Но когда под царем зашатался трон, когда под ударом оказалась личная судьба, Александра охватил животный страх. Вся царская семья приготовилась к бегству из Петербурга. Старая царица, уверенная, что Наполеон возьмет Петербург, заставила всех заниматься вопросом, куда увезти одну из царевен, которая

должна родить.

Было приказано эвакуировать из Петербурга все, включая архивы и даже памятник Петру I на Сенатской площади.

Царь часами бродил по каменноостровским рощам, хватался за библию и погружался в чтение. Он говорил окружающим, что нашел в библии свое утешение, клялся, что отрастит бороду, уйдет в Сибирь. И чем больше росла тревога в душе Александра, чем настойчивее Константин и царица требовали заключения мира, тем настойчивее царь заставлял Кутузова сразиться с Наполеоном и закрыть дорогу на Петербург. Но Кутузов не двигал свою армию с места. Теперь у Александра была к нему не только зависть незадачливого полководца, не только неприязнь царя к генералу, который воспитывает армию, игнорируя царские указы. Он испытывал к Кутузову жгучую ненависть. Ему казалось, что своим бездействием Кутузов ставит под удар личное благополучие царской семьи. Отношения между царем и главнокомандующим все больше и больше обострялись. Пользуясь этим, царский ставленник Беннигсен продолжал порочить старого генерала.

Удалить Кутузова из армии царь на этот раз побоялся. Он это легко делал в 1805 и 1811 годах, когда война заканчивалась, но сейчас наступил самый критический момент войны, и прогнать Кутузова, за которым стояли армия и народ, он не решался. К тому же в тайном военном совете в Петербурге нашлись люди, понимавшие лучше царя, что Кутузов не бездействует, и на донос Беннигсена член совета Кнорринг ответил: «Каждый день его „бездействия“ стоит победы!»

Сидя в сожженной Москве, Наполеон ждал, что русские сами предложат мир.

Однако русские парламентеры не появлялись. Надо было что-то решать самому. Наполеон решил первым заговорить о мире. Он делал это через оставшихся в Москве директора воспитательного дома Тутолмина и московского дворянина Яковлева – отца А. Герцена. Александр не отвечал.

Одновременно Наполеон старался прочно обосноваться в Москве. Из оставшихся в Москве дворян и купцов был создан Московский муниципалитет, но он не смог наладить жизни в сожженной Москве и почти никакой роли не играл. В Москве голодало не только население, но и наполеоновская армия. Были сделаны попытки наладить снабжение из окрестных деревень, но крестьянство оставалось непримиримым, и были случаи, когда крестьяне убивали не только французских фуражиров, но и своих односельчан, если они вступали в сделку с врагом. Не было сражений, но были донесения о разгроме целых отрядов,

посланных на фуражировку или следовавших в Москву на пополнение армии Наполеона. Французская армия находилась точно в осаде. Регулярные части, казаки, партизаны, местами все население лишали французскую армию возможности питаться и жить за счет народа, как это было в Италии, Австрии, Пруссии и что составляло одну из важнейших основ стратегии Наполеона.

Привыкшая паразитически существовать контрибуциями, налогами, грабежами, лишенная подвоза и снабжения, армия Наполеона не смогла правильно использовать даже те запасы, которые остались в Москве, а их было довольно много.

Расчетливый Даву писал, что он обеспечен питанием я войска его отдохнули, отдохнула и гвардия. Но были части, которые голодали, дрались за право мародерствовать в том или ином районе Москвы; солдаты дезертировали, дисциплина падала, армия разлагалась.

Дарю посоветовал превратить Москву в укрепленную крепость, подвезти резервы и с весны начать новую кампанию.

– Это совет льва! – воскликнул Наполеон, но все же от него отказался, понимая, что зимовка в Москве, окруженной вооруженным крестьянством, приведет его армию к гибели.

Наполеон задумал новый грандиозный план и объявил маршалам, что решил сжечь остатки Москвы и идти через Тверь в Петербург.

– Подумайте, – воодушевлял он маршалов, – какой славой покроем мы себя и что скажет весь мир, когда он узнает, что в течение трех месяцев мы покорили две великие северные столицы!

Маршалы угрюмо молчали, а Даву и Дарю напомнили ему о зиме, голоде и опустошенной дороге. Этот план был так же невозможен, как и план зимовки в Москве.

Наполеон не понял России и ее народа, хотя знал о ней все, что могли сообщить его шпионы. Он не понимал, почему взятие Вены и Берлина приносило ему мир, а Москва принесла новые бедствия. Честолюбие мешало признать себя побежденным.

Долгими часами император Франции шагал по залам кремлевского дворца в поисках выхода из создавшейся обстановки.

Неподвижную тишину дворца нарушал доносившийся сюда пронзительный крик ворон, которые неисчислимыми стаями кружились над Кремлем.

За окнами лил осенний дождь, ветер крутил пепел пожарища, на улицах валялись кучи хлама, разбитой домашней утвари, и по небу плыли, чуть не цепляя колокольню Ивана Великого, тяжелые, темные осенние тучи.

Наполеон чувствовал себя точно в плену. Он волен и в то же время бессилен что-нибудь предпринять. Иногда ему казалось, что все же он повелитель Европы и отсюда, из кремлевского дворца, будет диктовать свою волю вселенной. И вдруг становилось ясно, что он не император мира, а точно сторож сожженной Москвы, и сторожить пожарище его, императора Франции, заставил старый фельдмаршал Кутузов.

Вечером после докладов маршалов и начальника штаба Бертье Наполеон уезжал в организованный им театр. Но спектакль не мог рассеять тревожных мыслей. Могильщики в шекспировском «Гамлете» показались ему веселей патрульных, ночью бродивших по Москве, один из которых, осветив его тусклым фонарем, не отдал даже чести императору. «С соболезнованием видит император, – писал Лефевр, – что отборные солдаты, предназначенные охранять его особу, не повинуются». Но приказы уже не помогали.

Однако Наполеон продолжал разыгрывать роль победителя. Он приказал заготовить провиант на всю зиму, занимался театральными делами Парижа, утверждал устав театра «Комедия».

Восторженные наивные поклонники Наполеона восхищались его способностью наряду с ведением войны заниматься десятками других дел, не понимая, что это был блеф, рассчитанный на то, что и своя армия и русская поверят в победу Наполеона, в то, что французская армия осталась в Москве надолго и прочно. Но миновал сентябрь, наступил октябрь, а ответа на предложение о мире не было.

Два раза писал Наполеон приказы о выступлении из Москвы и два раза сжигал их. Он приказал снять крест с колокольни Ивана Великого, чтобы водрузить на крышу инвалидного дома в Париже, говорил, что Париж станет столицей мира. Он призвал к себе бывшего посла в России Коленкура, чтобы послать его с предложением о мире, но и ему сказал, что делает это ради спасения Петербурга, который будет разрушен, если русские не пойдут на мир. Коленкур мужественно сказал императору правду, что Россия на мир не пойдет. Тогда Наполеон послал в штаб Кутузова Лористона. Прощаясь с ним, Наполеон не выдержал. Он чувствовал безвыходность положения, боялся потерять последнюю возможность спасения, и вместо обычной бравады Лористон услышал беспомощную мольбу:

– Я хочу мира, мне нужен мир, нужен во что бы то ни стало, спасайте только честь…

Лористон спешно выехал в Тарутино.

Но, посылая своего посла, Наполеон «не думал о том, что

заключать мир с ним будет русская нация, а не царь», – писал Франц Меринг.

Выражая волю своей нации, Кутузов не шел на мир с Наполеоном. Он встретил Лористона изысканно вежливо, принял у него два письма – одно для Александра, другое для себя – и, положив их на стол, завел беседу с послом о погоде и музыке, о парижских женщинах.

Лористон, прервав фельдмаршала, высказал надежду, что курьер с письмом для Александра двинется в Петербург сегодня же. Но Кутузов посмотрел в окно и ответил, что на ночь глядя посылать нет смысла. Тогда Лористон предложил, чтобы сократить путь курьеру, послать его через Москву, обещая пропуск, но Кутузов ответил, что русские сами знают дорогу в свою северную столицу, и возобновил прерванный разговор.

Теряя терпение, Лористон прямо предложил Кутузову прочесть письмо, адресованное Наполеоном ему лично. Кутузов вскрыл конверт, прочел письмо, затем опять заговорил о французских женщинах, о Париже, который он когда-то посетил, и Лористон почувствовал, что русский полководец играет им самим и его императором и в его старческих пухлых руках теперь не только письмо, на которое он волен отвечать и не отвечать, но и судьба французской армии, судьба Европы.

Забыв о выдержке, французский дипломат прямо заявил, что Наполеон предлагает кончить войну.

– Кончить войну? – переспросил Кутузов. – Да ведь мы ее только начинаем…

И великий русский полководец, дипломат и политик дал понять Лористону, что он знает состояние французской армии и положение самой Франции, знает, что французы терпят поражения в Испании и что европейские дела тревожат Наполеона, а на упрек Лористона, что война ведется «не по правилам» и нельзя убивать французских фуражиров, Кутузов ответил, что не может изменить настроение народа, который более двухсот лет не видел на своей земле завоевателей. Так же невозмутимо, как всегда, ощущая за собой силу народа, Кутузов волю свою противопоставил воле метавшегося в Москве Наполеона, и воля Кутузова опять оказалась сильней.

Он не отказывался от переговоров, рассчитывая, что этим еще дольше удержит французов в Москве и продлит отдых своей армии, но отказался от каких бы то ни было обещаний.

Так ни с чем и уехал Лористон. Наполеон понял, что надо отступать. Но своим маршалам он говорит не об отступлении, а о наступлении на русскую армию, не о бегстве из России, а о зимовке в Смоленске, где-то на Днепре, чтобы с весны

возобновить войну. Он не спешил покидать Москву, устраивал смотры корпусам своей армии. Во время одного из парадов к нему примчался адъютант с тревожной вестью: выдвинутый к лагерю Кутузова Мюрат разбит у Тарутина и отошел, потеряв 1500 человек.

– Мы пойдем на Калугу, и горе тому, кто преградит нам путь! – говорил Наполеон.

Это была еще действительная угроза. Наполеон вел за собой стотысячную армию, еще боеспособную и сильную. В ней поредела кавалерия, убавилось пушек, но пехота способна была наносить мощные удары. Многие считали, что силы Наполеона иссякли и французская армия уже не представляет опасности. Но Кутузов знал, с кем имеет дело, и когда какой-то офицер пошутил над Наполеоном, Кутузов сурово оборвал его:

– Молодой человек, кто тебе позволил так отзываться о величайшем полководце?

Предстояло еще раз столкнуться с неприятелем, и Кутузов деятельно готовился к этому. В первый же день пребывания в Тарутинском лагере он затребовал для армии полушубки, обозы с провиантом, сюда же приказал направлять партии рекрутов. Он накапливал силы для решающего удара и каждый день отдыха войскам отстаивал с величайшим для себя риском в борьбе с царем и Беннигсеном. Сдав Москву, он мужественно и просто написал об этом царю и больше не вступал ни в какие объяснения, уверенный в том, что каждый день пребывания Наполеона в Москве ослабляет французскую армию, что Наполеон не усидит в Москве, а вынужден будет бежать не только из Москвы, но и из России. Когда же ему окончательно досадили советами и упреками, что бездействие русской армии беспокоит царя и Россию, он резко и в последний раз объяснил:

– Дело надо вести к тому, чтобы спасти Россию, а не к тому, чтобы ее успокоить.

Уверенность полководца в правильности избранного им пути опиралась на гениальный стратегический анализ обстановки, сложившейся в Европе, в Москве, в Петербурге и деревнях. Кутузов учел психологию военачальника враждебной армии и свой опыт борьбы с ним под Браунау, Аустерлицем, Бородином.

Уверенность Кутузова в правильности избранного пути покоилась на вере в свою армию, в свой народ, который поднялся на борьбу. В Тарутинский лагерь прибывали сотни людей, но с разными целями шли они к Кутузову и по-разному участвовали в войне 1812 года. Шли иногда просто убедиться, что русская армия существует и может продолжать войну, ибо после сдачи Москвы и распространения панических слухов из Петербурга

многим казалось все погибшим. В Тарутино нахлынули купцы, развернувшие бойкую торговлю. Прибыло духовенство благословлять русское оружие и предавать анафеме Наполеона. Приехали помещики, чтобы потребовать, если удастся, возмещения убытков за разоренные войной имения, и пришли крестьяне за оружием для борьбы с врагами родины.

Дворянство кричало о патриотизме, о любви к отечеству, а на деле «гостиные наполнялись патриотами – кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто отказался от лафита и принялся за русские щи; заговорили о Минине и Пожарском, стали проповедовать народную войну, сами, однако, собираясь на долгих отправиться в дальние саратовские деревни… Кричали о народном ополчении и сдавали в армию людей пожилых, с телесными недостатками, плохого поведения».

Эти «патриоты» говорили о жертвах и требовали возместить убытки за вытоптанный урожай и за разлетевшихся при пожаре Москвы канареек, за разбитые четыре кувшина сливок, за серебряные оклады с икон и пропавшие при бегстве из Москвы чулки и шемизетки.

Не это дворянство решало исход битв и не купечество, «сдиравшее за ружье 80 рублей вместо 15, за саблю – 40 рублей вместо 6». Сам Ростопчин писал, что «всяк, бежавший из Москвы купец, беглый поп и малодушный дворянин, почитает себя героем». Не они были героями, не они вели народную войну. Только часть дворян ходила в героические атаки на Бородинском поле, лучшие из них стали декабристами.

Шестнадцатилетним мальчиком будущий декабрист Муравьев скрылся из дому, чтобы участвовать в борьбе с французами.

«…Пойти парламентером, чтобы всадить Наполеону в бок кинжал», стремился будущий декабрист Лунин. Они пошли с русским народом, поняв «дух народный». На вопрос царя, каков «дух народный», декабрист Волконский отвечал:

– Каждый крестьянин – герой, преданный отечеству и вам.

– А дворянство?

– Стыжусь, что принадлежу к нему, было много слов, а на деле ничего…

Не царю был предан русский крестьянин. Устами однодворца Курской губернии, осужденного синодом к вырыванию ноздрей, палочным ударам и каторге за слова: «Государь проспал Москву и всю Россию», – крестьянин сказал, кому он предан. Он был предан своей родине, разоряемой вторгнувшимися завоевателями. За родину он поднялся на борьбу с ними, убедившись, что

долгожданной свободы не несет и Наполеон. Наоборот, он вооруженной силой поддерживает помещиков против крестьян.

Наполеон вел захватническую, грабительскую войну, он не только штыками поддерживал крепостнический гнет, но покушался на национальную независимость русского народа, нес русскому народу бедствия и разорение.

В. И. Ленин писал, что «…войны великой французской революции начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционны: защита великой революции против коалиции контрреволюционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных, национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистические, породившие *в свою очередь* национально-освободительные войны *против* империализма Наполеона».[9]

Вот на эту национально-освободительную Отечественную войну и поднялся русский народ, мужественно и беззаветно защищая свое отечество, добровольно пополняя армию новыми тысячами рекрутов, вливавшихся в героические кутузовские полки. Из далеких донских степей в Тарутино пришли 26 казачьих полков, шли все новые и новые рекрутские пополнения.

Кутузова часто можно было видеть окруженным тысячной толпой крестьян, с которыми он вел беседы, указывал, как вести партизанскую борьбу.

В те дни Крылов написал свою басню «Волк на псарне». Знаменитый баснописец волком изобразил Наполеона, а ловчим – Кутузова.

Однажды перед собравшимися крестьянами Кутузов прочел эту басню и, читая последние слова: «Ты сер, а я, приятель, сед…», снял фуражку, открывая свои седины. Могучее «ура» прокатилось эхом над тарутинским полем. Каждый понял, какого волка зовет их травить старый, испытанный ловчий, и партизанские отряды кутузовской армии не давали покоя французам. Располагавшиеся в деревнях резервные партии просыпались в подожженных домах и, выбегая, гибли под ударами партизан. Крупные части наталкивались на разобранные мосты и заваленные дороги, конвой почти никогда не спасал обозы от захвата. Огромную роль в партизанской борьбе играли отряды Давыдова, Фигнера, Сеславина, Дорохова, Кудашева и другие, выделенные из кавалерийских и казачьих частей кутузовской армии, но не меньшую роль играли и партизанские отряды, которыми командовали выдвинутые крестьянами руководители.

Вот Герасим Курин, избранный вождем партизан Вохтинской волости, организовавший отряд в 6 тысяч крестьян, участвовавший с ним в серьезных сражениях. История сохранила имя старостихи Василисы, партизанившей в Сычевском уезде.

Талантливым организатором и командиром оказался рядовой Киевского драгунского полка Четвертаков. Крепостной помещика Черниговской губернии, он был сдан в солдаты в 1804 году. Не выдержав каторжных условий солдатской жизни, он бежал, был пойман, жестоко наказан розгами, опять собирался бежать, но началась война 1805 года, затем война 1806–1809 годов, в которых он выказывал замечательную храбрость. В арьергардном бою под Гжатском Четвертаков был ранен, взят в плен, выздоровел, бежал из плена и начал беспощадную партизанскую борьбу на территории, занятой французами.

Сначала за ним пошел только один крестьянин. Хитростью они захватили в плен двух конных французов. Вооружившись, убили еще нескольких. Скоро отряд Четвертакова вырос до 47, а затем до 150 человек, и, наконец, весь район поднялся под его руководством, очищая деревни от противника. Во всех волостях Четвертаков установил замечательный порядок, который поддерживался самими крестьянами. Все входившие в его отряд проходили специальную военную подготовку. Отнятые у пленных кирасы служили мишенями, на отбитых у французов коней он посадил партизан, создав кавалерийский отряд. В конце войны отряд Четвертакова соединился с регулярными частями.

Много было народных героев, подобных Курину, Четвертакову, чьи храбрость и талант во многом содействовали успеху войны.

Кутузов в гигантском масштабе объединил усилия войск с усилиями партизан и вел их к одной цели – к спасению России.

Удары армейских и крестьянских партизанских отрядов имели огромную стратегическую весомость. Наращивая силу бородинского удара, они были равны ему по стратегическим своим последствиям. Самые скромные подсчеты показывают, что за время пребывания в Москве французская армия потеряла свыше 30 тысяч убитыми и взятыми в плен, в то время как действовавшие в лесах партизаны почти не несли потерь.

Представим себе, что произошло бы, если бы Кутузов не совершил флангового тарутинского маневра и не опирался бы на поддержку партизан, которых он обучал военному делу, действиями которых он руководил.

У Наполеона были бы открыты сообщения с Европой, и, сидя в Москве, он имел бы полную возможность продолжать черпать из покоренных стран людские резервы и продовольствие. Он и

рассчитывал на это, устроив огромные магазины и склады в Данциге, Грауденце, Модлине, Варшаве, Вильно, Ковно, Витебске, Минске, Орше, Могилеве, Смоленске. Помимо резервов, которые могли выставить Франция и подвластные ей страны Европы, у Наполеона было под ружьем более семи корпусов, входивших в состав его армии. Они действовали на петербургском и украинском направлениях, находились в Польше, но большая часть их могла быть в Москве. Однако стратегия Кутузова сковала Наполеона и не дала ему возможности воспользоваться ни запасами, ни резервами. По оценке Клаузевица, находясь в Москве, французская армия, загнанная острым клином на 120 миль в глубь России, имевшая справа армию Кутузова в 110 тысяч солдат, оказалась к тому же окруженной вооруженным народом и не могла продержаться в Москве.

Этого Наполеон не предвидел, не веря в силу русских людей, не поняв характера русского народа, не поняв, что Россия непобедима, когда на ее защиту поднимается народ.

– Напрасно вы надеетесь на своих солдат, – говорил он русскому послу. – До Аустерлица они считали себя непобедимыми, теперь они заранее уверены, что мои войска побьют их. У вас не станет людей, где вы наберете рекрутов? Да и что значит ваш рекрут? Сколько времени нужно, чтоб из него сделать солдата!!

Наполеон не знал, что в петербургском ополчении крестьяне требовали, чтобы их учили воевать не только днем, но и ночью, используя свет белых ночей. И это ополчение громило отличные баварские войска и взяло Полоцк.

В трагические для Наполеона часы под Малоярославцем, убеждая его отступать, маршал Бесьер говорил:

– Разве не видели мы того неистовства, с которым русские ополченцы, едва вооруженные и обмундированные, шли на верную смерть?

То, что не предвидел Наполеон, предвидел Кутузов, и своим фланговым маневром и расположеньем у Тарутина и действиями он лишил противника подвоза из Европы, истреблял его живую силу. К Тарутину же из глубин России шли могучие резервы. Ополчения тульское, рязанское, калужское, владимирское, смоленское, московское составили армию в 200 тысяч человек, прикрывали рубеж реки Оки, окружили Москву, дрались всюду, где представлялась возможность.

Кутузов вооружал крестьян, несмотря на сопротивление помещиков. Помещики по-прежнему были против вооружения крестьян, и классовая борьба не прекращалась. Об этом свидетельствует восстание рекрутов в Пензенской губернии,

решивших побить французов и освободиться от крепостного права; об этом свидетельствует расстрел Бенкендорфом крестьян, занявших брошенное помещиком имение; об этом говорили сами крестьяне, которым, когда их призывали записываться в ополчение, неофициально, но с молчаливого согласия властей было обещано освобождение как награда за патриотизм; «с людьми, защищавшими Русь, нельзя-де обращаться, как с рабами…» – писал Маркс.

Крестьяне брались за оружие часто вопреки воле помещика, и их наказывали за уход в армию, как за побег, о чем говорит следующий документ: «Явившийся сего числа в присутствие для записи в ратники помещика Павла Вельского дворовый человек Евтих Михеев, как в отношении губернского предводителя обозначено, таковых людей без воли помещика не определять, то посему оный для поступления за побег по законам при сем к вам препровождается».

В этих условиях Кутузов писал царю, что он не только не удерживал население от вооружения, «но, напротив того, посредством дежурного при мне генерала Коновницына усиливал желания сии и снабжал их неприятельскими ружьями. Таким образом, жители получали ружья из главного моего дежурства».

Крестьяне объединялись, давали общую присягу не выдавать друг друга, жестоко наказывать трусов и шли к штабу Кутузова.

В подмосковные леса, на дороги, ведущие к древней столице России, выходили партизанские отряды, деятельность которых направлял Кутузов.

«По приказанию его светлости, – гласил приказ из штаба Кутузова генералу Орлову-Денисову, – назначается Вашему сиятельству отряд легких войск, с коими вместе Вы отправитесь на новую Калужскую дорогу, откуда, делая нападение на Можайскую и, если возможно, на Рязанскую дороги, стараясь причинить всякого рода вред неприятелю, наиболее иметь в виду сожжение артиллерийских парков, которые к нему от Можайска идут. Не нужно упоминать Вам, сколь деятелен и решителен должен быть партизан, и для того, имея в виду какое-нибудь отважное предприятие, имеете Вы действовать по соответственному усмотрению. Рапорты Ваши имеете Вы посылать как можно чаще, пленных же, если возможно, – под прикрытием некоторых казаков и вооруженных мужиков. Его светлость особенным удовольствием поставит себе отличать тех, коих Ваше сиятельство представите. Ибо Вы отрядом Вашим можете большой вред учинить неприятелю».

Гвардии капитану Сеславину Кутузов приказывает действовать по дороге от Боровска к Москве на фланг и тыл

неприятеля, взаимодействуя с соседним отрядом капитана Фигнера. «Отобранным от неприятеля оружием, – подтверждает Кутузов, – вооружить мужиков, отчего Ваш отряд весьма усилиться может. Мужиков ободрять подвигами, которые оказали в других местах…»

Попавшего в окружение партизана Дорохова Кутузов учит, что «партизан никогда в сие положение придти не может, ибо обязанность его есть столько времени на одном месте оставаться, сколько нужно для накопления людей и лошадей, марши должен летучий отряд партизан делать скрытные, по малым дорогам. Пришедши к какому-нибудь селению, никого из оного не выпускать, да не можно было дать об нем известие. Днем скрываться в лесах или низменных местах. Словом, партизан должен быть решителен, быстр и неутомим».

Видя огромный патриотический подъем в народе, чувствуя поддержку народную, Кутузов писал: «Но какой полководец не поражал врагов подобно мне с сим мужественным народом! Я счастлив, предводительствуя русскими». А много лет спустя после войны один из сподвижников Наполеона написал о русских людях вещие слова: «Товарищи, воздадим им должное! Они все принесли в жертву без колебаний! Их доброе имя сохранилось во всем величии и чистоте. Когда во все слои их общества проникнет цивилизация, этот великий народ создаст великую эпоху и овладеет скипетром славы».

Приведенный в действие гениальный стратегический план Кутузова оправдал себя. Силы русской армии росли. Наступил момент, когда от обороны можно было перейти в решающее наступление. В новые бои повел Кутузов свою армию, которая, помимо партизан и ополчения, насчитывала 97 тысяч солдат при 622 орудиях.

ГЛАВА VI

Темной осенней ночью по грязи и лужам мчался с конвоем казаков штаб-офицер Бологовский. Он загнал одного коня, пересел на заводного, карьером поскакал дальше и в час ночи был у штаба Кутузова в Леташевке. В штабе, кроме дежурного адъютанта, все спали. Бологовский, как и все в армии, знал, что двери избы дежурного генерала Коновницына всегда открыты и каждому прибывшему с любым донесением разрешено самим Коновницыным будить его. А донесение, которое привез Бологовский, определяло дальнейшие судьбы войны. Генерал Дохтуров, которого Кутузов выдвинул в направлении Москвы, сообщал, что партизан Сеславин, укрывшись в лесу, «видел Наполеона со всею его свитою, а также французскую гвардию и другие войска в значительном числе». Пропустив их мимо своего отряда, Сеславин захватил нескольких отставших гвардейцев и привез с собою как явное доказательство присутствия самого Наполеона. Один из пленных, расторопный унтер-офицер, показал следующее: «Уже прошло четыре дня, как мы вышли из Москвы. Маршал Мортье с особым отрядом оставлен в Москве и, взорвав кремлевские стены, присоединится к армии. Дальнейшее направление нашей армии – на Малоярославец…»

Коновницын немедленно понес донесение Кутузову, и вскоре к нему вызвали Бологовского. Михаил Илларионович сидел на кровати.

– Расскажи, друг мой, – встретил он Бологовского, – что такое за событие, о котором весть привез ты мне? Неужели в самом деле Наполеон оставил Москву и отступает? Говори скорее, не томи сердце, оно дрожит.

Бологовский повторил рассказ. Михаил Илларионович всхлипнул, стал коленями на кровать, повернулся к иконе и тихо произнес:

– Боже, создатель мой! Наконец ты внял молитве нашей, и с сей минуты Россия спасена…

Терпение и выдержка русского полководца победили, предвидение его сбылось, и Наполеон бежит. А он преградит Наполеону путь, загородит ему обе дороги, ведущие на Калугу, где сосредоточены огромные запасы русской армии и откуда ведут пути в «полуденные», «не разоренные войной губернии России». Это лишит Наполеона единственной возможности спасти свою армию, возможности, к которой действительно рвался в те дни Наполеон.

Теперь в кутузовском штабе уже незаметно медлений.

Главнокомандующий работает с большим напряжением и энергией. Главным силам приказано быть готовыми к выступлению. Дохтурову предписано немедленно двигаться и, опередив Наполеона в Малоярославце, преградить ему путь на Калугу. «Его светлость желает, чтобы предприятие сие было покрыто непроницаемой тайной», – передал Дохтурову Ермолов. Платов направлен прикрывать вторую дорогу на Калугу. Милорадович брошен в поиск против Мюрата. К дорогам на Калугу стянуты партизанские отряды, в местах переправ наводятся мосты.

Войска ревностно выполняют приказы Кутузова, их ничто не останавливает, им помогает население. Когда Дохтурову пришлось переправляться через глубокую речку Протву, крестьяне разобрали свои избы, свили веревки, связали ими мостки, по которым переправили весь корпус Дохтурова, направлявшийся к Малоярославцу.

Данные разведки окончательно подтвердили, что туда же ведет свою армию и Наполеон. Кутузов, оставив Тарутинский лагерь, с главными силами двинулся Наполеону навстречу.

День и ночь шли русские полки. К рассвету они были уже в пяти верстах от Малоярославца, высившегося на крутом берегу реки Лужи, притока реки Москвы.

На узких улицах городка, в садах и оврагах шел уже бой – это Дохтуров столкнулся с Евгением Богарнэ.

Богарнэ имел перевес сил, но Дохтуров занимал более выгодное положение, и это давало ему возможность пока держаться. Богарнэ в этот день, который Наполеон назвал лучшим днем боевой жизни принца Евгения, сделал невозможное и после трех атак вытеснил русских из Малоярославца.

Кутузов долго не вводил в бой главные силы, затем фельдмаршал сам выехал к полю сражения. Кругом свистели пули, катились ядра. Генералы указывали Кутузову на смертельную опасность, но Михаил Илларионович оставался равнодушным к предупреждениям. Разобравшись в обстановке, он тихо сказал Коновницыну: – Ты знаешь, как я берегу тебя и всегда прошу не кидаться в огонь, а сегодня прошу – очисти город…

Коновницын устремился в бой, за ним Кутузов двинул корпус Раевского. Французов выбили из города. Но к Богарнэ подошли главные силы французской армии. Наполеон бросил их в бой. Сражение разгорелось с новой силой и длилось восемнадцать часов. Восемь раз Малоярославец переходил из рук в руки и в конце концов остался за французами, но при первой их попытке пробраться из города на Калужскую дорогу они были отброшены артиллерийским огнем. К Кутузову, совершив

пятидесятиверстный марш, подошел Милорадович, и теперь вся русская армия собралась у Малоярославца.

Наступила ночь. Бой прекратился, и тишину нарушали лишь редкая перестрелка па окраинах и крики раненых, оставленных на улицах горевшего города.

Кутузов со штабом расположился в лесу у костра. Он ждал к утру наступления французов и решил переменить позицию. Горевший город выгод уже не представлял, холмистая местность перед ним мешала действовать кавалерии, позади был овраг, и Кутузов решил отвести русскую армию за овраг. Этому воспротивились Вильсон, Беннигсен и даже любимец Кутузова Толь. Толь считал, что надо перейти в наступление, а не отходить. Беннигсен иронически поздравлял с успехом в новом сражении, и Кутузов так же иронически убеждал Толя:

– Видите, опытный генерал говорил, что завтра нападет на меня неприятель, а вы хотите, чтобы я действо-пал, как заносчивый гусар, – и, положив руку на плечо Толя, добавил: – Поди, милый, и напиши все, что я тебе говорил.

Кутузов перевел армию за овраг.

Он мог быть доволен результатами дня. «…Сей день один из знаменитейших в войне 1812 года, ибо потерянное сражение при Малоярославце повлекло бы за собой пагубнейшие следствия и открыло путь неприятелю в богатейшие наши губернии», – записано в журнале военных действий русской армии. «А между тем, – пишет историк Окунев, – сама Бородинская битва не была так нужна для Наполеона, как битва при Малоярославце. Правда, что первая открыла ему вход в Москву, но не принесла ничего, кроме бесплодного трофея и гибельных последствий, между тем спасение всей его армии зависело от последней…»

Отдав все распоряжения, Кутузов спокойно уснул на разостланной бурке в лесу под открытым небом.

Несмотря на глубокую ночь, Наполеон не спал. Ему донесли, что позиция русских за оврагом неприступна. Французский император сидел в заброшенной избе деревушки Городни, недалеко от Малоярославца, опершись на стол, закрыв лицо руками и не глядя на лежавшую перед ним карту России.

Вокруг, молчаливые и неподвижные, стояли маршалы. Они ждали приказа императора. Наконец он заговорил, ни к кому не обращаясь, ни у кого не спрашивая, он, словно не замечая присутствующих, разговаривал сам с собой:

– Прибытие князя Кутузова изменило положение. Неприятель принял боевое положение. Мы нападем на него, сражение неизбежно. Должны ли мы дать сражение при настоящем положении дела?

Он посмотрел на карту: дороги тянулись на Калугу и на Можайск. На первой ждал Кутузов, на второй – позор отступления. По какой идти?

Наполеон умолк. В тревожной тишине медленно тянулось время. Наконец Наполеон встал и, не выслушав мнения маршалов, не сказав им своего решения, мановением руки отпустил их.

Всю эту ночь провел Наполеон без сна. Трудно было великому полководцу впервые в жизни принимать решение бежать от противника.

Стало светать. Наполеон со свитой опять выехал на рекогносцировку, во время которой на них налетел казачий разъезд, и только случайность спасла Наполеона от плена или казачьей пики. Это потрясло Наполеона. Вернувшись в штаб, он потребовал у своего врача яду, очевидно, чтобы отравиться, если не удастся избежать плена.

В десять часов утра под охраной конвоя Наполеон все же опять выехал на осмотр позиций русской армии. Он не мог еще примириться с мыслью, что должен отступать.

Но грозная и непобедимая, на неприступной позиции стояла армия Кутузова, армия, которую он знал по Аустерлицу, Прейсиш-Эйлау, Бородину, Малоярославцу, it понял Наполеон, что почетного выхода у него нет. Оставался позорный выход – бежать по разоренной Смоленской дороге.

«…Помните ли вы, – с тоской вспоминал Сегюр, – это злосчастное поле битвы, на котором остановилось завоевание мира, где двадцать лет непрерывных побед рассыпались в прах, где началось великое крушение нашего счастья? Представляется ли еще вашим глазам этот разрушенный кровавый город и эти глубокие овраги и леса, которые, окружая высокую долину, образуют из нее замкнутое место? С одной стороны, французы, уходившие с севера, которого они так пугались, а с другой – у опушек лесов – русские, охранявшие дороги на юг и пытавшиеся толкнуть нас во власть их грозной зимы. Представляется ли вам Наполеон, между двумя армиями посреди этой долины, его шаги, его взгляды, блуждавшие с юга на восток – с Калужской дороги на Медынскую? Обе они закрыты. На Калужской Кутузов и 120 000 человек, готовых оспаривать у него 20 лье лощины, со стороны Медыни он видит многочисленную кавалерию – это Платов… Маршалы, уже не стесняясь присутствия императора, обсуждая положение, начали ссору… „Хорошо, господа, – остановил он маршалов, – я решу сам“».

Он приказал было готовиться к наступлению, тайнописью написал приказ маршалу Виктору спешить из Смоленска, но в

этот момент ему доложили, что и в тылу и на фланге появились казаки. Это упало последней гирей на чашу весов.

Французская армия получила приказ отступать. Впереди своей гвардии на разоренную Смоленскую дорогу вступил Наполеон. Начиналось бегство.

«Мог бы я гордиться, что от меня первого бежит Наполеон, – писал Кутузов жене, – но бог смиряет гордыню».

Через пятьдесят два дня после Бородинского сражения Наполеон со своей армией опять подошел к Бородину.

Вся земля была усеяна десятками тысяч трупов, растерзанных хищниками и псами. Потрясенные ужасным зрелищем, проходили по полю солдаты французской армии. Они стремились скорее уйти с этого огромного кладбища без могил.

Солдаты уходили все дальше, но каждый из них, как никогда раньше, понимал, что все жертвы напрасны. Россию победить не удалось, а их ждет участь товарищей, чьи изуродованные трупы видели они на Бородинском поле. Смерть следует за плечами, идет сбоку, стоит впереди, заглядывая в глаза. Сзади наседали казаки Платова, на фланге двигалась вся русская армия, впереди ждали голод и зимняя стужа.

В армии Наполеона, шедшей в Россию побеждать «русских варваров», установились звериные отношения между людьми, она сама стала скопищем варваров. Армия стала распадаться. Солдаты перестали подчиняться офицерам, потому что поняли, что гибнут они за чужие интересы, а офицеры бросили на произвол голодных солдат, оберегая лишь имущество, награбленное в Москве. Французская гвардия грабила вестфальские части, отнимая у них провиант, между французами и пруссаками, между итальянцами и поляками, между солдатами десятков национальностей возникали смертные побоища из-за хлеба, из-за теплых вещей, за место у ночного костра. Ночью обкрадывали друг друга, уводили друг у друга коней, раздевали и забирали одежду умирающих, убивали, отнимая кусок хлеба.

Отступавшая армия проходила мимо находившегося у Бородина Колоцкого монастыря, обращенного в лазарет. Узнав об отступлении своей армии, раненые выползали на дорогу, умоляя взять их с собой. Наполеон не выдержал и, хотя сам приказал оставить в Москве тысячи больных, разрешил забрать раненых из Колоцкого монастыря, положив по одному на каждую обозную повозку и на экипажи, груженные награбленными вещами.

Но ночью, когда Наполеон уехал вперед, обозники, интенданты стали сбрасывать в грязь под колеса и копыта коней героев Бородинского сражения. Дикие крики, мольбы и проклятия людей, оставленных на мучительную смерть от холода, голода, на

растерзание волкам и собакам, неслись вслед убегавшей французской армии. Наполеон, находясь в авангарде, сделал вид, что не знает того, что творится позади. Он сам еще под Москвой не смог проехать сквозь обозы с награбленными вещами, которые тянулись на 35 верст. Но уничтожить их не решился, боясь прямого неповиновения.

Знал Наполеон, что по его же приказу в тылу творится еще одно страшное злодеяние, возмутившее даже маршалов. Пленных русских солдат, которых вели из самой Москвы, изнуренных, полуодетых, приказано было убивать, если они отставали больше чем на 50 шагов. Их никто не кормил, силы покидали их с каждым днем, они шли медленней, затем отставали на шаг, два… пять… десять… Многие, завидев деревню, тянулись к ней, чтобы не умереть в открытом поле. Друзья приходили им на помощь, вели ослабевших под руки, но силы иссякали, друзья прощались и уходили не оглядываясь, потому что к отставшему подходил конвойный и убивал его. Отставших становилось все больше, выстрелы раздавались все чаще, а затем из экономии патронов отставших стали закалывать штыками или разбивали им головы прикладами.

Французская армия оставляла за собой вереницу трупов русских людей, и это еще больше усиливало непримиримую ненависть к врагу у преследовавших неприятеля солдат и казаков.

С невиданной стремительностью и смелостью они вели преследование. Первая же попытка арьергарда под командованием Даву задержать преследующих стоила ему многих потерь людьми, орудиями, знаменами, и французы побежали дальше. «Неприятеля преследуем столь живо, – доносил Кутузову Платов, – что он бежит так, как никогда армия ретироваться не может. Он бросает по дороге все свои тяжести, больных, раненых, и никакое перо историка не в состоянии изобразить картины ужаса, которые он оставляет по большой дороге. Поистине сказать, что нет десяти шагов, где бы не лежал умирающий, мертвый или лошадь. В два дня он поднял на воздух в виду нашем более 100 ящиков (зарядных). Такое же число принужден был оставить на месте за быстрым нашим преследованием».

Ночью под Вязьмой Милорадович, нагнав Даву, Нея и Богарнэ, повел свои войска в рукопашный бой, нанес противнику огромный урон и погнал дальше. Партизаны Сеславин, Фигнер, Денис Давыдов, Кудашев, отряды крестьян, которым не было числа, довершали удары регулярных частей и казаков. Сдавались в плен не только мелкие части. Положила оружие целая дивизия Ожеро – 2 тысячи солдат и 60 офицеров. Огромный подъем, охвативший русскую армию, преследующую и уничтожающую

врага, удесятерял ее силы.

Если русская армия в столь же тяжких условиях осени, голода, обреченности, имея против себя вчетверо сильнейшего противника, совершила марш-отход Браунау – Цнайм, если она с успехом отошла под тройным превосходством сил от Немана до Москвы, то многонациональная по своему составу армия, имевшая захватнические цели, оказалась неспособной выдержать трудности своего отступления. Каждый обрыв, ручей, мост, река, где скоплялись, задерживая и давя друг друга, разные части, обозы, артиллерия, пехота, стоил новых жертв. Каждый новый удар преследования ускорял гибель наполеоновской армии. К Смоленску у Наполеона из 100 тысяч солдат, вышедших из Москвы, осталось всего 40 тысяч. Были попытки объяснить столь большие потери холодами и голодом. Теперь уже окончательно установлено, что осень стояла удивительно теплая и только под Смоленском начались холода. Голод начался потому, что Кутузов отбросил Наполеона на разоренную дорогу, но он усилился из-за развала, царившего в бегущей армии после ударов, полученных в бою.

Наконец французская армия достигла Смоленска. Здесь Наполеон рассчитывал найти запасы провианта, дать армии отдых и привести ее в порядок. Но запасов почти не оказалось. Наполеон приказал расстрелять смоленского интенданта, и тот, умоляя о пощаде, рассказал, как маршевые партии без разрешения разбирали запасы, напомнил, что по приказу Наполеона запасы отправлялись в Москву, но в пути их перехватывали партизаны. Русские захватили все крупнейшие базы снабжения, согнанные к Смоленску стада скота, и в городе осталось провианта на несколько дней. Наполеон решил уцелевшее продовольствие отдать императорской гвардии, вступившей в Смоленск, а другие части оставить вне города. Толпы людей, обезумевших, потерявших человеческий облик, одетых в женские салопы, поповские рясы, в лохмотья, людей, почерневших от грязи, с дикими, слезящимися от стужи глазами, ломились в город. Но Наполеон приказал запереть ворота крепости, и гвардейцы оружием отгоняли голодных солдат. За первую же ночь было съедено 215 строевых коней кавалерии и артиллерии, расположенных вне крепости, а к утру, выломав ворота, солдаты ворвались в Смоленск и начали грабить склады и винные погреба.

Посланные на усмирение гвардейцы сами перепились и затеяли побоище. На улицах города появились новые трупы людей. Узнав, что Кутузов начал параллельное преследование и грозит отрезать ему пути через Оршу, Наполеон, бросив

Смоленск, продолжал отступление.

Расчетливо и уверенно вел Кутузов преследование. «Думаю нанести Наполеону величайший вред параллельным преследованием и, наконец, действовать на его операционные пути, – писал Кутузов из-под Малоярославца. – Я приобретаю разные выгоды, – объяснял он. – 1) Кратчайшим путем достигаю Орши, если неприятель станет на нее отступать. Если же Наполеон обратится на Могилев, то пересеку ему туда совершенно путь. 2) Прикрываю край, откуда к армии приходят запасы».

Невероятные лишения и трудности несли и русские солдаты, преследуя врагов по снежным полям, в морозы и вьюги наступившей суровой зимы.

Кутузов обратился к солдатам с призывом: «…После таковых чрезвычайных успехов, одерживаемых нами ежедневно и повсюду над неприятелем, остается только быстро его преследовать, и тогда, может быть, земля русская, которую мечтал он поработить, усеется костьми его. И так мы будем преследовать неутомимо. Настают зима, вьюги и морозы. Но вам ли бояться их, дети севера? Железная грудь наша не страшится ни суровости погод, ни злости врагов: она есть надежная стена отечества, о которую все сокрушается. Вы будете уметь переносить кратковременные недостатки, если они случатся. Добрые солдаты отличаются твердостью и терпением, старые служивые дадут пример молодым. Пусть всякий помнит Суворова, который научил сносить холод и голод, когда дело шло о победе и о славе русского народа».

Но, требуя от солдат жертв, Кутузов сделал все возможное, чтобы облегчить их положение. «Главнокомандующий для сбережения войск приказал располагать их на кантонир-квартирах», – записал Толь приказ Кутузова. Армия была снабжена полушубками, хлебом, мясом и даже вином, но снабжение иногда отставало от стремительно преследующих, добивавших противника войск.

Под Красным произошло новое сражение, в котором Наполеон потерял 26 тысяч солдат и 216 орудий и бежал дальше. Но все это казалось недостаточным царю, Беннигсену, Вильсону и другим генералам, мечтавшим взять в плен самого Наполеона.

Александр, обвиняя Кутузова в медленности преследования, писал, что «все несчастья, из того проистечь могущие, остаются на личной вашей ответственности». Кутузов ответил царю подробным рапортом.

С Беннигсеном Кутузов расправился еще под Тарутином. Он получил из Петербурга рескрипт о награждении Беннигсена за

Тарутино, о чем ходатайствовал раньше, и вместе с этим вернулся сочиненный Беннигсеном грязный донос на Кутузова. Кутузов в присутствии всех генералов дал Беннигсену прочесть вслух рескрипт, что он охотно исполнил, а затем попросил прочесть также вслух и этот донос. Отстраненный Кутузовым от дел Беннигсен остался при армии и, видя, что все обходится без него, пытался что-то делать, мешая Кутузову руководить операциями. Старик рассердился, заявив, что, если адъютант Беннигсена еще раз появится в штабе, он повесит адъютанта. Беннигсену же он сказал, что находит его больным, и выслал из армии.

Отношение к ходу событий Кутузов выразил в своей беседе с интендантом наполеоновской армии Пюибюском, взятым в плен и описавшим эту беседу.

«Пюибюск, ты мог видеть, – сказал Кутузов, – как скоро ваша армия оставила Москву, я запер вам все те новые выходы, которыми вы хотели пробраться, даже отступил от принятого мною плана избегать как можно сражений.

При Малоярославце я с вами сразился для того, что мне нужно было заставить вас идти тою дорогою, которая была опустошена вами же. Я был уверен, что, кроме нескольких деревянных изб, вам разрушать уже более нечего. Я приказал также графу Платову идти сбоку возле вашего правого фланга. Наша армия шла за вами, и одна ее часть подле левого вашего фланга не допускала ваших фуражиров отдаляться от дороги. Как плен-пых, так точно и вас вел от Вязьмы до Смоленска. От меня зависело истребить вас еще до прибытия в сей город, но я, уверенный в вашей гибели, не хотел жертвовать ни одним из своих солдат.

Ваших лошадей я поморил с голоду, но я знал, что через сие вынужу вас бросить всю вашу артиллерию в Смоленске. Так и случилось. Вышедши из него, у вас не было более ни пушек, ни конницы. Мой авангард с 50 пушками ожидал вас под Красным. Сам Наполеон помогал мне: он сверх моих ожиданий растянул свои корпуса так, что между ними было расстояние на целый день пути. Я не ходил с места четыре дня, и вот ваша гвардия и все корпуса, следовавшие за Наполеоном, постепенно мимо проходили, каждый для того, чтобы оставить половину своих солдат с нами.

Поверь, что спаслось под Красным, то с великим трудом пройдет Оршу. Распоряжения мои сделаны до Березины таким образом, что там должен быть конец путешествий вашей армии и ее полководца. Разумею, если приказания мои исполнятся в точности.

Бесспорно, у вас были прекрасные солдаты, но многие

остатки их приходили умирать при Красном под нашими пушками. Их мужество достойно было лучшей участи и лучшего начальника».

Наполеона Кутузов отлично понимал и строил свои планы, раскрывая его замыслы. Когда Пюибюск возразил Кутузову, что Наполеон собирался остаться в Смоленске, Кутузов ответил: «Я не думаю, чтоб сей план был изобретением Наполеона, слишком привыкшего к коротким кампаниям».

ГЛАВА VII

Но даже и теперь Наполеон не хотел сознаваться, что дело безнадежно. Еще под Вязьмой от его имени Бертье требует объяснений от маршалов, «как могло случиться, что неприятельский корпус, который покусился перерезать сообщения между французскими дивизиями, не был взят в плен».

Наполеон едет одетый в соболью шубу, покрытую зеленым бархатом и украшенную золотыми шнурами, в меховой шапке и теплых сапогах. Его окружает императорская гвардия, которая еще сильна, но другие части его армии гибнут… Он знает это, но делает вид, что ничего не происходит, и, когда один полковник стал подробно докладывать ему об ужасном положении солдат, Наполеон оборвал его:

– Полковник, я вас об этом не спрашиваю… Ему докладывали о массовом дезертирстве, и он приказал беспощадно расстреливать за малейшую отлучку из части. Но ничто не спасало, и армия продолжала таять.

Погибла вся кавалерия. Из отдельных всадников Наполеон образовал особый эскадрон, назвал его священным, но и это не спасло последних кавалеристов от гибели. Он хотел спасти гвардию, оставил в арьергарде лучшего маршала – Нея, а сам ушел вперед. Но погиб и арьергард, и только под Оршей к одному из костров приблизилась одинокая огромная фигура, и на вопрос, кто он, человек ответил:

– Я арьергард великой армии – маршал Ней.

Но даже и в этой обстановке Наполеону кажется, что он всемогущ и, достаточно ему захотеть, он повернет события в свою пользу.

– Довольно я был императором, настало время стать опять генералом, – говорит он маршалам, приказывает собрать остатки старой гвардии, обращается к ней с речью, призывая показать образец стойкости. Гвардейцы опять кричат: «Да здравствует император!» И чтобы показать пример, он идет с гвардейцами пешком.

Ничто не помогает. Новые удары партизан и казаков, стужа и голод разрушают армию. Не спасает ни культ божества, в которое возводили Наполеона, ни гений, который считали всемогущим. Наполеона не слушают, он беспомощен, он жалуется:

– Больше десяти градусов мороза, я не могу найти на месте ни одного генерала. – Наполеон еще не знает, что десятки офицеров, не только итальянцев, немцев, но и французов, перебегают к русским и просят взять их на русскую службу, он не

предвидит, что после Березины его любимец Мюрат будет жалеть о том, что своевременно не продался Англии.

Наполеон приказывает во всех частях бить в барабаны, собрать всех отставших и разбежавшихся и вести к Орше. Но никто не собирается, а, наоборот, заслышав бой барабанов, дезертиры разбегаются еще дальше. Тогда он объявляет, что будут выдавать пищу, но мародеров и это не манит. Наконец он решается сделать то, что следовало сделать под Москвой, – сжечь все повозки с награбленным, а лошадей отдать в артиллерию, спасти пушки, но кони дохнут, и по всей дороге тянутся их трупы, брошенные орудия, ломаные повозки, взорванные зарядные ящики, и всюду мертвые люди. О них уже никто не говорит, только продолжает собирать сухие рапорты командиров полков аккуратный Бертье, но и он в конце концов бросает свою канцелярию, теряет свой маршальский жезл. Все это достается русским, которые прочли в одном из оставленных Бертье документов:

«Императорская армия. 6-й полк тиральеров.

При отбытии из Смоленска было под ружьем офицеров 27, солдат 470.

Остались на месте сражения, умерли от ран и голода, попали в руки неприятеля офицеров 10, солдат 440.

В полку налицо офицеров 17, солдат 24. 4-й полк тиральеров.

Осталось в полку налицо офицеров 14, солдат 10. 4-й полк вольтижеров.

Осталось в полку налицо офицеров 26, солдат 29…»

Кругом брели люди разноплеменной Европы, их ничто не сплачивало, и они превращались в зверей. Они собирались еще у костров и, чувствуя смертельный холод, тянулись к огню. Иногда пламя охватывало чью-нибудь голову, но сил потушить не было, и живой человек на глазах у других падал в костер. Его товарищи оставались у потухших костров, не имея сил встать.

«…Стаи воронов поднимались над нами с зловещим криком, собаки следовали за нами с самой Москвы, питаясь нашими кровавыми останками, – писал французский офицер Лабом. – То, что не поедают хищники, вороны и псы, покрывает зима».

Вьюга наметала над трупами белые холмики снега, и большая Смоленская дорога стала длинным кладбищем армии Наполеона.

С остатками своей армии Наполеон стремился к Березине. За Березиной Наполеон мог считать себя вне опасности. Он шел, опираясь на палку, когда к нему навстречу подошел офицер с донесением от маршала Удино, который действовал на Березине. Наполеон остановился, выслушал и, точно не понимая, несколько раз спросил:

– Что он говорит?

Бертье приказал офицеру повторить донесение, и офицер ответил:

– Маршал Удино поручил мне донести, что русская армия Чичагова пришла к Березине и заняла все переправы.

– Неправда, этого быть не может! – вскричал Наполеон.

– Два неприятельских отряда, – продолжал офицер, – заняли мосты и перешли уже на левый берег. На реке лед слаб, и переходить по нему невозможно.

Выхода у Наполеона не было. Армия Чичагова, действовавшая на южном направлении, и корпус Витгенштейна, действовавший на петербургском направлении, должны были отбросить фланговые корпуса Наполеона, выйти к Березине, отрезать Наполеона от переправ, а Кутузов, наступая с тыла, должен был прижать неприятеля к Березине и уничтожить. Но ряд причин благоприятствовал Наполеону.

Чичагов захватил переправы у Борисова, но южнее Борисова оставалась еще одна переправа. Наполеон, сделав вид, что переправляется там, нашел брод и стал переправляться севернее Борисова, у Студянки. Искусный обман, военная хитрость – первая причина березинской удачи Наполеона. В конце концов Чичагов разобрался в обмане, имел возможность вступить в бой, но не решился. Нерешительность Чичагова – вторая причина, которая помогла Наполеону избегнуть окончательной катастрофы.

Третьей важнейшей причиной считают медлительность Кутузова, который в нужный момент не поспел к Березине. Кутузов не форсировал марша своих главных сил, так как считал, что сил Чичагова и Витгенштейна вполне достаточно, чтобы захватить Наполеона, тем более что в авангарде у Кутузова шли казаки и Ермолов, который сильнее, чем кто-нибудь другой в русской армии, стремился захватить в плен самого Наполеона. Отпуская его, Кутузов говорил:

– Голубчик, будь осторожен, избегай случаев, где ты можешь понести потерю в людях.

«Ручаясь за точность исполнения, – вспоминает Ермолов, – я перекрестился, но должен признаться, что тогда же решил поступать иначе…»

Кутузов не форсировал марша и без того изнуренной армии, видя, по его собственным словам, что «все развалится без меня» и нужно беречь солдат. Он видел, что борьба прекратится за отсутствием противника и нужно побеждать малой кровью, нужно беречь армию еще потому, чтобы не стать после войны игрушкой в руках сохранивших свои армии Пруссии, Австрии, Англии.

«Неприятели все равно пропадут, а если мы потеряем много людей, то с чем придем на границу? Не придти же нам на границу, как толпе бродяг». Стремление к победе малой кровью, стремление сберечь армию, чтобы быть сильным в результате победы над Наполеоном, а не истощить свои силы, красной нитью проходит через все планы Кутузова, и он удерживает своих генералов от форсирования и без того крайне напряженных маршей. О том, насколько напряженными были эти марши, свидетельствует нам участник войны 1812 года, военный теоретик Карл Клаузевиц.

«Никогда, – пишет он, – преследование неприятеля в большом масштабе не велось так энергично и с таким напряжением сил, как в эту кампанию…

Кутузов видел, что нелегко будет довести до границы сколько-нибудь значительные силы, но что успех кампании будет во всяком случае колоссальный; с глубокой проницательностью предугадывал он полное уничтожение противника».

Ежедневно Кутузов объезжал биваки и однажды после успешных боев появился перед стоянкой Семеновского полка. За ним ехали генералы, и гвардейцы везли трофейные знамена.

– Здравствуйте, молодцы-семеновцы! – закричал Кутузов. – Поздравляю вас с новой победой над неприятелем. Вот и гостинцы везу вам! Эй, кирасиры, нагните орлы пониже. Пускай кланяются молодцам. Матвей Иванович Платов доносит мне, что сегодня взял 115 пушек и 15 генералов. Вот, братцы, пушки пересчитать можно на месте, да и тут не поверят: в Питере скажут – хвастают.

Он подъехал к палатке командира полка и слез с коня. Кирасиры также сошли с коней, стали в круг, и трофейные знамена образовали шатер над головой Кутузова. Кто-то из офицеров на одном знамени прочел:

– «За победу под Аустерлицем».

– Что там? – спросил Кутузов. – Аустерлиц? Да, правда, – продолжал он, – жарко было и под Аустерлицем. Но умываю руки мои перед всем войском: неповинны они в крови аустерлицкой. Вот хотя бы и теперь, к слову, не далее как вчера я получил выговор за то, что капитанам гвардейских полков за Бородинское сражение дал бриллиантовые кресты в награду. Правда, и в этом я без вины виноват. Но ежели по совести разобрать, то теперь не только старый солдат, а последний ратник столько заслужил, что осыпь их алмазами, и то они все еще не будут достаточно награждены.

Полк двинулся мимо Кутузова, и крики «ура» перекатывались от батальона к батальону.

– Ура спасителю России! – кричали солдаты. Кутузов стал на лавку и закричал:

– Полноте, друзья, полноте! Что вы! Не мне эта честь, а слава русскому солдату. – И, бросив вверх шапку, возвысив голос, закричал: – Ура, ура, ура русскому солдату!

Через шесть месяцев после того, как Наполеон появился на берегу Немана и в Россию бесконечным потоком шли корпуса его полумиллионной армии, он с тысячей солдат из тех, что пошли за ним в глубину России к Москве, покидал другой берег – болотистый берег реки Березины. Остальные, кто уцелел в пути и достиг Березины, остались на ее восточном берегу в руках казаков, потому что Наполеон, перейдя реку, приказал, не заботясь о войсках, сжечь переправу, чтобы русские не могли продолжать преследование. На территории Польши, в Сморгони, он бросил толпу одичавших людей – все, что осталось от его армии, и сказал маршалам, что уезжает в Париж. Маршалы упрекали его, что он покидает их в тяжелую минуту, но император, возразив, что самое трудное позади, а гибель армии не так уж страшна, так как в ее составе было большинство солдат не французской национальности, сел в кибитку и двинулся инкогнито через Варшаву во Францию.

Через шесть месяцев после Дрездена, где Наполеон, окруженный королями и министрами Европы, мечтал о власти над всем миром, он остановил полуразрушенный экипаж у варшавского предместья – Праги – и, надвинув на глаза меховую шапку, пешком пробрался в захудалую варшавскую гостиницу.

В холодном номере с замерзшими стеклами окон, задернутых занавесками, он ждал своего посла в Варшаве – аббата Прадта. Неопрятная, заспанная служанка не умела раздуть в камине огонь, комната наполнилась едким дымом. Не было даже вина, чтобы согреться. «От великого до смешного один шаг», – говорил когда-то Наполеон, и этого смешного он боялся больше всего на свете, и первое, что спросил он у Прадта, было:

– Не узнали меня на улицах Варшавы? Страшась положения, в котором он очутился, он спрашивал у Прадта, что говорят о нем в Европе, как ведут себя Польша и Пруссия. Минутами ему казалось, что еще можно все спасти, он требовал у Прадта «дать ему 10 000 солдат», и он остановит Кутузова. Прадт ответил, что это невозможно, вновь сформированные батальоны немедленно кладут оружие при одном виде русских казаков. Наполеон снова впадал в тяжелое раздумье.

На вопрос Прадта, где великая армия, он ответил. – Великой армии больше нет.

Но и здесь не хотел Наполеон признать себя побежденным.

Он говорил, что всюду побеждал Кутузова, объяснял свои неудачи холодной зимой и утешался тем, что полководец, одержавший великие победы, должен испытать и большие неудачи.

И только через несколько лет, на острове Святой Елены, когда было много времени подумать о минувшем, Наполеон высказал иную причину своего поражения в России. Он изображал это населенное храбрым, крепким народом, государство – сидящим под полюсом, прислонившись к вечным льдам, которые в случае надобности делают его неприступным.

– Нельзя не содрогаться, – говорил Наполеон, – при мысли о такой громаде, которую невозможно атаковать ни с боков, ни с тыла, тогда как она безнаказанно выступает на вас, наводняя вас в случае победы или же отступая в глубь льдов, в недра смерти и печали. Не это ли мифический Антей, с которым нельзя справиться иначе, как схватив его тело и задушив в объятиях? Но где найти Геркулеса?

В результате такой попытки гигантская империя Наполеона, охватившая 130 департаментов, выросшая за 20 лет с 24 до 75 миллионов населения, империя, провинциальными городами которой были Гамбург и Кёльн, Амстердам и Брюссель, Рим, подчинившая себе почти всю Европу, рушилась на глазах своего императора.

История показала, что Наполеон потерпел сокрушительный разгром не только под ударами русской армии, русского народа, но и потому, что народ Франции отвернулся от императора. Французский народ, народы покоренных Наполеоном стран не хотели войны с Россией и не поддерживали захватнических стремлений Наполеона. Его не спасли ни гениальность, ни громадный опыт, ни подготовленность к захватническим войнам его многочисленной армии, ибо полководец бессилен, он обречен на гибель, когда идет против воли народа.

И, наоборот, полководец непобедим, когда он выполняет волю народа и ведет свои войска в сражения во имя народных интересов, во имя защиты родины. Таким гениальным полководцем Отечественной войны был Михаил Илларионович Кутузов.

Русская армия расположилась на отдых в Вильно. Точно «какая-то невидимая сила, – писал Кутузов жене, – перенесла меня в тот же дом, в котором я жил два года назад… 22-го августа застал я армию, скрывающуюся от неприятеля, а в декабре неприятель бежит с бедными остатками за границу…».

Всего три месяца потребовалось Кутузову, чтобы сокрушить Наполеона, и теперь, глядя из окон своего дома, как мимо него ведут последние партии пленных, полководец имел право сказать:

– Война окончилась за полным истреблением неприятеля.

Теперь, набравшись храбрости, в армию приехал царь Александр I. Кутузов встретил его с большими почестями, склонил к его ногам десятки трофейных знамен, а царь наградил полководца высшим боевым отличием русской армии – Георгием первой степени.

Оба они оставались непримиримыми врагами. Царь признавался, что он наградил Кутузова вопреки своей воле. Но это была не первая награда, полученная Кутузовым вопреки воле царя.

Кутузов пришел в русскую армию небогатым, неродовитым, незаметным прапорщиком. Но за Ларгу, за Кагул, за Измаил, за поход Браунау – Цнайм получил ордена, награды и чин генерала; за победы над турками на Дунае, за Бухарестский мир – графское и княжеское достоинство; чин фельдмаршала – за Бородино; титул – Смоленский – за преследование и разгром Наполеона. Победы Кутузова, которые привели к полному пленению армии великого визиря, к полному истреблению армии Наполеона, прогремели на весь мир, упрочили за Кутузовым любовь русского народа, и царь вынужден был награждать.

Кутузов видел, что царь образовал свою главную квартиру и, отнимая у него управление войсками, поведет их на новое поражение. Кутузов сам повел русские войска в Европу.

Войскам читали приказ главнокомандующего. «Заслужим благодарность иноземных народов, – писал Кутузов, – и заставим Европу с удивлением восклицать: непобедимо воинство русское в боях и подражаемо в великодушии и добродетелях мирных! Вот благородная цель, достойная воинов, будем же стремиться к ней, храбрые русские солдаты!»

Действия русской армии под командованием Кутузова в Пруссии – это цепь непрерывных побед и успехов. Ночной атакой был взят Кенигсберг, который оборонял маршал Макдональд. Сдалась без боя Варшава. Окруженная казаками, пала крепость Данциг. Пройдены Познань, Калиш, десятки других польских и немецких крепостей и городов.

Прусский король переметнулся от Наполеона к Александру, и вся прусская армия поступила в командование Кутузова. Шарнгорст явился к Кутузову за распоряжениями, чтобы начать объединенные действия русской и прусской армий. Прославленный прусский генерал Блюхер писал Кутузову: «Король поручил мне корпус и, к искренней радости, подчинил меня Вашей светлости. Мне предстоит двоякая честь: сражаться вместе с победоносною Российской армиею и состоять в повеленьях полководца, стяжавшего удивленье и признательность

народов. Ожидаю Ваших приказаний».

Кутузов с уважением отнесся к Блюхеру, на которого «отечество его возлагает справедливые свои надежды», и вместе с тем Кутузов обратился с «Воззванием к государям германским из русского стана». Это воззвание замечательно по своему анализу положения Пруссии, роли германских государств и германского народа. В нем Кутузов резко и беспощадно писал, что германские государи трусливо предавали интересы своего народа. Законной гордостью звучали его слова о том, что «нашелся на севере народ, не испугавшийся Наполеона, низвергнувший его могущество».

Население Пруссии с восторгом встретило русские войска. Народ аплодировал Кутузову, раздавались приветственные крики: «Да здравствует великий старик!» Немецкие девушки бросали русским солдатам цветы.

Со славой и законной гордостью торжествовала победу Россия, имя М. И. Кутузова гремело по всей стране.

«Мог бы я сказать, – писал Михаил Илларионович жене Екатерине Ильиничне, – что Бонапарт, этот гордый завоеватель, бежит передо мной как школьник от учителя», но… «Бог смиряет гордыню». «Я все скитаюсь, окружен дымом, который называют славой», – добавляет он в другом письме. В то же время Кутузов хочет, чтобы понимали истинное значение его действий. Когда Екатерина Ильинична прислала из Петербурга оду, в которой было сказано, что он сдал Москву, чтобы сберечь кровь воинов, полководец ответил: «Я весил Москву не с кровью воинов, а с целой Россией и с спасением Петербурга и с свободой Европы». Тогда, стоя на Поклонной горе, стратег и политик нашел единственный путь к победе и временно жертвовал родной столицей. Он предвидел, что найдутся злопыхатели, которые извратят суть его решений, и через месяц снова пишет в Петербург: «А все-таки я не так весил Москву, не с кровью воинов, а со всей Россиею». Оценивая историческое значение своей победы, Кутузов говорил: «Карл XII вошел в Россию так же как Бонапарте, и Бонапарте не лутче Карла из России вышел…» Тогда же сестра императора Екатерина Павловна ядовито писала Александру I: «…Фельдмаршал озарен такой славой, которой он не заслуживает: зло берет видеть, как все почитание сосредотачивается на столь недостойной голове, а вы, я полагаю, являетесь в военном отношении еще большим неудачником, чем в гражданском».

А Кутузов вел войска к новым победам: пала крепость Торн, были взяты Дрезден, Лейпциг, Берлин.

Но борьба снова осложнилась. Из Франции к Эльбе спешили собранные Наполеоном войска. Кутузов отдает приказы

соединить русские и прусские войска, действовавшие на разных направлениях, сосредоточить их к Дрездену. Двигаясь с армией, он переносит свою штаб-квартиру в городок Бунцлау.

В те дни стояла сырая, ветреная погода. Михаил Илларионович в дороге простудился: «Мое здоровье, мой друг, – сообщал он 3 апреля жене, – так расстроено, что мне не много надобно, чтобы на несколько дней не быть ни на что годну».

По-прежнему изводили его интриги штабных, возглавляемых братом царя великим князем Константином. Из груди больного вырывается, как стон: «…Именем Христа спасителя прошу поберечь меня, пока я в таких трудных обстоятельствах…»

С каждым днем обостряется положение на фронтах, с каждым днем обостряется болезнь, но полководец не сдается. 8 апреля Кутузов утверждает план дальнейших военных действий; 10 апреля – за неделю до смерти, – прозорливо предвидя нараставшую опасность, он пишет царю о необходимости как можно скорее сосредоточить войска западнее Эльбы и одновременно занимается проблемой освобождения от наполеоновских войск Дании и Норвегии.

И 11 апреля Михаил Илларионович диктует свое последнее письмо Екатерине Ильиничне: «Я к тебе, мой друг, пишу в первый раз чужою рукой, чему ты удивишься, а может быть, и испугаешься – болезнь такого роду, что в правой руке отнялась чувствительность перстов… Посылаю 10 т. тал[еров] на уплату долгов, 3 т. Аннушке и 3 т. Парашеньке – всем, кажется, по надобности…»

Денежные долги, давно преследовавшие М. И. Кутузова, тревожили его и на смертном одре. Они взыскивались и после его смерти с семьи, а на просьбу вдовы фельдмаршала о помощи царь ответил отказом.

Главнокомандующий умирал в небольшой угловой комнатке двухэтажного дома на площади Бунцлау.

Незадолго до смерти к нему приезжал Александр I. Лицемер, с первого года своего царствования травивший Михаила Илларионовича, теперь ханжески просил умирающего о прощении.

– Я, ваше величество, прощаю, но простит ли Россия, – ответил фельдмаршал.

В 9 часов 35 минут утра 28 апреля 1813 года Михаил Илларионович скончался.

От русской армии несколько дней скрывали смерть главнокомандующего; повинуясь приказам, издаваемым его именем, она продолжала наступать на запад.

На площади тихого Бунцлау воздвигли монумент, стоящий

поныне, на котором выбита надпись:

«До сих мест полководец Кутузов довел победоносные войска Российские, но здесь смерть положила предел славным делам его. Он спас отечество свое и открыл пути освобождения Европы. Да будет благословенна память героя».

Тело Михаила Илларионовича набальзамировали и повезли на восток, в Россию. На всем пути в скорбном молчании народ встречал траурную процессию.

Девять месяцев назад русские люди так же выходили встречать Кутузова. Тогда он мчался к отступавшей русской армии, чтобы повести солдат в победные бои. Днем и ночью неслась его большая карета по пыльным дорогам, и всюду ждали Кутузова. В порыве любви и доверия к нему народ кричал «ура», матери протягивали к нему своих детей. От него, и только от него, ждал и требовал народ победы над Наполеоном. И русский полководец оправдал надежды своего народа. Он освободил Россию от иноземного нашествия и высоко поднял боевую славу русского народа. Жизнь его, прожитая в боях и походах, в походе и оборвалась. Теперь русские люди опускались на колени и склоняли головы перед траурной колесницей, которая везла на родину тело замечательного патриота. Тысячи мужчин и женщин, стариков и детей шли за гробом от села к селу, от города к городу.

В пяти верстах от Петербурга народ остановил колесницу, коней выпрягли, и до Казанского собора люди, сменяя друг друга, на руках несли к могиле тело русского полководца.

Народ, ненавидевший царя, помещиков, угнетателей, отдавал последнюю почесть великому русскому фельдмаршалу и навеки сохранил его имя. Ибо имя полководца не умирает, если жизнь свою он до конца отдал защите родины.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. И. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА

1745 – Родился 5(16) сентября.

1759 – Вступил в военную службу артиллерии капралом.

1761 – Произведен в прапорщики.

1762 – Переименован капитаном.

1764–1769 – В походах в Польше.

1770 – Участвовал в сраженьях против турок при реке Пруте, при реке Ларге, при реке Кагуле.

1771 – Участвовал в сражении при Попештах.

1771 – Переименован подполковником.

1772–1773 – Участвовал в походах и боях в Крыму.

1774 – Тяжело ранен в бою близ Алушты.

1777 – Переименован полковником.

1783 – Участвовал в походах и боях в Крыму.

1784 – Произведен генерал-майором. Назначен командиром корпуса бугских егерей.

1786 – Прикрывал с корпусом границу по Бугу.

1788 – Участвовал в бою под крепостью Очаков, где был ранен.

1789 – Участвовал во взятии крепостей Аккерман и Бендеры на реках Буге и Днестре.

1790 – Участвовал в штурме крепости Измаил на реке Дунае.

1791 – Произведен генерал-поручиком.

1791 – Участвовал в боях за города Бабадаг и Магин.

1793 – Назначен послом России в Турцию.

1795, февраль – Командует сухопутными войсками, флотом и крепостями в Финляндии.

Октябрь – Генерал-директор сухопутного кадетского корпуса.

1798 – Произведен генералом от инфантерии.

1801 – Военный губернатор Петербурга.

1805 – Командующий русскими войсками, действовавшими против французской армии Наполеона в Австрии.

1806 – Киевский военный губернатор.

1808 – Помощник главнокомандующего армии генерала Прозоровского в войне против Турции.

1809 – Участвовал в штурме крепости Браилов.

1809 – Виленский военный губернатор.

1811 – Главнокомандующий русской армии в войне против

Турции.

1812 – Главнокомандующий вооруженными силами России в войне против Наполеона.

1812 – Получил чин фельдмаршала.

1813 – Главнокомандующий союзными войсками, действовавшими против войск Наполеона в Европе.

Скончался 28 апреля 1813 года в городе Бунцлау, Силезия.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Афанасьев В. А., Подлинные документы о Бородинском сражении 26 августа 1812 года. М., 1912.

Ахшарумов Д. И., Описание войны 1812 года. Спб., 1819.

Бабкин В. И., Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962.

Бескровный Л. Г., Отечественная война 1812 года. М., 1962.

Богданович М. И., История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам, т. 1–3. Спб.

Бородино. Документы, письма, воспоминанья. 1962.

Бородинская панорама. М., 1966.

Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные П. И. Щукиным, ч. 1–8. М., 1900–1904.

Вандаль А., Наполеон и Александр I, т. III, Спб., 1913.

Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. М., 1945.

Генералиссимус Суворов. Сборник документов и материалов. М., 1947.

Давыдов Д В. Дневник партизанских действий 1812 года. М., 1941.

Драгомиров М. И., Разбор романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Киев, 1895.

Жилин П. А., Разгром турецкой армии в 1811 году. М., 1952.

Жилин П. А., Гибель наполеоновской армии в России. М., 1968.

Клаузевиц К., О войне, т. 1–2, М., 1936.

Коленкур А., Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943.

Левицкий Н. А., Полководческое искусство Наполеона. М., 1938.

Леер Г. А., Стратегия (Тактика театра военных действий). Главные операции, ч. I. Спб., 1898.

Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I, т. I–II. М., 1912–1913.

Михаил Илларионович Кутузов. К 200-летней годовщине со дня рождения. М., 1946.

Михайловский-Данилевский А. И., Описание первой войны императора Александра I с Наполеоном в 1805 году. Спб., 1844.

Михайловский-Данилевский А. И., Описание турецкой войны в царствование императора Александра С 1806 по 1812 г. Спб., 1843.

Михайловский-Данилевский А. И., Описание Отечественной войны 1812 года, ч. 1–4, изд. 2-е. Спб., 1840.

Нечкина М. В., Михаил Кутузов. М., 1944.

Нечкина М. В. и Жилин П. А., Бессмертная эпопея. «Коммунист», 1962, № 12.

Осипов К., Суворов. М., 1939.

Отечественная война 1812 года и русское общество, т. I–VII. М., 1911–1912.

План военных действий против Наполеона, представленный генералом от инфантерии князем Багратионом императору Александру I перед Отечественною войной 1812 года. «Русский инвалид», 1858, № 1.

Рындзюнский П. Г., Кутузов в Тарутинском лагере. «Исторический журнал», 1945, № 3.

Свечников М. С, Война 1812 года. Бородино. М., 1937.

Сегюр Ф. П., Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона I. Перевод с французского. М., 1913.

Синельников Ф., Жизнь, военные и политические деяния князя М. И. Голенищева-Кутузова. Спб., 1813.

Сироткин В. Г., Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801–1802 гг. М., 1966.

Соколов Б., Стратегия и тактика Бородинского сражения. «Исторический журнал», 1943, № 2.

Стендаль, Жизнь Наполеона. Воспоминания о Наполеоне. Собр. соч., т. XIV. М.—Л., 1950.

Тарле Е. В., Наполеон. М., 1941.

Тарле Е. В., Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1943.

Тарле Е. В., М. И. Кутузов – полководец и дипломат. «Вопросы истории», 1952, № 3.

Харкевич В. И., Березина. 1812 г. Спб., 1893.

Чернышевский Н. Г., Некоторые замечания, почерпнутые преимущественно из иностранных источников, о действительных причинах гибели наполеоновских полчищ в 1812 году. (Рецензия на книгу И. П. Липранди.) Собр. соч., т. 3. М., 1947.

Шильдер Н. К., Император Александр I. Его жизнь и царствование, т, I–III. Спб., 1897.

notes

Примечания

1

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 17.

2

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 20.

3

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 243.

4

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XI, ч. II, стр. 560.

5

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XI, ч. II, стр. 564.

6

3-я армия Тормасова в районе Луцка прикрывала направление на Киев и фланг армии Багратиона. Активные действия она начала лишь в конце войны, объединившись с Дунайской армией Чичагова.

7

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 196.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 14, стр. 39.

9

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 5–6.